ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина

ЖУРНАЛ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ ПРАВА
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

ГОД ИЗДАНИЯ 6-й.

1927 г.

Книга восьмая.

46963 гр. к.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО «ПРАВО и ЖИЗНЬ»
МОСКВА—34,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
ВЕЛИКОЛУЦКОГО ПРОМТРЕСТА
ГЛАВЛИТ А-1325 ТИРАЖ 1.000

Союз ССР, как союзное государство.

I.

25 октября (7 ноября) 1917 года 2-й Всероссийский С'езд Советов постановил: «Образовать для управления страной временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной С'ездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих Правительственная власть принадлежит Коллегии представителей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров. Контроль над деятельностью Народных Комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому С'езду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету». Этим постановлением была дана общая схема построения советской власти.

Свое углубление и развитие принципы советской Конституции получили в постановлениях 3-го С'езда Советов, состоявшегося в январе 1918 года. На этом с'езде была принята декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа. Конституция РСФСР была утверждена 10 июля 1918 года 5 м Всероссийским С'ездом Советов.

Вся система советской власти была определена актами, изданным и иполучившими свое применение первоначально только в РСФСР. Лишь в феврале 1919 года советская система устанавливается в Белоруссии и в марте того же года—в Украине. Только в 1922 году советская власть распространяется на все Закавказье. При этом во всех случаях утверждения советской власти за пределами Р.С.Ф.С.Р. остаются неизмененными те основные ее принципы, которые были впервые установлены на 2-м, 3-м и 5-м С'ездах Советов РСФСР.

Процесс восприятия советской системы был, однако, вместе с тем и процессом воссоединения распавшихся частей бывшей Российской Империи. Стремление восстановить нарушенное единство проявляется немедленно как только создаются необходимые для этого политические предпосылки.

1 июня 1919 года заключается договор об об'единении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом. В 1920—21 г. заключается целый ряд союзных договоров. 16 января 1920 г. заключается «союзный рабоче-крестьянский договор» между РСФСР и социалистической республикой Белоруссии; 30 сентября 1920 г.—договор о военно-экономическом союзе РСФСР с Азербейджаном; 28 декабря 1920 г. РСФСР заключает «союзный рабоче-крестьянский договор» с УССР; 13 сентября 1920 г. союзный договор заключается с Хорезмской советской народной республикой; 20 марта 1921 года ВЦИК дает ратификацию союзному договору с Бухарской советской республикой; 30 сентября 1921 г. заключается соглашение по финансовым вопросам между РСФСР и Социалистической Республикой Армении.

Договоры, которые за период времени 1919—1922 г.г. заключались между РСФСР и другими советскими республиками, имели, своим

предметом не простое разграничение тех или иных интересов; это были договоры, направленные на создание действительного об'единения. Заключение этих договоров сопровождалось образованием общих органов и при том прежде всего общих органов управления. Так, договором 1 июля 1919 года было создано тесное об'единение в области организации военного командования, железнодорожного управления, управления промышленностью, финансами и организации охраны труда. В договоре с Азербейджаном 30 октября 1920 года говорилось о том, что «правительство Азербейджанской республики и правительство РСФСР проводят в кратчайший срок об'единение: 1) военной организации и военного командования, 2) органов, ведующих народным хозяйством и внешнею торговлею, 3) органов снабжения, 4) железнодорожного и водного транспорта и почтово-телеграфного ведомства и 5) финансов». В союзном рабоче-крестьянском договоре между РСФСР и Социалистической Республикой Белоруссии, заключенном 16 января 1920 г., говорится уже об об'единении некоторых народных комиссариатов. Ст. 10 об'являет об'единенными народные комиссариаты: 1) военных и морских дел, 2) ВСНХ, 3) внешней торговли, 4) финансов, 5) труда, 6) путей сообщения и 7) почт и телеграфов. Ст. IV говорит о том, что об'единенные народные комиссариаты обеих республик входят в состав СНК РСФСР и имеют в СНК ССРБ своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых Белорусским ЦИК'ом и С'ездом Советов. В совершенно тождественных выражениях устанавливается об'единение народных комиссариатов в договоре с Украиной 28 декабря 1920 г. Соглашение, заключенное 30 октября 1921 г. с Арменией, устанавливает правило, по которому все кассовые учреждения на территории СССА подчиняются НКФ РСФСР через НКФ ССРА и совершают свои операции на основании общих кассовых правил для этих учреждений в РСФСР. Словом, то «тесное об'единение» различных частей управления, о котором говорилось в договоре 1 июня 1919 г. получило свою конкретизацию в идее образования об'единенных народных комиссариатов.

Замечательно, что об'единение совершалось путем образования общих органов именно в области управления. Органом законодательным в отношении об'единенных сфер управления естественно должен был быть ВЦИК и его Президиум. Об'единение совершалось вокруг РСФСР и ВЦИК был главным его стержнем, хотя степень непосредственной обязательности издаваемых ВЦИК актов была на территории различных республик все же различна. [1])

Естественное об'единение советских республик с РСФСР не остановилось, однако, на состоянии, которого оно достигло к концу 1922 г. Об'единение, совершившееся в течение 1919—1922 г., было лишено хоть сколько нибудь строгих форм, было в силу этого мало определенным и во всяком случае недостаточным для осуществления ставших перед советской властью политических и хозяйственных задач. От идеи об'единенного народного комиссариата, как принципа об'единения, должен был быть совершен переход к идее союзного государства.

26 декабря 1922 года X Всероссийский С'езд Советов выносит резолюцию, в которой признает своевременным об'единение РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР в Союз ССР и поручает избранной С'ездом делегации выработать, совместно с делегациями Украины, Закавказ-

---

[1]) См. С. А. Котляревский, СССР и союзные республики, 2 изд., 1926 г. стр. 4 сл.

ской республики и Белоруссии, проект декларации об образовании Союза республик с изложением обстоятельств, диктующих об'единение республик в одно союзное государство. Проект договора об образовании Союза должен быть представлен до внесения его на одобрение первого С'езда Союза на одобрение ВЦИК в лице его Президиума. С'езд уполномочил делегацию к заключению, на основе одобренных ВЦИК условий об'единения, договора РСФСР с социалистическими советскими республиками Украины, Закавказья и Белоруссии об образовании Союза.

30 декабря 1922 года 1-й С'езд Союза ССР постановил «декларацию и договор в основном утвердить». Вместе с тем, в виду чрезвычайной важности принятой декларации и заключенного договора, 1-й С'езд Советов Союза передал декларацию и договор на дополнительное рассмотрение ЦИК'ов Союзных Республик и поручил ближайшей очередной сессии ЦИК Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст декларации и союзного договора и немедленно ввести его в действие.

Утвержденные 6 июля 1923 года 2-й сессией ЦИК'а Союза ССР декларация и договор составили собой ныне действующую конституцию Союза ССР (декларация образует первый ее раздел, а договор — второй раздел), которая получила позднее (31 января 1924 г.) утверждение 2-го С'езда Советов Союза.

Таковы главнейшие моменты внешней истории образования Союза ССР. Образование Союза завершилось в течение первых шести лет революции. За этим последовали процессы разработки и уточнения форм вновь созданного единства. Если эти процессы не закончились еще и в настоящее время, то все же основные особенности советского союзного государства, его целостный исторический облик, выражен в Конституции 6 июля 1923 года столь ярко, что раскрытие особенностей природы советского союзного государства затруднений не представляет.

II.

У нас нет недостатка в попытках определить, к какому роду государственных соединений относится возникший в 1923 году Союз ССР. Некоторые считают, что он представляет собой конфедерацию (союз государств). Другие думают, что Союз ССР есть федерация (союзное государство). Ни то, ни другое из этих утверждений не может быть доказано хоть сколько нибудь убедительно. Есть ряд соображений, по которым Союз ССР не может быть отнесен к числу федераций, в обычном смысле этого слова, но есть также соображения, не позволяющие говорить о нем как о конфедерации.

То обстоятельство, что, согласно ст. 4 Конституции Союза, «за каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза», решительно не позволяет говорить о Союзе, как о федеративном об'единении в обычном, западном, смысле этого слова. Для союзного государства характерно принципиально противоположное: союзное государство есть единая государственная личность; союзное государство стремится к установлению принципа, обратного тому, который провозглашен в ст. 4 нашей конституции. Не «право выхода», но «единство и нераздельность государственной территории» — суть начала, утверждаемые обычно в конституциях союзных государств.

Союзная конституция провозглашает, кроме того, в ст. 3, суверенность республик, входящих в Союз, между тем как федерация пред

полагает переход суверенитета к союзу. Союз ССР «охраняет суверенные права союзных республик»; суверенитет их «ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза». «Вне этих пределов (т.-е. вне пределов ограничения суверенитета по конституции) каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно» (ст. 3, прим.).

В моментах, в которых конституция Союза содержит в себе существенные отступления от начал федерации, Союз имеет сходство с образованиями конфедеративного характера. Есть, однако, и существенные особенности, абсолютно недопускающие признания за Союзом ССР значения «союзаг осударств». Имея свои законодательные, административные и судебные органы, осуществляя свою власть непосредственно над гражданами Союза, Союз является соединением не международно-правового, но—государственно-правового характера. Государственно-правовая природа Союза вне всяких сомнений. Союз обладает при том своей собственной государственной властью, имеющей свои, определенные в конституции, предметы ведения, - властью, которая, ограничивая суверенитет союзных республик, черпает свои полномочия из конституции, а не из волеиз'явлений республик—членов Союза.

Совершенно очевидно, что Союз ССР не есть ни федерация, и ни конфедерация в обычно западно-европейском или американском смысле этих терминов. Союз есть образование sui generis. Конституция Союза ССР содержит особенности, которые не знают ни федерации, ни конфедерации западного типа.

Для того, чтобы понять значение этих особенностей, необходимо от внешних выражений обратиться к внутреннему существу рассматриваемых явлений. От абстрактных определений, которыми обычно ограничивается юридическое знание, необходимо перейти к конкретному уяснению, от формальной логики—к диалектике.

Обратимся с этой целью сначала к образам важнейших государственных соединений, которые дала нам западная политическая история и с которыми обычно сопоставляется советский Союз.

В чем заключается их внутреннее существо, в чем—движущая сила.

Об этом нам совершенно ясно говорят вводные части к конституциям большинства западно-европейских федераций.

«Мы, народ Соединенных Штатов, издаем и утверждаем эту конституцию для Соединенных Штатов Америки, с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, обеспечить внутреннее спокойствие, озаботиться совместной защитой, содействовать всеобщему благосостоянию и обеспечить нам самим и нашему потомству блага свободы». Так гласит вводная часть к конституции Соединенных Штатов 17 сентября 1787 года. Обеспечение внешней защиты, внутреннего спокойствия и благосостояния, правосудия и свободы—все это в своей совокупности должно привести к Союзу, более совершенному, чем предшествовавшее ему конфедеративное об'единение.

«Германский народ, единый в своих племенах и воодушевленный намерением обновить и упрочить свою империю (Reich) на началах свободы и справедливости, послужить делу мира, внутреннего и внешнего, и способствовать социальному прогрессу установил для себя нижеследующую конституцию».—Так начинается германская конституция 11 августа 1919 г.

Новая немецкая конституция говорит о «справедливости», о «социальном прогрессе», о чем умалчивает конституция Соединенных Штатов. Несомненно, однако, что в основе той и другой конституции

лежит одно общее стремление,—стремление юридически закрепить исторически создавшееся единство нации.

Конфедерация всегда стремилась подготовить это единство, а федерация—его завершить. Как конфедерации, так и федерации, известные нам из американской и европейской истории, имели всегда в основе своей стремление к созданию единой нации, единого народа. «Народ Соединенных Штатов», «германский народ, единый в своих племенах» и т. д. суть понятия, которыми соответствующие конституции начинаются.

Совершенно иначе начинается текст декларации об образовании Союза ССР.

«Со времени образования советских республик государства мира раскололись на 2 лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

«Там, в лагере капитализма—национальная вражда, неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны.

«Здесь, в лагере социализма—взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное строительство и братское сотрудничество народов...».

Союз Советских Социалистических Республик имеет своею задачей борьбу за проведение определенной системы социального и политического устройства, за проведение ее во всем мире.

Об едином народе, единой нации, здесь нет и речи. Напротив, в декларации об образовании Союза говорится о том, что «само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь об'единения в одну социалистическую семью». Как в декларации об образовании Союза (раздел I конституции), так и в договоре (раздел II конституции) утверждается, что Союз есть союзное государство. Но это союзное государство образуется в результате из'явления не «воли народа», но «воли народов». «Союз является добровольным об'единением равноправных народов», «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем».

Несомненно, конечно, что образование Союза ССР было облегчено некоторыми внутренними центростремительными течениями, вполне естественными на территории прежде единого государства, но наличие этих процессов не препятствует признанию положения, что природа Союза ССР принципиально глубоко отлична от внутреннего существа федераций западно-европейского и американского типа. Союз стремится не к национальному единству, но к единству социальному, из которого вытекает и единство политических целей.

Следует отметить, что идея образования единства отнюдь не национального, но именно социального, была выражена еще в союзных договорах РСФСР с республиками, которые впоследствии вошли в Союз. Договор с Азербейджаном исходил «из сознания глубокой общности интересов трудящихся масс Азербейджана и России». Договоры с Белоруссией и Украиной характеризуются как «союзные рабоче-крестьянские договоры». Договор с Арменией заключался «в целях упрочения братских и союзных связей». Словом, декларация об образовании Союза ССР дала законченную формулировку идеям, которые в той или иной мере и прежде определяли собою отношения между советскими республиками. Идеи эти связаны с самым существом Октябрьской революции.

III.

Единство Союза ССР есть в идее своей единство социалистического общества, которое сохраняет, однако, важнейшие аттрибуты государственности. Идея Союза ССР есть идея «об'единения трудящихся масс в одну социалистическую семью», вынужденную принять форму государства. Союз ССР есть государство, стремящееся совершенно слиться с гражданским обществом, построенным на социалистических началах. Союз ССР есть централизованное в форме государственности гражданское общество.

Конституция Союза ССР восприняла формы, а с этим вместе и терминологию, западной, в существе своем римско-германской, государственности. Конституция ССР говорит о суверенитете, о союзном государстве, о законодательстве, об управлении, о суде и пр. Содержание создаваемых конституцией отношений, глубоко отличное от содержания отношений, существующих внутри буржуазного общества и буржуазного государства, влечет, однако, за собой существенные изменения самого смысла этих форм и терминов.

Мы уже видели, что смысл термина «союзное государство» здесь совершенно новый. Союз ССР, как союзное государство, есть не только политическое, но социальное единство. Или, точнее говоря, политическим единством Союз является лишь в той мере, в какой он есть единство социальное, единство «социалистической семьи».

С другой стороны, Союз ССР есть боевой союз, есть «лагерь социализма», образованный против «лагеря капитализма». Декларация об образовании Союза говорит о «неустойчивости международного положения», об «опасности новых нападений», о «неизбежности создания единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения». Союз ССР, образованный для целей устроения хозяйственной жизни, вынужден быть союзом военной защиты. Кроме того, декларация утверждает, что образование Союза ССР является «новым решительным шагом по пути об'единения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Союз ССР есть, таким образом, союз, образующий собою не мирную «семью»; Союз ССР есть союз революционного действия.

Союз ССР, утверждающий социальное братство во всем мире путем революционного действия рассматривает себя, естественно, как нечто большее, чем суверенное государство Союз ССР не в малой мере не желает ограничить свои задачи задачами суверенного государства, хотя и обладает всеми теми полномочиями, которые обычно характеризуют суверена. По самой идее своей Союз продполагает суверенные государства входящими в свой состав. Союз не только не отрицает суверенитета государств—членов Союза, он принципиально предполагает этот суверенитет. Государства—члены Союза не поступаются суверенитетом в принципе. Ставши советскими социалистическими республиками, вступивши в Союз ССР, ставши членами «социалистической семьи», государства эти должны лишь поставить цели Союза выше своего суверенитета, который, поэтому, по предметам, относящимся к компетенции Союза и в пределах, указанных в его конституции, ограничивается (ст. 3 конст.). Государства—члены Союза ССР признаются суверенными до вступления в Союз, т. к. они мыслятся вступающими в Союз добровольно; государства—члены Союза ССР остаются суверенными и после вхождения в Союз, т. к. за каждым из них сохраняется право выхода из Союза (ст. 4 конст.). Союз ССР, как союз социаль-

ного братства и революционного действия, не может утверждать о своей юридической нерасторжимости в той мере, в какой ее утверждают федерации запада, для которых единство союза есть единство исторического существования единой нации, единого народа. Предполагать (юридически) расторжимость республики Соединенных Штатов или Германской Империи значит отрицать безусловность как раз того единства и целостности, в силу исторического бытия которого образуется соответствующая юридическая организация. В отличие от этого, Союз ССР образуется не для закрепления, но для революционного изменения исторически создавшегося порядка. История рассматривается здесь не как неизменный в своей внутренней целостности процесс, но как цепь непрерывных утверждений и отрицаний. Проблема суверенитета разрешается конституцией Союза в том смысле, что национальные государства с присущими им аттрибутами суверенности преобразуются в государства—члены Союза ССР. В настоящее время государствaа эти подчиняют свою суверенность задачам и целям Союза. В этом заключается одновременно и акт отрицания государственного прошлого и акт утверждения социалистического будущего.

Итак, конституция Союза ССР, существенно изменив понятие союзного государства, изменила и юридическое значение понятия суверенитета. Теснейше связано со сказанным и преобразование других государственно-правовых категорий, особенно же понятий законодательства и управления. При исследовании этих понятий можно будет установить, в какой мере союзная государственность выдерживает на практике свое своеобразие, свой разрыв с традиционными европейскими категориями государственно-правовой мысли.

Э. Понтович.

Финансовое законодательство за 1917—1927 гг.

Финансовое законодательство истекшего десятилетия весьма ярко отражает различные периоды в жизни советского государства и в то же время показывает, какая большая работа за этот период была выполнена в области упорядочения финансового хозяйства, неразрывно связанного с народным хозяйством Союза вообще.

В развитии этого законодательства основной гранью явился переход к новой экономической политике, выразившейся в замене продовольственной разверстки продовольственным налогом со всеми вытекающими отсюда народно-хозяйственными последствиями. Эпоха военного коммунизма тяготела к натуральному хозяйству. Главное значение для поддержки государственного аппарата и организации государственного хозяйства имели материальные рессурсы, отчасти сохранившиеся от дореволюционного времени и перешедшие в распоряжение государства, отчасти получаемые путем продовольственной разверстки. С другой стороны государство имело в своем распоряжении в известных пределах трудовую силу населения и использовало ее в порядке натуральной трудовой повинности. Неудержимое обесценение денег, поддерживаемое необходимостью все более и

более широкой эмиссии создавало представление о том, что в недалеком будущем денежное хозяйство может вообще отмереть и замениться хозяйством основанном на непосредственном товарном обмене. Вместе с этим падало значение бюджетных ассигнований, отмирали денежные налоги, изчезала необходимость в денежном кредите. За несколько месяцев до перехода к новой экономической политике разрабатывался проект о замене денежных единиц единицей трудовой (тредами), в которой должен выражаться и бюджет и другие исчисления. Сам НКФ'ин в этих условиях шел по пути превращения в некоторую расчетную бухгалтерию, которая самостоятельного значения иметь не могла.

Переход к новой экономической политике был возможен лишь при переходе к денежному хозяйству и оздоровлении общей финансовой системы. Прежде всего должен был измениться самый взгляд на значение финансов в общей жизни государства и, на значение того органа, который ведает финансовое хозяйство страны. «Всероссийский Центральный Исполнительный комитет» говорилось в декрете ВЦИК от 10 октября 1921 г. о мерах к упорядочению финансового хозяйства, «не может не учесть того обстоятельства, что за истекшее революционное трехлетие во всех советских учреждениях и предприятиях установился взгляд на деятельность НКФ, как на деятельность учреждения, в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации. Теперь этот взгляд должен подвергнуться коренному изменению и всем местным советам, центральным управлениям ведомств и всем советским учреждениям и предприятиям принять к сведению и неуклонному руководству, что интересы возводятся на степень интересов высшего государственного порядка и что всемерная охрана этих интересов составляет обязанность каждого советского учреждения и предприятия и каждого должностного лица и что отсюда вытекает совершенно иное понимание места финансовых органов в системе советских учреждений».

Можно сказать, что это понимание действительно укоренилось и оно сделало возможным несмотря на огромные трудности, далеко не изжитые и в настоящее время, достижения первостепенной важности.

Достижения, которые прежде всего выразились в бюджете. В эпоху военного коммунизма было вобщем весьма подробное законодательство, регулирующее составление, рассмотрение, утверждение и исполнение бюджета. Все основные положения бюджетной дисциплины уже имелись на лицо в этом законодательстве. Но они не могли оказать практического воздействия на оздоровление бюджета при непрерывно падающей валюте и при том, что главная масса и реальных доходов и реальных расходов проходила помимо бюджета. Иное значение получили эти правила бюджетной дисциплины с переходом к новой экономической политике. Советская власть начала энергичную борьбу за цели которые были намечены уже вышеприведенным постановлением 10 октября—1921 года. Предполагалось возможным с 1922 года установить твердый годичный бюджет. Однако в условиях тогдашнего финансового хозяйства этот бюджет оказался неосуществимым: пришлось придать ему ориентировочный характер, а действительными бюджетами сделать бюджеты квартальные и даже ежемесячные финансовые планы. Затем, начиная с 1923 года бюджетные сроки удлиняются, квартальные бюджеты уступают место полугодовым и с 1 октября 1925 года устанавливается твердый годичный бюджет.

Возможность его, конечно, была связана с переходом к твердой денежной валюте и к установлению более устойчивого равновесия между доходной и расходной частью.

Далее, в бюджете должна была отразиться самая структура Союза ССР. Конституция последнего устанавливала наличие единого государственного бюджета, в состав которого входят бюджеты союзных республик. Конкретизация именно этого пункта Конституции была связана с очень большими трудностями. Если с одной стороны среди некоторых представителей союзных республик имелась тенденция рассматривать общесоюзную часть бюджета и бюджеты союзных республик связанными слишком внешним образом, представлять себе единый государственный бюджет лишь как совокупность этих бюджетов, то с другой стороны представители союзных ведомств нередко склонны были видеть в бюджетах союзных республик лишь главы или подразделения единого бюджета СССР. Нужно было достигнуть некоторого равновесия между интересами финансово-хозяйственного единства и возможности самостоятельного развития республик в соответствии с Конституцией Союза. Это равновесие было в возможных пределах достигнуто положением о бюджетных правах 29 октября 1924 года. Однако оказалось, что в рамках его вопрос разрешится не может и что в частности те доходные источники, которые по этому положению представлялись союзным республикам, совершенно недостаточны для покрытия их важнейших расходов. Союзные республики по прежнему прежде всего зависели от дотаций из общесоюзного бюджета Ранее формальной отмены этого положения оно в значительной степени перестало действовать. Новое положение о бюджетных правах 25 мая 1927 года предоставляет союзным республикам новые доходные статьи, особенно в области прямых налогов и отчислений от гербового сбора, значительно более широкие возможности самостоятельного сбалансирования их бюджетов, а также уточняет их права в области прохождения и исполнения их бюджета. В то же время оно сохраняет принцип единого государственного бюджета Союза ССР, который неразрывно связан со всем нашим хозяйственным единством, и вытекающее отсюда единство кассы, которое было регулировано постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 октября 1925 года.

Вместе с тем были уточнены и приведены в соответствие с бюджетным опытом те правила по составлению и исполнению бюджетов, которые издавались на каждый год, установлена новая бюджетная классификация, точно определено открытие сверхсметных кредитов и вообще созданы основы бюджетного законодательства в соответствии с новыми финансово-хозяйственными потребностями.

Оздоровление бюджета было бы невозможным без напряженной работы по усилению доходных поступлений. Эти поступления, которые в момент перехода к новой экономической политике были в значительной мере натуральными, постепенно приняли целиком денежную форму. В этом отношении особенно важно было обращение 1-го января 1924 года единого сельско-хозяйственного налога в чисто денежный.

В начале 1921 года был поставлен вопрос об отмене налогов вообще, которые в обстановке военного коммунизма и стремительно обесцениваемых денежных знаков теряли свое значение. Но с лета 1921 года, когда введен был промысловый налог, быстро развивается законодательство и о прямом и косвенном налоге.

Среди первых единый сельско-хозяйственный налог, которым и был заменен налог продовольственный, долгое время не получает устойчивой законодательной формы. В этом вопросе признавалось особенно необходимым учитывать опыт налоговых кампаний. По мере развития промышленности и торговли удельный вес единого сельскохозяйственного налога в общей массе государственных доходов понижается—но все же и в бюджете 1926—27 годах он по своим размерам является самым крупным из прямых налогов. С другой стороны он имеет первостепенное политическое значение отражая на себе общую политику советской власти.

Важнейшее преобразование единого сельско-хозяйственного налога совершилось по закону 25 апреля 1926 года. Он превращен в прогрессивный налог, которым облагаются доходы от сельского хозяйства, а вместе с тем и побочные неземледельческие заработки. Таким образом, для деревни он получил то же значение, как подоходный для города. При этом существенно облегчались платежи сельских низов и увеличивалось обложение верхних слоев деревни. Положение 25 апреля 1926 года, как и предшествующие, было издано на год. Положение о едином сельско-хозяйственном налоге 2 апреля 1927 г., сохраняя начало прогрессивно-подоходного обложения и вводя новые поощрения к улучшению крестьянского хозяйства уже издано без срока, намечая как бы законченное решение этого важнейшего вопроса.

Значение промыслового налога выросло вместе с ростом промышленности и торговли. Положение о нем 18 января 1923 года весьма быстро обросло целым рядом дополнений, которые в особенности касались льгот и из'ятий. Необходимость их систематизировать и пересмотреть, как и вообще учесть в данном случае налоговый опыт, привела к изданию нового о нем положения 24 сентября 1927 года. Оно отвечало прежде всего тем растущим бюджетным запросам которые требовали увеличения суммы налогов.

Отсюда необходимость пересмотреть существующие льготы по промысловому налогу. Некоторые из этих льгот, например, предоставленные кооперативным организациям, в особенности, потребительской кооперации, являлись в условиях 1926 года, во всяком случае более спорными, ввиду укрепления финансового положения кооперации. С другой стороны, растущие бюджетные потребности заставляли придать иной характер, чем раньше, патентному сбору, который становился своего рода самостоятельным налогом и лишь отчасти являлся авансом уравнительного сбора. В то же время при этом пересмотре нужно было провести в законодательстве те самые общие начала налоговой политики, которые требовали перенесения большей тяжести обложения на имущие группы населения и должны были являться препятствием к росту непроизводительного потребления. Наконец новый закон о промысловом налоге создавал известные стимулы в отношении направления частного капитала, главным образом поощряя его направление в области промышленности, а не в излюбленную им область торговли.

Одновременно с законом о промысловом налоге было издано и положение и о подоходном налоге 24 сентября 1926 года Это было уже третье изменение в законодательном порядке подоходного налога. Когда он начал вырабатываться еще в 1922 году ясны были те огромные технические трудности, которые связаны были с его введением. В положениях 12 ноября 1923 года и 29 октября 1924 года эти трудности до известной степени преодолевались. Опыт заставил отказаться

от некоторых видов обложения, которые не оправдывались в финансовом смысле и вызывали возражения с точки зрения общеполитической. Так положение 29 октября 1924 года отказалось от поимущественного налога, который дал совершенно ничтожный результат. Положение 24 сентября 1926 года ликвидировало тот основной подоходный налог, который падал своей тяжестью на широкие неимущие слои и в то же время до чрезвычайности осложнял работу финансовых органов. Несомненно действующее положение представляет крупный шаг вперед, будучи построено по последовательно проведенному принципу прогрессивного обложения. Кроме того, оно устанавливает более равномерное повышение ставок и в то же время облегчая обложение рабочих и служащих по найму, а также некоторые категории плательщиков, занятых личным трудом не по найму, увеличивает обложение нетрудовых доходов и в этом смысле проводит общий классовый принцип нашей налоговой политики.

Что касается до обложения подоходным налогом государственных и кооперативных предприятий и до предоставления в этом смысле льгот, то и здесь приходится считаться с бюджетными вопросами, требующими весьма осмотрительного отношения к этим льготам, а с другой—проверять, насколько в настоящее время они являются необходимыми для правильного хозяйственного развития данных предприятий и организаций. В настоящее время подоходный налог с предприятий регулируется законом 15 октября 1926 г.

Из прямых налогов здесь далее можно упомянуть о налоге с имуществ, переходящих в порядке наследования и дарения. Положение 29 января 1926 года в этом смысле является актом большой важности, так как оно уничтожило установленный ранее в гражданских кодексах Союзных Республик максимум суммы могущей быть переданной по наследству и, таким образом, могло придать налогу с наследственных имуществ более серьезное финансовое значение.

На середине между прямыми и косвенными налогами стоит гербовой сбор, который, в особенности, поскольку он являлся сбором пропорциональным, приближается к налогам косвенным. Положение о гербовом сборе 17 августа 1923 года также, как и Положение о промысловом налоге дополнено целым рядом частных отдельных законодательных актов, вызвало возражения прежде всего со стороны его необыкновенной сложности, а затем и со стороны слишком большого количества актов, которые им облагались. С этой стороны вновь принятый закон о гербовом сборе 14 сентября 1927 года в чрезвычайной степени упрощает его взимание, и дает целый ряд освобождений от него, вполне оправдываемых опытом.

В области акцизов мы имеем, начиная с 1921 года весьма сложное дробное законодальство, которое изменяет в соответствии с необходимостью уменьшить доходные источники с одной стороны, и облегчить различным отраслям производства и потребления предметов первой необходимости—с другой. И здесь законодательство проводит тот же принцип возложения наибольших расходов на имущие группы населения и возможного облегчения широких масс. Если обложения более дорогих тканий, более высоких сортов табачных изделий и т. д. постепенно увеличивается, то с другой стороны, уничтожен был акциз на соль, снижен акциз на керосин, понижено в интересах винодельческих районов обложение легкого вина и т. д Само собой разумеется это вопрос экономической политики, и законодательство лишь оформляет даваемые на них ответы. С точки зрения этого оформления и систематизации нашего законодальства об акцизах,

весьма важным является тот проект акцизного кодекса, который находится в настоящее время на рассмотрении в законодательных учреждениях.

В области таможенных пошлин, которые у нас приобрели бюджетное значение, позже чем акцизы, но которые в то же время являются необходимым средством защиты развивающейся промышленности в Союзе ССР, за истекший период с одной стороны, были изданы тарифы по европейской и азиатской торговле, утвержденные 8 ноября 1924 года и пересмотренные в 1926 году. С другой—имеется таможенный устав 1924 года, который также в настоящее время пересматривается и должен быть заменен новым таможенным сводом, проводящим начало большей централизацией таможенного дела и более действительные способы борьбы с контрабандой.

Нельзя здесь не упомянуть и общего законодательства о налогах и сборах, в частности. Положения о взимании 2 октября 1925 года, который устанавливает права и обязанности различных органов взимания налогов с одной стороны, и плательщиков—с другой. Это положение подверглось также ряду частичных изменений, из которых одни увеличивали санкции обеспечивающие исправное и своевременное поступление налогов, а другие, в особенности в области сельскохозяйственого налога были направлены к ограждению прав и интересов плательщиков.

Гораздо менее последовательный и цельный вид имеет наше законодательство о неналоговых доходах, которое к тому же в значительной мере относится к компетенциии союзных республик. Это касается, прежде всего лесного дохода, который занимает одно из первых мест в финансовом смысле среди неналоговых бюджетных источников. Так как лесные таксы существенным образом отражаются на общесоюзной промышленности и транспорте, то явилось безусловно необходимым достигнуть в этом смысле некоторого общесоюзного регулирования которое производится постановлениями СТО.

Тоже самое следует сказать о горном доходе, важнейшей частью которого является арендная плата за пользование недрами, установленная еще Положением о недрах 7 июля 1923 года. Здесь эта плата регулируется, главным образом, постановлениями заинтересованных ведомств, разногласия между которыми могут разрешаться СТО и нормами, которые принимаются при ежегодном утверждении бюджета. Что касается до отчислений от прибыли промышленных и торговых предприятий, то в этом смысле наше законодательство было особенно дробно и не заключало в себе каких либо определенных норм. Первым актом, которым устанавливалась норма, явилось Положение о трестах 10 апреля 1923 года, не определявшее, однако, точных размеров отчислений от прибыли трестов в доход казны. Эти отчисления устанавливаются особыми комиссиями или постановлением СТО в каждом отдельном конкретном случае. В настоящее время новый законо трестах делает значительный шаг вперед, указывая что определенная доля чистой прибыли, получаемой от трестов должно итти в доход казны помимо отчислений в средства долгосрочного кредита. Несомненно тот же вопрос должен быть урегулирован в отношении синдикатов законом, который будет о них издан в ближайшее время.

Это состояние законодательства о неналоговых доходах отчасти связано с тем, что надлежащее внимание стало уделяться к неналоговым доходам значительно позже, чем к налогам и что основой нашего бюджета до сих пор являются налоговые источники. Несомненно необходимо в настоящее время укрепление дисциплины в области

уплаты именно неналоговых доходов. Кроме того важным средством обеспечения их поступлений является распространение на неналоговые доходы различных правил, регулирующих уплату налогов, в частности, распространение на них бесспорных взысканий.

Обращаясь к области денежного и кредитного обращения следует, прежде всего, отметить самое основное достижение, которое в этом смысле было сделано, т. е. переход к твердой валюте.

Первым важнейшим актом, подготовляющим денежную реформу был закон о выпуске банкнот, при котором создавалось двойственность валютной единицы. Но такое положение создающее валютную двойственность не могущее остановить обесценение денежных знаков не могло быть длительным. Постановлениями ЦИК и СНК Союза от 5 февраля 1924 года выпускались в обращение твердые государственные казначейские билеты, на которые могли быть разменяваемы червонцы. В дальнейшем, старые дензнаки аннулировались, расчетной единицей становился золотой рубль, который соответствовал червонному рублю. Теоретически можно спорить, насколько и в настоящее время между этими двумя единицами дожно поставить знак равенства, тем более, что во внешней форме червонцев нет никаких указаний на то, что он равнозначен десяти золотым рублям. Однако, несомненно, одной из основных предпосылок денежной реформы являлось уравнение счета в золотых и червонных рублях и эта предпосылка принята и всеми нашими финансовыми законодательствами.

46963

При таких условиях эмиссия, которая в эпоху военного коммунизма являлась главным хотя и призрачным, доходным источником, должна была потерять свое значение для покрытия бюджетных расходов. Недопустимость такого покрытия была признана постановлением 2-й сессии ЦИК Союза ССР II созыва 29 октября 1924 г. Вместе с тем прочность денежной реформы требовала энергических мероприятий по устранению всякого рода денежных суррогатов и по обеспечиванию для государства свободы маневрирования всей находящейся в его распоряжении денежной массы. С этим была связана и необходимость всячески охранять единство кассы.

В области валютных операций постановление ЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1923 г. было в известных пределах допущены сделки по покупке и продаже золота и серебра в слитках, иностранной валюты, а равно чеков и векселей, выписанных в этой валюте; однако и государственные и кооперативные предприятия могли совершать валютные сделки лишь под контролем валютного совещения при НКФ. Устанавливался максимум валюты, который мог быть вывезен на одного человека. Законодательство в эту эпоху стремится в возможно большей степени оставить в своих руках распоряжение валютой.

С переходом к твердой денежной системе оказалось возможным несколько смягчить эти ограничения. Постановлением Президиума ЦИК Союза ССР допущено свободное совершение сделок с фондовыми ценностями, но для валютных операций государственные и кооперативные организации (а по закону 11 июля 1926 г. и частные) должны получить разрешение Валютного Совещания. Нельзя оспаривать, что то валютное напряжение, которое может испытываться неопределенно долгое время, вызывает необходимость деятельного регулирования валютных операций. Вместе с тем предпосылкой нашего не только валютного, но и вообще финансово-хозяйственного законодательства является желательно возможно большего привлечения иностранной валюты в СССР.

Кредитное законодательство не могло иметь никакой почвы для своего развития в эпоху военного коммунизма, когда самая кредитная система отмирала. С переходом к новой экономической политике оздоровление государственного финансового хозяйства потребовало и организации кредита. С одной стороны оказались возможными внутренние займы, имеющие целью предоставить в руки правительства, суммы, которые оно не могло получить в бюджетном порядке. Некоторые из этих займов еще отражали пережитки натурального обращения на рынке (хлебные займы 1 и 2-й 1922-23 г., сахарный заем 1923 года). Затем заключается ряд займов чисто денежного характера. Поскольку задача восстановления народного хозяйства СССР потребовала особо крупных сумм, которые не могли быть получены, и бюджетные ассигнования не могли быть здесь достаточны, появляются займы, носящие целевой характер содействия восстановлению народного хозяйства. Отчасти таков был крестьянский выигрышный заем от 19 марта 1924 года и в особенности государственный внутренний заем хозяйственного восстановления 1925 года и заем индустриализации народного хозяйства, принятый постановлением ЦИК и СНК СССР 24 августа 1927 г. Сюда же, наконец, относятся и 8% займы 1925-26 года, принятые для восстановления основных капиталов государственных предприятий.

Одновременно с этим развивается система государственных кредитных учреждений. Первым крупнейшим шагом в этом смысле было учреждение государственного банка через несколько месяцев после перехода к новой экономической политике (Положение от 10 октября 1921 г.). Затем оказывается невозможным сосредоточить кредитные операции в одном хотя бы и столь мощном центре и создается ряд специальных банков; промышленный, сельско-хозяйственный, коммунальный, электробанк и банк для внешней торговли. Значение их тем более возрастает, чем более финансирование народного хозяйства выходит за пределы узких бюджетных рамок и основывается на банковом кредите. В настоящее время основные положения в построении кредитной системы и распределение их функций между отдельными банками уже утверждены постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 15 июня 1927 года.

Далее встала задача приближения кредита к населению и соответственно децентрализация кредитной системы. Степень этой децентрализации по необходимости должна быть различна в разных отраслях кредитования. Сельско-хозяйственный и коммунальный кредит может быть более децентрализован, чем кредит промышленный. Еще важнее является задача построения низовой кредитной сети, которая до некоторой степени разрешалась законом о кредитной кооперации 24 января 1922 года и в настоящее время разрешена законом о кооперативном кредите 18 января 1927 года. Последнее с одной стороны устанавливает достаточно широкую свободу деятельности низовых кредитных учреждений, а с другой обеспечивает необходимый надзор за ними высших финансовых органов.

Нет сомнений, что правильное функционирование низовой кредитной сети является одним из важнейших условий развития нашего народного хозяйства в частности, улучшения хозяйства крестьянского. Только путем сельско-хозяйственного кредита, организация которого регулируется законом 4 января 1927 года, могут быть получены достаточные средства на снабжение этого хозяйства лошадьми, семенами, сельско-хозяйственными орудиями, на помощь при переселении и т. д. Такое значение имеет этот кредит и для кустарной промышленности.

Несомненно законодательство о кредите получит дальнейшее широкое развитие по мере того, как будет усиливаться кредитное финансирование народного хозяйства. Оно должно сказаться и на нашем гражданском правовом законодательстве, как оно уже сказалось, например, на 101 ст. нашего Гражданского Кодекса, установив постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 декабря 1925 г. порядок удовлетворения претензии из заложенного имущества. Вместе с тем задача привлечения средств для усиления капиталов кредитных учреждений и привлечения сбережений особенно деревенских выдвигает значение трудовых сберегательных касс, действующих на основании Положения от 27 ноября 1925 года. Вероятно в ближайшее время именно в этой области финансового законодательства будет сосредоточено наибольшее внимание.

В эпоху военного коммунизма не имелось налицо каких-либо условий для развития местных финансов. Эмиссионное хозяйство требовало полной централизации, и самое различие государственного и местного бюджетов, которое было принято в Конституции 1918 года, не могло быть проведено в жизнь. С переходом к новой экономической политике и необходимостью упорядочить государственный бюджет является потребность разгрузить его от таких расходов, которые могут быть переданы местам. В то же время, если в условиях советского строя не могло быть противопоставления государственного и местного самоуправления, то оставалась возможность для самостоятельного развития местного хозяйства. Уже в августе 1921 года некоторые расходы и некоторые доходные статьи передаются местам и в последующие годы список тех и других непрерывно увеличивается. 12 ноября 1923 года было принято первое положение о местных финансах, которое охватывает, как местные доходы и расходы, так и нормы регулирующие составление, утверждение и исполнение местных бюджетов. Вместе с тем по общим условиям не могло быть достигнуто равновесие местных расходов и местных доходов и в значительной мере местные бюджеты должны были основываться на дотациях из бюджета общегосударственного. Новое Положение о местных финансах 29 октября 1924 г. заменяло эти дотации, идущие на покрытие дефицита субвенциями, т. е. помощью из общегосударственных средств на определенные социально-культурные и хозяйственные расходы, помощью, которая являлась дополнением к отпущенным на каждый предмет средствам из местного бюджета.

По мере упорядочения бюджета общегосударственного и все растущих запросов с мест, особенно в области народного образования, здравоохранения и сельско-хозяйственной помощи населению явилась необходимость изменить законодательство о местных финансах в смысле расширения их финансовой базы. Теперь стояла задача уже не столько разгрузить государственный бюджет, сколько расширить возможность удовлетворения экономических культурных запросов мест. В такой обстановке происходила выработка ныне действующего положения о местных финансах 25 апреля 1926 года. Это Положение, которое в отличие от прежних уже не называется временным, стремится к тому, чтобы местные бюджеты могли самостоятельно балансироваться; с одной стороны оно снимает с них некоторые расходы, которые по самому характеру являются скорее общегосударственными (содержание мест заключения). С другой — оно расширяет их доходные источники, главным образом путем увеличения отчисления от государственных налогов и неналоговых доходов. С принятием этого поло-

жения единый сельско-хозяйственый налог становится на $^2/_3$ местным доходным источником.

Далее, законодательство о местных финансах идет по пути децентрализации этих финансов, стремясь в особенности усилить низовые местные бюджеты—волостной и городской и допускает даже наличие сельских. Положение 25 апреля 1926 года признает за этими бюджетами основной характер и придает бюджетам вышестоящих территориальных единиц дополнительное значение. Вместе с тем это Положение в отличие от прежних устанавливает лишь общие принципы местного финансового хозяйства и бюджета и предоставляет развитие их в соответствии с бытовыми, социально-культурными особенностями союзных республик законодательству последних.

Рядом с этим основным законодательством о местных финансах, которое ранее других частей финансового законодательства было об'единено, весьма важное значение имеют с одной стороны законы, регулирующие использование местных имуществ (закон 12 ноября 1923 г., в настоящее время пересматриваемый), а затем законы которые, определяют права местных советов в области кредита. Если многие задачи государственного строительства оказались бы совершенно невыполнимыми без наличия, без финансирования их в порядке кредитно-банковом, то же самое надо сказать и относительно местного хозяйства. И здесь требуются такие вложения средств в местную промышленность, коммунальное хозяйство, дорожное дело и т. д., которые, конечно, не могут быть получены за счет бюджетных ассигнований. В этом смысле важное значение имеет постановление ЦИК и СНК РСФСР от 30 июня 1926 года определяющее права различных местных органов заключать долгосрочные и краткосрочные займы.

Сравнительно менее отразилось на законодательстве истекшего периода те задачи в области финансового контроля, которые легли на финансовые органы после преобразования в 1923 году Рабоче-Крестьянской инспекции. Деятельность финансового контроля, имеющая такое значение для оздоровления бюджета протекала, главным образом, на основании инструкций, издаваемых НКФ по соглашению с НК РКИ.

В настоящее время произошло коренное изменение в положении финансового контроля, отразившееся в постановлении. Финансовый контроль освобождается от сплошной документальной ревизии, поле деятельности его значительно сокращается, но хотя ему дается более углубленная и всесторонняя проверка того, как ведется дело на отдельных участках бюджетного поля. Новое Положение о финансовом контроле принятое СНК СССР 11 апреля 1927 г. подлежит рассмотрению ближайшей сессией ЦИК СССР.

Таковы важные области финансового законодательства за истекший период. Просмотр этих законодательных актов ясно указывает основные достижения. Создан твердый бюджет, который является одним из важнейших факторов реконструкции нашего народного хозяйства и в котором установлено равновесие между финансово-хозяйственным единством Союза в его целом и экономическими, социальными и культурными запросами союзных республик. Создана система налогов, которая имеет в виду перераспределение национального дохода, возможно большее обложение непроизводительного потребления и возможно большего проведения начала прогрессивности. В значительной мере урегулированы неналоговые доходы, которые постепенно должны занять главное место среди доходных источников нашего бюджета, но рост которого связан с общим под'емом наших

производительных сил и часто требует взаимных предварительных вложений. В самых трудных условиях осуществлена денежная реформа, установлена твердая валюта, выпущен ряд внутренних займов, создана целая система кредитных учреждений, которая постепенно должна стать главным источником питания народного хозяйства. Организован местный бюджет, в котором доходы и расходы в настоящее время приближаются к равновесию, и который в порядке децентрализации и укрепления бюджетов городских, волостных, а отчасти даже сельских приближается к самым широким слоям местного населения.

Эти достижения достаточно крупны и бесспорны, они достаточно отражаются на всем нашем народном хозяйстве и они должны быть полностью учтены при характеристике того строительства, которое выполнено за истекшие десять лет.

С. Котляревский.

Развитие Гражданского Законодательства в Р. С. Ф. С. Р.

Необходимость создания гражданского законодательства в РСФСР возникала далеко не сразу после упрочения Советской власти.

В эпоху военного коммунизма, за отсутствием гражданского оборота и за отмиранием денежного обращения, гражданское законодательство являлось, в сущности, совершенно излишним. Правда, как исключение, некоторые проявления гражданского оборота замечались и в эту эпоху, но они охватывали столь ограниченный круг лиц и имели такой незначительный удельный вес в общем балансе народного хозяйства, что государство не считало целесообразным уделять им свое внимание.

Потребность в гражданском законодательстве стала настоятельно ощущаться только со времени перехода к новой экономической политике, когда оживилось денежное и товарное обращение и в известных пределах развязался частный оборот.

22-го мая 1922 года 3-я сессия ВЦИК IX-го созыва приняла чрезвычайно важный акт декларативного характера—декрет «об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (С. У. 1922 года № 36 ст. 423). [1])

Основания, вызвавшие принятие сессией ВЦИК этого акта выражены в нем с достаточной определенностью.

«В целях установления точных взаимоотношений государственных органов с об'единениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их об'единений между собой, и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев, ВЦИК постановляет:

---

[1]) Декрет этот вызвал на сессии ВЦИК оживленные прения (выступления—Рязанова, Ларина, Скрыпника и др.—см. бюл. № 2. 3-й сессии ВЦИК IX-го созыва); подробное обоснование декрета—в речи Наркома Юстиции РСФСР Д. И. Курского (сборн. «На путях развития советского права», стр. 60; 1927 г.).

1) предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, право на территории РСФСР и союзных и договорных с нею Советских Республик организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами, с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда;

2) предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, нижеследующие имущественные права и защиту их судами».

В дальнейшем, этот акт прокламировал признание государством—частной собственности на немуниципализированные строения и движимое имущество, права застройки и права залога этих видов имуществ. Восстанавливался этим актом и отмененный в 1918 году институт наследования (правда, в ограниченных пределах—с допущением наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими в пределах общей суммы наследства 10000 зол. рублей; исключения из этого допускались лишь в случаях, предусмотренных особым законом). В разделе—«обязательственные права»—акт от 22-го мая 1922 года предоставлял право заключения всякого рода не запрещенных законом договоров, каковые договоры получали законную силу и могли пользоваться судебной защитой только с соблюдением правил, указанных в этом акте. Иностранные акционерные общества, товарищества и проч. могли приобретать права юридического лица в РСФСР лишь после надлежащего разрешения уполномоченных на то СНК органов. Иностранные юридические лица, не имевшие разрешения на производство операций в РСФСР, могли пользоваться правом на судебную защиту в РСФСР по претензиям, возникающим вне пределов РСФСР и относящимся к ответчикам, пребывающим в ее пределах, не иначе, как на началах взаимности. Указывалось также, что споры о праве гражданском должны разрешаться судебным порядком.

На основе этого акта ВЦИК поручал Президиуму ВЦИК внести на следующую очередную сессию ВЦИК проект Кодекса гражданских законов РСФСР.

История разработки проекта Кодекса гражданских законов подробно изложена С. И. Раевичем в Энциклопедии государства и права (вып. 2, стр. 701 след.). Здесь мы можем отметить только, что первый проект Кодекса, выработанный междуведомственной комиссией при НКЮ, был коллегией НКЮ забракован, как не отражавший в себе «почти никаких элементов развития и конкретизации той правовой системы, основные контуры которой были намечены уже до появления Гражданского Кодекса» [1]).

Проект этот был коренным образом переработан [2]) и, после одобрения его Совнаркомом, внесен на рассмотрение 4-ой сессии ВЦИК IX-го созыва. Сессией Кодекс был принят со внесением в него некоторых поправок не принципиального характера. В действие Гражданский Кодекс РСФСР вступил с 1-го января 1923 г.

С этого времени гражданское законодательство РСФСР получило определенные правовые очертания (законодательство трудовое, земельное и семейное в сферу гражданского законодательства не вошли).

---

[1]) С. И. Раевич, там-же, стр. 702.

[2]) Основная работа была выполнена А. Г. Гойхбаргом и Н. И. Бернштейном.

По предложению украинской делегации, 4-ая сессия ВЦИК IX-го созыва «поручила Президиуму ВЦИК обратиться к правительствам договорных советских республик с дружеским предложением о проведении Кодексов, принятых сессией, также и в их республиках». Соответственно этому, союзные республики утвердили свои гражданские кодексы, почти целиком совпадавшие по тексту с Гражданским Кодексом РСФСР [1]).

Утвердив Гражданский Кодекс, 4-ая сессия ВЦИК IX-го созыва поручила, вместе с тем, СНК создать при себе особую комиссию для систематизирования материалов по пересмотру Гражданского Кодекса с тем, чтобы к 1-му января 1925 года было подготовлено 2-ое издание этого Кодекса, а также поручила всем наркоматам, всем судам, ВЦСПС, всем биржевым комитетам, всем университетам прислать свои замечания, вызванные применением настоящего Кодекса на практике, не позже 1-го января 1924 года в эту комиссиию с тем, чтобы она могла весь материал систематизировать и подготовить новый 2-ой Кодекс к 1-му января 1925 г. [2]).

Дальнейшее развитие гражданского законодательства РСФСР происходило в следующих формах. Изменялся Гражданский Кодекс, отчасти по инициативе республиканских органов, отчасти в порядке согласования с законодательством Союза ССР. Издавались отдельные акты гражданского законодательства республиканского характера. Был издан ряд весьма важных законодательных актов, нормирующих гражданский (торговый) оборот, центральными союзными органами.

Здесь могут быть отмечены только главнейшие изменения, которые претерпело гражданское законодательство РСФСР со времени введения в действие Гражданского Кодекса, т.-е. с 1-го января 1923 г. по 1-ое октября 1927 г.

Общая часть Гражданского Кодекса не подвергалась за это время каким-либо принципиальным изменениям. Наиболее характерные для советского права ст. ст. 1, 4, 17, 20, 21 и 30 остались в полной неприкосновенности.

Ст. 19 Гражданского Кодекса, устанавливающая, что государственные предприятия и их об'единения переведенные на хозяйственный расчет и не финансируемые в сметном порядке, выступают в обороте, как самостоятельные и не связанные с казной юридические лица,—была дополнена примечанием, указывающим, что положение государственных предприятий, переведенных на хозяйственный расчет, регулируется декретами от 10 апреля 1923 г. о государственных трестах и от 17 июля 1923 г. о трестах, находящихся в управлении местных органов.

Кроме того, были изданы постановления — СНК РСФСР от 20-XII 1924 г. о коммунальных трестах (С. У. 1925 г. № 2 ст. 14), ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1925 г. о сельско-хозяйственных трестах (С. У. 1925 г. № 21 ст. 150), ВЦИК и СНК РСФСР от 5 апреля 1926 г. о сельско-хозяйственных трестах для авт. республик (С. У. 1926 г. № 21 ст. 165), СНК РСФСР от 5 февраля 1927 г. о местных курортных трестах (С. У. 1927 г. № 19 ст. 132), ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1926 г. о подсобных предприятиях при государственных

---

[1]) В дальнейшем, однако, расхождения между гражданскими кодексами союзных республик стали более значительны.

[2]) Конституция Союза ССР отнесла к ведению верховных органов Союза ССР установление основ гражданского законодательства Союза (ст. 1, п. «п»). Так как эти основы не выработаны до настоящего времени, то задержался и пересмотр Гражданского Кодекса.

учреждениях (С. У. 1926 г. № 31 ст. 237) и некотор. друг. Все эти акты детализировали правовое положение отдельных видов государственных предприятий.

29 июня 1927 г. ЦИК и СНК Союза было утверждено новое положение о государственно-промышленных трестах, распространяющее свое действие на государственные промышленные тресты общесоюзного и республиканского значения, а также на имеющие уставный капитал не менее 100 тыс. руб. промышленные тресты местного (не ниже губернского, окружного и соответствующего) значения (С. З. 1927 г. № 39. ст. ст. 391—392).

17-го августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР был утвержден закон о государственных торговых предприятиях—торгах (С. З. 1927 г. № 49 ст. ст. 501—502). Закон этот распространяется на государственные торги общесоюзного и республиканского значения, а также на имеющие уставный капитал не менее 100 тыс. руб. государственные торги местного (не ниже губернского, окружного и соответствующего) значения. Государственным торгом признается государственное торговое предприятие, организованное на основе особого устава, в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и неделимым на паи капиталом, состоящие в ведении одного, указанного в уставе государственного учреждения, и действующее на началах коммерческого (хозяйственного) расчета, в соответствии с плановыми заданиями, утверждаемыми упомянутыми учреждениями.

Значительные изменения претерпела ст. 22 Гражданского Кодекса, в связи с постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 июня 1926 г. об отчуждении государственного имущества (С. З. 1926 г. № 42 ст. 305). Новая редакция ст. 22 Гражданского Кодекса дает более подробный перечень государственных имуществ, из'ятых из оборота, допуская, однако, отсюда ряд исключений, изложенных в особом приложении к ст. 22, определяющем условия и порядок отчуждения государственного имущества.

Введена в Гражданский Кодекс и новая ст. 22—а, указывающая, что порядок передачи имущества, означенного в ст. 22 ГК, от одного государственного органа другому, а равно порядок и условия передачи указанного имущества государственными органами смешанным акционерным обществам и акционерным обществам (паевым товариществам) с исключительным участием государственного капитала в оплату за акции, определяются особыми узаконениями и уставами этих обществ. Повидимому, тут имеется в виду допущение особого, наряду с общегражданским, государственного оборота, суб'ектами коего могут быть только госорганы и перечисленные в ст. 22—а, виды акционерных обществ.

Говоря об изменениях, которые получила ст. 22 ГК, нельзя обойти молчанием издания большего числа законодательных актов и ведомственных инструкций и циркуляров, которые значительно углубили и расширили действие этой статьи. Сюда относятся—декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 ноября 1925 г. о порядке распределения национализированных и муниципализированных строений и пользования таковыми (С. У. 1925 № 86 ст. 638), инструкция НКВД и НКЮ от 20—25 июня 1926 г. за № 235/93 по тому же вопросу; раз'яснение Президиума ВЦИК от 14 мая 1923 г. о том, какие строения являются муниципализированными (С. У. 1923 г. № 44 ст. 465); декрет СНК РСФСР от 12 января 1924 г. об установлении предельного срока для составления местными исполнительными комитетами списков муниципализированных строений (С. У. 1924 г. № 7 ст. 40); постановление

ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля 1927 г. об организации трестов по управлению муниципализированными домами (С. У. 1927 г. № 75, ст. 515); постановление ВЦИК и СНК от 25 июля 1927 г. об условиях и порядке отчуждения муниципализированных строений (С. У. 1927г. № 76, ст. 522) и ряд других законодательных актов, раз'яснений и циркуляров, связанных с муниципализацией и демуниципализацией домовладений; постановление ЦИК и СНК ССР от 1 августа 1924 г. о праве владения, пользования, и распоряжения железнодорожным подвижным составом (С. З. 1924 г. № 3 ст. 34, С. З. 1926 г. № 34 ст. 229); постановление ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1924 г. о порядке продажи, залога и сдачи в наем морских торговых судов, плавающих под флагом Союза ССР (С. З. 1924 г. № 4 ст. 54. С. З. 1926 г. № 37 ст. 237) и мн. друг.

Значительное количество законодательных актов было издано и в развитие ст. ст. 23 и 24 Гражданского Кодекса. Часть этих актов была инкорпорирована Гражданским Кодексом в виде приложения (5-го) к ст. 24.

Вещное право Гражданского Кодекса получило значительное развитие.

Существенное дополнение получила ст. 60, в виде примечания 2-го, согласно которому государственные и иные, допущенные в пределах СССР, ценные бумаги на пред'явителя, содержащие обязательство платежа определенной денежной суммы, а равно банковые билеты, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя на том основании, что они ранее были утеряны или похищены или принадлежали государственному учреждению и предприятию и были незаконно отчуждены каким либо способом.

Введены новые ст. ст. 68-а, 68-б, 68-в, 68-г. 68-д, 68-е, подробно регулирующие институт находки.

В целях об'единения действующего законодательства по реквизиции и конфискации имущества, ВЦИК и СНК РСФСР 28 марта 27г. утвержден сводный закон о реквизиции и конфискации имущества (С. У. 1927 г. № 38, ст. 248), являющийся приложением (8-м) к ст. ст. 69 и 70 гражданского кодекса.

Серьезные изменения были внесены в институт застройки. Значительно расширен круг об'ектов, могущих быть предметом права застройки (нов. редакция ст. 84, ст. 84-а, 84-б). Расширены были также и права застройщиков (ст. ст. 71, 76 в последней редакции; ст. ст. эти менялись не один раз). Специальные правила были установлены в отношении рабочих и общегражданских жилищно строительных кооперативных товариществ (ст. ст. 79-а, 79-б, 81-а).

Характерны те изменения, которые претерпела ст. 101 Гражд. Кодекса, изменявшаяся многократно. Изменения эти преследовали цель дать наилучшее обеспечение интересам государства в заложенном имуществе преимущественно перед претензией залогодержателя.

В дополнение и развитие правил Гражд. Кодекса о праве залога, ВЦИК и СНК РСФСР 25 июля 1927 г. был издан, имеющий большое значение для оборота, закон о залоге товаров, находящихся в обороте и переработке (С. У. 1927 г. № 76 ст. 523).

В общей части обязательственного права наибольшие изменения получила ст. 137. Число сделок, не подлежащих нотариальному удостоверению, систематически все увеличивалось.

Радикальное изменение было внесено в ст. 138, в связи с изданием постановления ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. об отмене ограничения размера имущества, могущего переходить в порядке нас-

ледования и дарения (С. З. 1926 г. № 6 ст. 37). Действовавшее ранее ограничение дарения суммой в 10.000 руб., ныне отменено.

Изменения, произведенные в главе III Обязательственного Права Гражд. Кодекса—об имущественном найме, явились только дальнейшим развитием и углублением заложенных ранее начал (ст. ст. 155, 156, 156-а, 164, 166, 169, 171, 171-а). Такое же значение имели и многочисленные законодательные акты, составившие приложения к ст. ст. 171 и 172 (9-е и 10-е).

Была разрешена законодателем запродажная запись, т. е. предварительный договор на заключение в будущем сделки купли—продажи строений (ст. ст. 182-а, 182-б, 182-в). Особым законом была введена купля—продажа с рассрочкой платежа (С. У. 1923 г. № 79 ст. 770).

Положение о государственных подрядах и поставках, составляющее теперь приложение (11-ое) к ст. 235, подвергалось изменениям несколько раз. Положение 1921 г. было заменено Положением 1923 г. и, наконец, совсем недавно—19-го мая 1927 года ЦИК и СНК Союза ССР было утверждено новое Положение о государственных подрядах и поставках (С. З. 1927 г. № 28 ст. ст. 291, 292).

Развитие получил договор поручения. По первоначальной редакции ст. 251, поверенными могли быть только физические лица. По новой редакции (примечание к ст. 251) поверенными по договору поручения могут быть как физические, так и юридические лица, при чем последние могут принимать поручения лишь на совершение таких действий, которые не выходят из пределов их деятельности, определенных соответствующими уставами, положениями и товарищескими договорами.

В 1926 г. Гражданский Кодекс был пополнен новой главой IX-а о договоре комиссии (статья 275-а до ст. 275-щ включительно).

В главе X обязательственного права (товарищества) изменениям подвергся преимущественно раздел об акционерных обществах. Изменения происходили, главным образом, в целях согласования с некоторыми законодательными актами общесоюзного значения. 17-го августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР утверждено Положение об акционерных обществах (С. З. 1927 г. № 49 ст. ст. 499, 500), и Центральным Исполнительным Комитетам Союзных Республик предложено привести законодательство Республик в соответствие с этим Положением. Таким образом, Гражданский Кодекс РСФСР, в соответствующих частях, подвергнется значительным изменениям.

Договор страхования подвергся некоторым изменениям также, главным образом, в целях согласования с законодательным актом общесоюзного значения — постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 I-1925 г. о выгодоприобретателях и их правах (Нов. редакц. ст. ст. 374, 375, 375-а, 375-б, 375-в, 393).

Принципиальные изменения имели место в наследственном праве, в связи с уже упоминавшимся постановлением ЦИК и СНК СССР от 29|I-1926 г. об отмене ограничения размера имущества, могущего переходить в порядке наследования и дарения. Изменения эти коснулись ряда статей (ст. 416, 417, 419, 421, 422).

Менее значительным изменениям подверглись, кроме того, многие статьи Гражданского Кодекса (ст. ст. 16, 27, 33, 54-57, 59, 68, 72, 73, 90, 103, 105, 110, 130, 136, 153, 181, 182, 185, 210, 216, 250, 260, 265, 266, 294, 297, 321, 404, 425, 432 и некотор. друг.)

Говоря о гражданском законодательстве РСФСР, необходимо отметить еще несколько чрезвычайно важных законодательных актов

изданных совершенно независимо и вне связи с Гражданским Кодексом.

Прежде всего надо отметить, Положение о векселях РСФСР, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 20-го марта 1922 г., еще до принятия 4-ой сессией ВЦИК IX-го созыва Гражданского Кодекса. Некоторые статьи этого Положения имеют теперь редакцию, утвержденную СНК Союза ССР.

Затем, надо отметить некоторые сделки, регламентированные независимо от Гражданского Кодекса.

Железно-дорожная перевозка регламентирована уставом жел. дорог (до 1-го октября 1927 г.—Уставом жел. дорог РСФСР 1922 г., а с 1-го октября 1927 г.—Уставом жел. дор. Союза ССР от 24-го мая 1927 г.—С. З. 1927 г, № 30 ст. ст. 307, 308). Морская перевозка регулируется Положением о морской перевозке от 28-го мая 1926 г. Пересылка почтовых отправлений нормируется постановлением СТО от 17|VII-1923 года (С. У. 1923 г. № 83 ст. 812).

Поклажа в общих товарных складах частично нормируется особым союзным законом о документах, выдаваемых товарными складами (С. З. 1925 г. № 60 ст. 445). Кроме этого акта имеется ряд ведомственных актов, более подробно регулирующих отношения, вытекающие из поклажи.

Необходимо остановиться также на группе так. наз. исключительных прав.

12|IX-1924 г. ЦИК и СНК СССР было утверждено постановление о патентах на изобретения (С. З. 1924 г. № 9, ст. 97). 12/IX-1924 г. ЦИК СНК СССР было также утверждено постановление о промышленных образцах—рисунках и моделях (С. З. 1924 г. № 9, ст. 98).

12|II-1926 г. ЦИК и СНК СССР было утверждено постановление о товарных знаках (С. З. 1926 г. № 11, ст. ст. 79, 80).

Авторское право было нормировано в общесоюзном масштабе со времени утверждения 30|I-1925 г. Союзными органами постановления «об основах авторского права» (С. З. 1925 г. № 7, ст. ст. 66, 67). На основе этого постановления ВЦИК и СНК РСФСР 11|X-1926 г. был издан специальный закон об авторском праве (С. У. 1926 г. № 72 ст. 567).

Последним по времени законодательным актом общесоюзного значения, касающимся нормирования исключительных прав, является утвержденное ЦИК и СНК СССР 15|VI-1927 г. Положение о фирме (С. З. 1927 г. № 40, ст. ст. 394, 395).

В заключение надо отметить ту значительную роль, которую играла в развитии и углублении гражданского законодательства судебная практика, в особенности практика Верховного Суда РСФСР.

В. Серебровский.

Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет.

В тяжелых условиях пришлось советской власти начать свою работу по улучшению положения детства зимою 1917—18 года. Затянувшаяся война губительно повлияла на условия жизни массы детей, особенно городских пролетарских слоев и многомиллионного крестьян-

ства. Она создала миллионы сирот, обездолила миллионы семей, согнала с мест постоянного жительства массы беженцев с малолетними детьми, расстроила правильное обучение детей в школах, подорвала здоровье детского населения длительными лишениями, вовлекла десятки тысяч детей раннего возраста в непосильный для них труд и наполнила еще неокрепшую детскую психику нездоровыми переживаниями разгула военных страстей и спекулятивного ажиотажа. К концу 1916 г. большие города были уже переполнены массами беспризорных детей, число детских правонарушений в больших городах возросло более, чем в два раза, сама преступность несовершеннолетних приняла более опасный характер, став более аггрессивной. Программа мероприятий по борьбе с ростущей детской беспризорностью, намеченная в марте 1916 г. на Всероссийском Совещании по призрению детства в связи с войной, не могла реализоваться, частью вследствие полной инертности правительства, частью из-за недостатка средств. Лишь городские попечительства о бедных в некоторых городах могли наладить скромную помощь семьям, принять некоторые меры к охране детей-беженцев и к устройству детских площадок, отвлекавших беспризорную городскую детвору от улицы.

Период революционного брожения, охвативший весь 1917 год, еще более ухудшил положение детей. Школьная жизнь замерла, продовольственные условия ухудшились, внимание общества было отвлечено в сторону политической борьбы, и те немногие мероприятия, которые были приняты Временным правительством в области охраны детства, имели характер скорее бумажных проектов, нежели реальных мер помощи. Уже в этот период стало развиваться детское бродяжничество, принявшее затем столь громадные размеры в эпоху гражданской войны и голода. Большинство существовавших тогда детских учреждений принуждено было закрыться, и массы детей, содержавшихся в них на государственный и общественный счет, оказались на улице.

Лишь с начала 1918 г. проблема государственной охраны детства встала во весь свой рост. Свое принципиальное отношение к охране детства советская власть выразила в ряде декретов 1918 г., наметивших те основные положения, развитие и углубление которых составило программу ряда последующих лет. Эта программа, явившаяся новым словом в области детского вопроса, проводилась последовательно, несмотря на те громадные трудности, с которыми приходилось встречаться в эпоху напряженной борьбы за утверждение власти Советов. Уже декрет от 14 января 1918 г. провозгласил, что «суды и тюремное заключение для несовершеннолетних до 17 лет упраздняются». Вместо существовавших ранее общих и детских судов при комиссариате социального обеспечения были созданы междуведомственные «комиссии по делам о несовершеннолетних, обвиняемых в социально-опасных действиях», действующие при помощи братьев и сестер социальной помощи (нынешних обследователей-воспитателей); главной мерой, применяемой этими комиссиями, явилось направление детей в дома социального воспитания, открытые наместо прежних сиротских домов и исправительно-воспитательных приютов. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, изданный в апреле 1918 г., резко порвал с патриархальным строем семьи. В основу определения семейных прав и обязанностей были положены интересы детей; родительская власть сменилась установлением родительских прав и обязанностей, осуществляемых под контролем опекунских органов. Внебрачные дети были сравнены

в правах с детьми «законными», в связи с чем отпал институт узаконения детей. Усыновление детей частными лицами было воспрещено из опасения возможной эксплоатации их. Опека вместо сословного, приняла общегосударственный характер и стала общегражданской обязанностью. Заботу об образовании детей государство приняло на себя. Это нашло свое отражение в Положении об единой трудовой школе РСФСР 1918 г. Все формы обучения детства и юношества, в силу его, стали монополией государства; для всех детей, независимо от их социального происхождения, создана была единая школа, основанная на трудовом принципе. Воспитание должно было стать социальным, т.-е. преследовать развитие в ребенке тех задатков и знаний, которые необходимы ему, как будущему члену общества трудящихся. Вместе с тем оно должно было стать всеобщим и бесплатным, продолжаясь до 16—17 летнего возраста. Наконец, первый кодекс законов о труде, изданный в конце 1918 г., ввел ряд правил, ограждающих труд детей и подростков. После широкой эксплоатации детского труда в эпоху войны, кодекс о труде провозглашал принцип недопущения к наемному труду несовершеннолетних, не достигших 16 лет, ограничивал продолжительность рабочего дня подростков 6-ью и даже 4-мя часами (при условии продолжающегося обучения), ввел обязательные отпуска для рабочих подростков, урегулировал оплату их труда и пр.

Декреты 1918 г. заложили прочное основание детскому законодательству, основанному на ограждении государством основных прав ребенка. Пусть многое в них, особенно на первое время, имело декларативный характер и смогло затем лишь постепенно реализоваться в жизнь в процессе дальнейшего развития, пусть в дальнейшем, под влиянием суровых экономических обстоятельств, пришлось пойти на кой-какие уступки, все же основные вехи были поставлены прочно и смело и послужили отправным этапом для дальнейшего развития.

Значительное ухудшение продовольственных условий, под влиянием продолжающейся разрухи, побудило в 1919 г. советское государство принять на себя трудную задачу снабжения детского населения страны предметами продовольствия и первой необходимости. Государственное содержание детей рисовалось в социалистических проектах как сравнительно более отдаленный этап развития социализма, при котором экономические силы страны достигнут значительного развития. Советской власти пришлось взять на себя эту задачу в условиях небывалого экономического истощения. Декретами 17 мая и 12 июня 1919 г. была введена бесплатная выдача всех предметов питания через государственные продовольственные органы детям до 16 л. Декреты эти сохраняли свое действие до 1921 года и потеряли свою силу с упразднением системы государственного распределения предметов первой необходимости. Но все же и после этого на попечении государства остались сотни тысяч детей, которых государству пришлось снабжать всем необходимым Для ограждения необходимых материальных нужд детства декретом 4 декабря 1919 г. был создан междуведомственный Совет Защиты Детей, на который была возложена задача обеспечения детей, содержащихся в учреждениях, всеми необходимыми предметами. Совет этот был упразднен в 1921 году и его функции отчасти перешли к созданной тогда Чрезвычайной комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, сосредоточившей в своих руках средства, оставшиеся от сборов и ассигнований на помощь голодающим. Отметим также, что декретом 10 декабря 1919 г. государ-

ство приняло на себя воспитание и охрану здоровья физически-дефективных детей (слепых, глухонемых, умственно-отсталых и нервно-больных). Таким образом, 1919 год, прошел под знаком обеспечения материальных нужд детства. К этому нужно добавить, что в течение этого года был издан ряд декретов о социальном обеспечении трудящихся и их семейств (декреты от 31 октября и 24 декабря 1918 г. и 4 мая и 28 августа 1919 г.), организовавших материальную помощь семьям на случай болезни и инвалидности взрослых трудящихся членов семьи. Система социального обеспечения в этот период охватывала и функции социального страхования, выделившиеся в особую систему законодательства о социальном страховании лишь с 1922 года.

Усилия государственных, центральных и местных органов обеспечить материальные нужды детства наталкивались на почти необ'ятную нужду взрослого населения, потребности которого трудно было обособить от потребностей детей. Семья почти перестала доставлять необходимый для ребенка уход и руководить его воспитанием. Крестьянские дети опустошенных гражданской войной районов заполняли города, а нагрянувший в 1921 г. голод выбросил миллионы голодающих детей. По неполным данным 1921—22 г. число голодающих и умиравших от физического истощения детей в одной РСФСР доходило до 7½ миллионов, а число нуждавшихся в неотложной помощи до 6.000.000. Имелось к этому времени 6.063 детских дома, вмещавших в себя 540.000 детей. Число нуждающихся в помощи беспризорных и полубеспризорных детей на Украине доходило до 2 миллионов. При условии такого роста беспризорности и нужды детей государство должно было организовать ряд особых органов для борьбы с растущей детской беспризорностью, дававшей себя знать и количеством правонарушений, совершаемых детьми. Беспризорные дети переполняли рынки, вокзалы, улицы, ютились в разрушенных строениях, скитались на путях сообщения и пр. Можно сказать, что в этот период волна детской беспризорности стала захлестывать дело всего социального воспитания детства.

Мероприятия по борьбе с детской беспризорностью начинаются с 1920 г. после I Всероссийского с'езда по вопросам охраны детства, на котором существующее положение было освещено в ряде докладов. 4 марта 1920 г. в составе НКП и местных отделов народного образования создаются особые отделы правовой защиты детей (позднее переименованные в отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних), которые на ряду с функциями защиты детства (комиссии о несовершеннолетних, юридическая помощь, опека—с декрета 12 дек. 1920 г. патронат) сосредоточивают в своих руках борьбу с детской беспризорностью и, несколько позднее, руководство различными детскими учреждениями. Декретом 23 октября 1921 г. создается детская социальная инспекция, на которую возлагается в первую очередь из'ятие детей с улицы и временное устройство их во вновь открытых многочисленных приемных и наблюдательно-распределительных пунктах. Созданная в связи с голодом Комиссия помощи голодающим и ее приемница, Комиссия по улучшению жизни детей, проводят массовые мероприятия по эвакуации детей из голодающих губерний, по организации детского питания на местах, по размещению детей по крестьянским семьям в более благополучных по голоду губерниях, по розыску детей родителями и наоборот. С этого времени начинается впервые и мобилизация советской общественности на помощь беспризорным. На отчисления, вносимые рабочими и служащими, организуется красный патронат над отдельными детскими учреждениями,

создаются новые учреждения; на общества крестьянской взаимопомощи возлагаются задачи призрения крестьянских детей; возрождается общество Красного Креста, которое принимает также участие в борьбе с последствиями голода.

К 1920 году относится также начало развития в РСФСР дела охраны материнства и младенчества. Почти несуществовавшая к тому времени сеть учреждений охраны раннего детского возраста стала постепенно развертываться сначала в городах, а затем, примерно с 1924 г. перекинулась и в деревню, при этом вначале преобладали виды закрытого призрения младенчества, а с 1924 г. заметно выдвинулись формы открытого призрения (консультации, ясли).

С переходом с середины 1922 г. к правовому строительству на основах новой экономической политики пришлось во многом внести изменения в область законодательства о детях. Основы этого законодательства, заложенные в 1918 г., сохранились в мало измененном виде, но в связи с усложнившимися отношениями и с провозглашением революционной законности пришлось смягчить их декларативный характер и поставить на первый план их практическую осуществимость. Изданные с 1922 г. кодексы уточнили во многом правовое положение детей. Так, уголовный кодекс 1922 г. ограничил подведомственность дел о несовершеннолетних комиссиям 16-летним возрастом обвиняемых, при чем возраст от 14 до 16 лет мог также попадать в суды. По отношению к этой старшей группе стало возможным применение наказания лишением свободы. Коррективом к этому явилось правило о сокращении сроков заключения на $^1/_2$ и на $^1/_3$, правило, впрочем, мало себя оправдавшее. Более правильным выходом явилось предусмотренное Исправительно-трудовым кодексом 1924 г. создание трудовых домов для несовершеннолетних правонарушителей, домов, представляющих собою учреждения с педагогическим уклоном, в которых несовершеннолетние могут быть задерживаемы впредь до исправления. Уголовный кодекс предусмотрел также наказуемость некоторых преступлений, совершаемых в отношении детей (оставление в опасном состоянии, склонение к самоубийству, похищение, подмен детей, половые посягательства против детей и некоторые другие). Практически весьма существенным дополнением к УК явилась новелла 1924 г., введшая уголовную ответственность за неплатеж алиментов и оставление детей без поддержки.

Гражданский кодекс 1923 г. определил пределы дееспособности несовершеннолетних, уточнил вопрос об ответственности родителей и опекунов за вред, причиненный детьми, а также восстановил наследственные права детей в имуществе их родителей. Земельный кодекс 1922 г. укрепил положение несовершеннолетних членов крестьянского двора, признав за ними такие же права по землепользованию, как и за взрослыми членами двора, и ввел примачество, заменившее в крестьянском быту усыновление. Значительные изменения в области охраны труда подростков ввел кодекс законов о труде 1922 г. Смягчив жесткое правило о недопущении детей до 16 лет к наемному труду, он ввел, однако, ряд дополнительных правил в ограждение интересов юных рабочих (расширение списка опасных и вредных для молодежи производств, усиленные отпуска, обязательное врачебное освидетельствование, правила о прохождении ученичества и пр.). Меньше всего внимания интересам несовершеннолетних уделил уголовно-процессуальный кодекс 1922 г., ограничившийся всего-на-всего одной краткой статьей о недопущении несовершеннолетних до 14 лет в судебные заседания и оставивший совершенно незатронутым вопрос о по-

рядке рассмотрения дел о несовершеннолетних в общих судах и о положении на суде несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.

Рассеянное по отдельным кодексам детское право начинало терять характер проникнутой единым началом государственной охраны детства правовой регламентации. Скудные постановления кодексов пришлось дополнить рядом законодательных новелл и инструкций, более детально разработавших его отдельные стороны. Особенно много дополнительных декретов и постановлений было издано в области труда детей и подростков. Достаточно здесь упомянуть о декрете от 13 октября 1922 г. о врачебном освидетельствовании рабочих подростков, о постановлении от 2 мая 1922 г. о броне определенного процента подростков на предприятиях, правила 12 апреля 1925 г. о наемном труде подростков в крестьянском хозяйстве, многочисленные правила о ремесленном, кустарном, конторском и пр. ученичестве, постановления о школах фабрично заводского ученичества и пр.

С конца 1925 г. начинается новая полоса мероприятий по охране детства и борьба с детской беспризорностью, свидетельствующая о твердой решимости правительства и общественных организаций ликвидировать тяжелое наследие прошлого и обеспечить подрастающему поколению все необходимые условия здорового развития. Постановления, относящиеся к этому периоду, составляют часть действующего ныне законодательства, и потому удобнее рассмотреть их в систематическом порядке.

Начнем с вопросов образования. Постановлением ВЦИК от 31 августа 1925 г. о введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построения школьной сети намечается план построения обязательного обучения детей, подлежащий осуществлению не позднее 1933—34 г. и обязывает местные органы к планомерному развертыванию школьной сети. Местным исполн. комитетам предоставляется право устанавливать в административном порядке ответственность за непосылку детей в школы. Декретом СНК от 28 июня 1927 г. о мероприятиях, обеспечивающих общедоступность начального обучения для детей городской и деревенской бедноты, поручено НКП совместно с другими ведомствами и общественными организациями изыскать средства для обеспечения нуждающихся детей города и деревни бесплатной одеждой и обувью, школьными общежитиями, бесплатным подвозом к школе и пр. III сессия ВЦИК XII созыва в постановлении от 19 ноября 1926 г. наметила целую серию отдельных мероприятий по развертыванию всеобщего обучения и качественному повышению его. Расходы на народное образование по местным бюджетам возрасли к 1925—26 г. до 26,9%.

В области семейного положения детей следует отметить введение в действие с 1 января 1927 г. нового кодекса законов о браке, семье и опеке. Не меняя в существе принципов, принятых в 1918 г., новый кодекс уточнил сферу возможного вмешательства опекунских органов в дело семейного воспитания детей; он восстановил отмененный раньше институт усыновления (специальный декрет 1 марта 1926 г.), повысил брачный возраст и облегчил брошенной матери установление отцовства и взыскание алиментов на содержание ребенка. Лишение родительских прав получило в новом кодексе более широкую постановку. Угол. кодекс в редакции 1926 г. предусмотрел ответственность родителей и опекунов за склонение детей к нищенству.

В области борьбы с правонарушениями несовершеннолетних мы наблюдаем значительное укрепление системы комиссий о несовершеннолетних. Так декретом СНК от 23 мая 1925 г. была создана Цен-

тральная комиссия по делам о несовершеннолетних, на которую было возложено установление правильного и единообразного применения законов, касающихся борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, выработка соответственных мероприятий, руководство местными комиссиями и надзор за их деятельностью. Положение о местных комиссиях было также переработано декретом от 26 марта 1926 г., при чем, помимо пополнения состава комиссий представителями общественных организаций, значительно был расширен круг тех мер, которые могут быть принимаемы комиссиями; в частности, наряду с медико-педагогическими мерами были введены и различные меры социальной помощи. Число детских правонарушений в стране за последние годы стало заметно сокращаться. В 1925 г. чрез комиссии прошло 48.242 несовершеннолетних, на 3.945 меньше, чем в 1924 г. (уменьшение на 3,9%). Особенно резко видно уменьшение числа дел по двум крупнейшим городам РСФСР, Москве и Ленинграду. Так, в 1920 г. в Ленинграде число дел о несовершеннолетних выражалось в цифре 9.106, а в 1926 г., при значительно возросшем населении, оно равнялось 2.900. В Москве, после 11.465 дел в 1921 г., в 1924 г. мы имеем цифру в 5399, а в 1925 г.—около 4.500. Даже учитывая некоторое сужение компетенции комиссий, проведенное в 1922 г., все же нельзя не отметить значительного поворота к лучшему. Некоторое улучшение положения несовершеннолетних, обвиняемых в общих судах, было достигнуто циркуляром НКЮ от 30 сентября 1924 г., организовавшим защиту несовершеннолетних и обеспечившим возможность участия в этих делах их родителей и опекунов.

Тревожный рост хулиганства в подростковом возрасте (по данным 1925 г. хулиганство и дурное поведение составили 22.8% всех правонарушений, прошедших чрез комиссии) вызвал усиленное внимание к развитию внешкольной работы с детьми. Постановление СНК от 25 июля 1927 г. намечает ряд мероприятий в этой области: создание пригодных для детства и юношества кинофильм и облегчение молодежи льготного посещения киносеансов, развитие кинопередвижек, увеличение ассигнований на пионердвижение и физическую культуру, развитие доступных для юношества лекций и вечерних увеселений, увеличение сети библиотек-передвижек, снабжение детей литературой, более широкую организацию среди молодежи кружков, клубов и т. д. Мощное развитие детей и юндвижения в стране за последние 3—4 г. охватило сотни тысяч детей и подростков крепкими формами коллективно-организованной жизни на основе политического просвещения и общественной работы.

Но наибольшее внимание за последнии годы обращено было на ликвидацию зла общественной беспризорности. Число беспризорных детей в РСФСР (исчисляемое, конечно, приблизительно) из года в год падало. После миллионных цифр 1921—22 года, оно в 1923—25 г. стало исчисляться сотнями тысяч и к 1927 году примерный подсчет, произведенный НКП, дает цифру, близкую к 150.000. Здесь имеются в виду дети,находящиеся в условиях уличной и скитальческой жизни и не охваченные мероприятиями по охране детства. Среди этих детей не мало таких, у которых беспризорность приняла застойный характер и с трудом поддается искоренению. Мероприятия, проведенные запоследнее время в целях ликвидации этой беспризорности, охватывают проблему с различных сторон.

Прежде всего оказалось необходимым произвести планомерный выпуск воспитанников детских домов, достигших возраста трудоспособности, в самостоятельную трудовую жизнь. Навстречу этой задаче

пошел декрет ВЦИК от 21 сентября 1925 г. о подготовке воспитанников детдомов к трудовой деятельности. Только некоторую часть выпускаемых воспитанников оказалось возможным устроить на фабрично-заводское производство путем использования установленной в 1922 г. брони подростков. В дополнение к ней инструкция НКТ от 10 ноября 1925 г. допустила некоторое дополнение к броне, так наз. сверхброню за счет сумм, отпускаемых отделами нар. образования на содержание выпускаемых воспитанников в течение первого года их работы на предприятии. Некоторое количество подростков смогло быть поглощено школами фабрично-заводского и сельского ученичества. Для остальной массы пришлось открыть новые формы трудового устройства. Они были выработаны в виде направления достигших работоспособного возраста воспитанников в промысловые кустарные и ремесленные артели, в совхозы. в ученичество кустарям и ремесленникам и, наконец, в виде помещения воспитанников в крестьянские семьи для подготовки их к сельско-хозяйственному труду. В целях поощрения ремесленников и кустарей к принятию воспитанников детдомов и беспризорных детей вообще в ученичество различными декретами им был предоставлен ряд налоговых и иных льгот. На воспитанников передаваемых в крестьянские семьи, нарезывался особый земельный надел, освобождаемый на 3 года от сельскохозяйственного налога, и предоставлялось крестьянскому двору небольшое денежное пособие (декрет ВЦИК от 5 апреля 1926 г.). Декрет от 20 июня 1927 г. намечает дальнейшее расширение этих поощрительных льгот в виде преимущественного права на получение сырья и материалов для тех кооперативов и кустарей, которые вовлекли в ученичество бывших беспризорных, отчисления части прибылей промысловой кооперации на уплату паев за членов из бывших беспризорных и на премирование кустарей-одиночек, принимающих таких подростков в ученики. Намечено также установление дополнительных видов помощи крестьянским дворам, принявшим воспитанников из числа беспризорных детей.

Другим мероприятием явилось определение в законе тех категорий детей, которые признаются нуждающимися в полном государственном обеспечении или в мерах частичной и временной помощи. Постановление ВЦИК от 8 марта 1926 г. о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью относит сюда: а) круглых сирот, не имеющих братьев и сестер, обязанных и могущих принять на себя заботу о них, б) детей, потерявших связь с родителями и родственниками, в) детей, из'ятых из семей постановлением суда или опекунской властью, г) детей родителей инвалидов не пользующихся пособием от государства, д) детей, временно беспризорных, и е) детей одиноких матерей, не получающих поддержки от мужа, родственников или других лиц. Вместе с тем декрет перечисляет те меры охраны, помощи и воспитания, которые могут быть принимаемы в отношении таких детей.

Тем же декретом произведено об'единение работы отдельных ведомств и организаций по борьбе с детской беспризорностью. Центральным правительственным органом, ведущим эту борьбу признается НКП и его местные органы. Для общего же руководства работой как правительственных, так и общественных органов в центре и на местах, создаются комиссии по улучшению жизни детей, состоящие из представителей отдельных ведомств и общественных организаций. 15 июля 1927 г. было издано новое положение о Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, являющейся центральным органом в пределах

РСФСР. По типу этого положения в ближайшие месяцы должны быть изданы положения о местных КУЖД, утверждаемые соответствующими исполн. комитетами. Центральной и местным КУЖД другим декретом от того же числа предоставлен ряд значительных финансовых льгот и указаны различные источники получения необходимых средств. По новому положению КУЖД имеет своею задачей общее руководство делом борьбы с беспризорностью в РСФСР и оказание помощи детям и, в первую очередь, беспризорным. Ей предоставляются определенные контрольные функции по отношению ко всем государственным и общественным организациям, осуществляющим помощь детям, а также право инициативы по отношению к ВЦИК и местным исполкомам по всем вопросам, относящимся к деятельности комиссии.

Наиболее значительным очередным мероприятием последнего времени явился трехлетний ориентировочный план борьбы с детской беспризорностью, утвержденный ВЦИК 20 июня 1927 г. План этот содержит ряд директив, адресованных центральным ведомствам и местным исполнительным комитетам, которые должны быть учтены ими при выработке ведомственных и местных планов ликвидации беспризорности. Он предусматривает также крупные денежные ассигнования на ближайшее трехлетие из сумм НКТ на устройство сирот рабочих и служащих в местные учреждения НКП и НКЗ.

Особое внимание органов правительства было обращено также на положение нуждающихся матерей и их младенцев. Уже в 1926 г. за счет средств КУЖД был организован особый фонд для передачи в семейный патронат беспризорных детей младенческого возраста. Несколько позднее, в 1927 г., образован особый фонд для оказания помощи нуждающимся матерям чрез советы социальной помощи, а также на организацию общежитий для одиноких матерей. Благодаря усилению местных ассигнований сеть различных учреждений охраны материнства и младенчества значительно возросла. Так, к концу 1925 года имелось по СССР 778 яслей, 521 консультация для малых и и грудных детей и 276 консультаций для беременных, 101 дом матери и ребенка, 423 дома младенца, 378 сельских консультаций, 2500 летних сельских яслей и 130 юридических консультаций по охране матери и ребенка.

Трехлетний план по борьбе с беспризорностью намечает перспективу ближайшей работы весьма широко. Параллельно с РСФСР аналогичные планы выработаны и в других Союзных Республиках, в частности в УССР. Они затрагивают не только организационные формы, но и отдельные мероприятия и финансовую сторону дела. Осуществление этого плана следует признать поворотным пунктом в деле охраны детства. Покончив с массовой детской беспризорностью, можно будет спокойнее приняться за дело проведения мероприятий по охране детства в целом. В этом отношении уже в ряде декретов и циркулярных распоряжений последнего времени мы встречаем часто подчеркиваемую мысль о том, что предупреждение беспризорности должно играть не меньшую роль, чем ликвидация беспризорности застойной. Растут новые кадры детей, выбитых из социальной колеи, уже не такими стихийными явлениями, как война, беженство, голод, а вышедших из распадающихся семей, физически надорванных неупорядоченной тратой своих сил, зараженных порою ранним алкоголизмом или неприспособившихся к трудовой общественной дисциплине. Эти проявления, охватываемые широким понятием безнадзорности, вызывают серьезную тревогу, и в связи с этим внимание общественных и, в частности, педагогических сил направляется в сторону меро-

приятий профилактических. К этим мерам мы вплотную подходим на пороге 10-летия Октябрьской революции, и они, очевидно, составят предмет ближайших забот. Но главные трудности, все же, лежат позади.

Работники по охране детства встречают наступление десятилетия Октябрьской революции с отрадным сознанием тех широких перспектив, которые открыты мероприятиями 1925—1927 г. в области социального воспитания и оздоровления детства. В лице Советской власти дети трудящегося класса имеют надежного опекуна, твердо и неуклонно ведущего их к светлому будущему социалистического строительства.

П. И. Люблинский.

Десять лет советского уголовного законодательства.

(Итоги и перспективы).

I.

Если октябрьский переворот есть исключительной важности историческое с о б ы т и е, то десять лет существования октябрьской России есть целая историческая э п о х а, насыщенная борьбой, исканиями, разрушением и творчеством.

Октябрьский переворот застал Россию истощенной мировой войной. Борьба против октябрьского переворота принесла России гражданскую войну, блокаду, саботаж. Задача, стоявшая перед властью, была чрезвычайно сложна.

Прошли 10 лет борьбы и строительства. Естественно встает вопрос: за всеми трудностями, достижениями и неудачами—в какой мере определилось поступательное движение вперед и вверх той основной тенденции, которая составляет одновременно идеологическую сущность и практическую программу Октябрьской революции?

Уголовное право охватывает узкий и специальный круг общественных явлений—борьбу с преступностью. Но уголовное правосудие весьма чутко отражает социальную действительность. Оттого развитие идей и мероприятий в сфере уголовного законодательства может служить ценным свидетельством общих итогов истекшего десятилетия.

II.

«Разбить вдребезги старый суд—орудие врага и наши цепи—писал 1-го декабря 1917 года в «Правде» Луначарский,—это первый долг революционеров; это подсказывает им их естественный боевой инстинкт». Этот первый долг был выполнен первым декретом о суде от 24 ноября 1917 года (С. У. 1917 года № 4 ст. 50). Декрет упразднил все ранее существовавшие окружные суды, судебные палаты, правительствующий сенат со всеми департаментами, военные, морские, коммерческие суды; упразднил институты судебных следователей, прокуратуры, адвокатуры; приостановил действие института мировых судей.

Судьбу старого суда разделило и старое право: оно было фактически упразднено. «Революционный класс,—писал Луначарский,—

приносит с собой новое правосознание, предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в глубоком соответствии с созданными его революцией новыми хозяйственными условиями жизни; он несет с собой новую судейскую совесть, новые представления о зле и добре».

Свои новые представления революция не облекала в правовые нормы: революционная стихия была в полном движении и не поддавалась юридическому формированию, а каждый писанный закон словно еще таил в себе опасные следы свергнутого прошлого.

В эту пору торжествует один закон: закон революционной целесообразности. Этот закон познается не из кодекса статей и не из собрания узаконений: «без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями» (Руковод. Нач. 1919 года. введение).

Революционное правосознание — вот критерий революционной целесообразности,—вот новый и единственный источник правотворчества, господствующий над всеми законами, упраздняющий самый принцип законности. Оттого сохраняют силу все постановления лишь постольку, «поскольку таковые не отменяются революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Оттого силу законодательного предписания получают политические платформы, и отмененными согласно прямого указания декрета № 1 (ст. 5 прим.) являются и все законы, «противоречащие программам минимум Российской и Социал-Демократической Рабочей партии и партии Социалистов Революционеров» [1]).

Подчиненное революционной целесообразности, в свою очередь подчиненной изменчивым требованиям места и времени, революционное правосознание, естественно, не может служить источником однородной судебной практики. Отсюда большая пестрота составов и санкций в первые годы революции. Возникает масса новых дел и деликтов. Среди них т р и основных явления, три понятия, три слова быстро входят в судебный оборот и становятся преимущественным об'ектом уголовных репрессий: контр-революция, саботаж, спекуляция. Ими часто занят революционный суд; но их содержание текуче и изменчиво. Специальный декрет «О спекуляции» 22 июля 1918 года называет спекуляцией и сбыт продуктов питания, монополизированных республикой, и сбыт нормированных продуктов по ценам выше твердых и др. В практике революционных трибуналов большое место занимают дела о контрреволюции. Такова была и действительность: в ту пору каждое серьезное посягательство грозило разрастись в покушение на новый строй—в контрреволюцию.

Вследствие отсутствия ограничений в законе «лестница наказаний» в эту пору также весьма разнообразна.

При распределении разнородных сроков лишения свободы суд, не связанный обязательными директивами закона, отнюдь не следует традиционной схеме. Так порою (2,4%) убийство влечет за собой лишение свободы до 1 месяца; с другой стороны из бытовых деликтов первый суд революции очень строг к преступлениям против нравственности: здесь в 25% случаев назначается лишение свободы от 1 до

---

[1]) Как пояснял Стучка на стр. «Правды» в январе 1918 года «чтобы дать определенное об'ективное содержание нашим словам о революционном самосознании и революционной совести, мы как более точное определение того, что из старых законов отменено революцией, ввели в декрет (№ 1) слова—прежде всего все, что противоречит программе минимум с.-д. и с.-р. партии, т.-е. партий победивших в данной революции (материалы НКЮ 1918 г. вып. II, стр. 10)».

3 лет, в 37,5% — от 3 до 5 лет, в 25% — от 5 до 10 лет и лишь в 12,5% — от 3 до 6 месяцев [1]).

III.

Отмеченный процесс не законодательного, а судебного правотворчества лишь с большой постепенностью начинает входить в русло законодательного регулирования. Законодатель по существу все еще весьма скромно расценивает свою роль; как и судья, всецело проникнутый служением революции, он далек от мысли навязать суду новые идеи и методы: законодатель стремится лишь оформить и обобщить судебный опыт, ввести в систему в судебной же практике определившиеся тенденции. Всегда чуткий к действительности, законодатель революции в эту пору в особой мере не учитель, а ученик судьи. Не случайно поэтому первое обобщение, первые директивы суду исходят не из законодательных органов, а от Кассационного отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Этот циркуляр [2]) от 6 октября 1918 г. впервые дает некоторые указания о составах отдельных преступлений — контр-революции, саботажа, дискретирования власти, подлога, шпионажа и др.

Впервые закон выдвигает принципиальные положения по вопросам уголовного правосудия в «Руководящих началах» 1919 г. Но и они проникнуты той же идей — руководить судом при помощи в суде же определившихся принципов. «В процессе борьбы со своими классовыми врагами, указывает введение к «Началам», пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы от случая к случаю, неорганизованно. Опыт борьбы однако приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право. Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения». Далее, давая перечень наказаний, «Руководящие Начала» сами осторожно называют его лишь «примерным».

Этот одновременно и творческий и итоговый характер «Руководящих Начал» 1918 г. сообщает особую ценность выраженным в них идеям: именно при этом условии «Руководящие Начала» могут рассматриваться, как выражение основных принципов суда победившей Революции. Каковы же эти принципы?

Прежде всего заслуживает внимания, что «Руконодящие Начала» первый в мире законодательный акт, в котором преступление самим законодателем оценивается, как продукт социальной среды, и—что особенно существенно— эта оценка выступает в «Руководящих Началах» не в качестве отвлеченного лозунга или общего принципиального утверждения. Нет, в самый значительный момент уголовного правосудия, «при выборе наказания следует, согласно ст. 10 «Начал», иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник» [3]). Следовательно, не злая воля, а социальная среда рождает

[1]) Уголовная репрессия в первые годы революции В. Р Якубсон (ЕСЮ 1922 года, № 4).

[2]) См. приложение к «Судоустройству" Крыленко стр, 303.

[3]) С этим положением поучительно сопоставить формулировку неясную и противоречивую германского проекта 1925 г.: согласно § 67 проекта при определении меры наказания, суд должен взвесить «в какой мере действие явилось результатом дурной воли или дурных наклонностей виновного и в какой мере они продукт причин, которые не могут быть ему поставлены в вину». Словно дурная воля есть продукт причин, над которыми человек властен, и которые поэтому могут быть ему поставлены в «вину».

преступность. Именно «поэтому наказание, согласно закона, не есть возмездие за вину, не есть искупление вины». Именно поэтому «являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных страданий».

Это впервые в «Руководящих Началах» формулированное новое уголовное право, право социальной защиты, идущее на смену традиционному возмездному правосудию, «Руководящие Начала» рассматривают и защищают, как лучшее классовое право. «Советское уголовное право,—говорит ст. 3 «Начал»,—имеет задачей—посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Носителями нового права, таким образом, являются новые мощные силы—впервые пришедшие к власти трудящиеся массы.

IV.

Если бы переустройство уголовного правосудия на новых началах социальной защиты было лишь уголовно-политической проблемой, то последующие годы бесспорно принесли бы реальное и полное торжество новых идей. В действительности, однако, новый исправительный дом, новая сельскохозяйственная колония, новый приют для беспризорных оказывается еще в большей мере финансовой проблемой.

В 1920 г. Комиссией Обще-консультационного Отдела НКЮ был разработан проект уголовного кодекса РСФСР [1]). Систематизируя «идеологию и практику законодательства проведенного в жизнь революцией», проект 1920 г. решительно порывает со старой формальной «юриспруденцией понятий». Проект признает «излишним для уголовного кодекса целый ряд положений, которые до настоящего времени считались незыблемыми». Проект поэтому отвергает обязательность для суда формальных критериев приготовления, покушения, соучастия, совокупности и др. Уже в 1920 г. проект провозглашает основной принцип нового правосудия, нашедший позднее выражение сначала в ст. 4-а УПК и затем в ст. 6 прим. УК 1926 г.: «необходимость наказания отпадает с устранением опасности для общества со стороны правонарушителя, будет ли это вызвано изменением уклада общественных отношений течением времени или фактическим изменением настроения правонарушителя».

Проекту 1920 г. не суждено было стать законом: время законодательного регулирования еще не наступило. Отражая общее настроение судебных работников, Съезд деятелей Рев. Трибуналов в том же 1920 году признал «принципиально нежелательным, не отвечающим ни духу трибунальной репрессии, ни основным воззрениям пролетарского общества на существо наказания, ни условиям переживаемого периода диктатуры пролетариата», издание особого, связующего суд, уголовного кодекса [2]).

[1]) Материалы НКЮ вып. VII; напечатан и в приложении проф. Исаева «Общая часть уголовного права» стр. 177.

[2]) Хотя с другой стороны еще в 1918 г. на 22-м Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров Юстиции в июле 1918 г. Курский говорил: «теперь перед нами стала определенная задача, этого требовала жизнь—нормировать ряд явлений в области уголовного права, определить и точно зафиксировать те явления в области уголовной, которые подтачивают и могут свести на нет весь тот колоссальный сдвиг, который произвела пролетарская революция (материалы НКЮ том III стр. IX.)

Лишь позднее, когда новая экономическая политика выдвинула необходимость перейти от импульсов революционного правосознания к велениям революционной законности, появляется впервые в 1922 г. советский уголовный кодекс.

Первый УК мало внимателен к словам и формулам. Его терминология, поэтому, смешанная, невыдержанная; закон говорит то, о «наказании и других мерах социальной защиты» (глава IV), то даже о «наказании» в противовес «мерам социальной защиты» [1]). Но УК полностью остается верен основным принципам советского правосудия: согласно ст. 26 УК, «являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий». Отсюда реальная жизненная связь УК с судебной практикой предшествующих лет.

Для оценки этой связи, для учета того, в какой мере и новый уголовный кодекс не порвал с прежней революционной практикой, поучительна следующая таблица, рисующая применение репрессии в первой половине 1922 г. *до* уголовного кодекса и во вторую половину 1922 г. *при* УК.

1922 г. 1-ое полугодие (*до* УК) %	1922 г. 2-ое полугодие (*после* УК). %
Оправдано . . . . 25 [2])	25
Принудит. раб. . . 19	18
Лишение свободы. . 32	28
Высшая мера . . . 0,1	0,1

Эти цифры весьма показательны: необходимо огромное и отчетливо сознанное классовое «созвучие» законодателя судье, для того чтобы новый писанный закон так мало изменил практику революционного правосознания.

В 1924 г. «Основные Начала уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик», а за ними позднее и республиканские УК делают дальнейший шаг в сторону раскрепощения советского уголовного правосудия от традиционных понятий возмездного суда.

«Основные Начала» решительно отказываются от термина «наказание». Конечно, никогда не следует преувеличивать значения замены слова «наказание» словами «меры социальной защиты»: от одной этой метаморфозы тюрьма, отбываемая в качестве «меры социальной защиты», а не «наказания», еще не становится ни более мягкой, ни более исправительной. Но необходимо учесть, что за уголовно-правовыми терминами скрывается определенная идеологическая тенденция. Наказание—это символ нравственной ответственности, свободной воли, греха и искупления. При этих условиях разрыв с традиционным «наказанием» означает нечто большее, чем отказ от слова: закон и здесь отчетливо порывает с фетишами традиционного правосудия с попытками вплести нравственную проблему в уголовное правосудие.

И другие ранее нерушимые принципы и прежде всего идея формально замкнутого круга наказуемых деяний (nullum crimen, nulla poena sine lege) решительно отвергается советским законодательством.

---

[1]) Так ст. 17: «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни. К таковым лицам могут применяться лишь меры социальной защиты».

[2]) Я. Бранденбургский «О нашей уголовной репрессии» ЕСЮ 1923 г. № 15).

По существу уже наличие в УК на ряду со статьями особенной части самостоятельной ст. 6, говорящей о преступлении, как об «общественно-опасном действии», дает некоторое основание утверждать, что для ответственности по УК недостаточно установления состава преступления, предусмотренного особенной частью, что необходимо еще доказать общественно-опасный характер этого преступления в смысле ст. 6 УК. Появление же в УК в редакции 1926 г. примечания к ст. 6 и ст. 8 разрешает этот вопрос с исчерпывающей ясностью [3]).

Действительно, согласно прямого указания ст. 6 прим. «не является преступлением действие, которое формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного». Ст. 8 еще более расширяет это начало предоставлением суду права не применять мер социальной защиты в тех случаях, когда действие «к моменту расследования его и рассмотрения на суде потеряло характер общественно-опасного», или когда «лицо, его совершившее, по мнению суда к указанному моменту не может быть признано общественно-опасным». Во всех этих случаях, таким образом, «преступление», вопреки господствующей на западе тенденции, намеренно оставляется советским законодательством без «наказания».

С другой стороны советское право знает и другие противоположные случаи, когда общественно-опасные действия, прямо не предусмотренные Особенной частью УК, тем не менее влекут за собой меры социальной защиты: сюда относятся случаи, когда закон предоставляет суду право применять статьи Особенной части по аналогии (ст. 16 УК): в этих случаях следовательно наоборот—«наказание» может применяться и не к «преступлению».

Эти характерные особенности советского уголовного законодательства, благодаря которым уголовная реакция по советскому праву то не достигает круга деяний,—предусмотренных в Особенной части (начало целесообразности—ст. ст. 6 и 8 УК), то выходит за пределы этого круга (аналогия—ст. 16) лишают Особенную часть УК того исключительного формально-обязательного значения, какое она имеет в западном законодательстве. Здесь последовательно разрушается один из основных правовых фетишей западно-еврепейской теории уголовного права, фетишизм Особенной части, как совокупности формально-обязательных норм, безусловно связывающих суд и тем самым господствующих над требованиями живой действительности.

Быть-может здесь, в этих нормах начинает логически и исторически замыкаться круг, и от Руководящих Начал 1919 г. через УК советское законодательство начинает обратный путь от детализированной Особенной части к системе общих директив.

Наконец, более последовательное развитие получила ныне в советском законодательстве и идея классового правосудия.

В первоначальной редакции «Основные Начала» 1924 г. давали индивидуалистическое выражение принципу классового правосудия: согласно пункта б) ст. ст. 31 и 32 более строгая мера социальной за-

---

[1]) Вина (нравственная) и наказание для некультурного и необразованного лица два само собой разумеющихся почти различных слова, писал Р. Эбермей 1923 г. (Schuldund gefährlichkeit стр. 104—105).

[2]) Так и Ферри замену в итальянском проэкте 1921 г. «наказания» термином «санкция» мотиврует стремлением «лишить меры, предпринимаемые для защиты общества всякой связи с понятием греха».

[3]) См. мою «Особ. часть» 2-е изд. 1927 г. стр. 19.

щиты назначалась, «если преступление совершено лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплоатирующих чужой труд», и более мягкая, если преступление совершено «рабочим или трудовым крестьянином». Постановлением от 25 февраля 1927 г. Союзный ЦИК исключил эти указания; тем самым и идея классового правосудия получает ныне в советском законодательстве надлежащее выражение, как идея социальная, направленная не к защите лица, а к защите класса в целом [1]).

V.

Замена карающего правосудия правосудием, проникнутым началом социальной защиты, если оценивать ее динамически, — есть один из существенных этапов на пути к социальному изживанию преступления и наказания, следовательно на пути к построению нового общества. Оттого весьма существенно, в какой мере эта замена находит не только декларативное признание в законе, но и реальное воплощение в соответственной организации мер социальной защиты. Согласованные с «Основными Началами», с одной стороны УК РСФСР 1926 г. и с другой стороны Исправительно-Трудовой Кодекс 1924 г. дают ценный материал для решения этого вопроса.

Можно с удовлетворением отметить, что первая реальная особенность закона, порвавшего с возмездным правосудием — значительное снижение уголовных санкций. Это снижение коснулось не только всех родов преступлений, но и почти каждого деликта. Так, простая кража по УК 1922 г. влекшая за собой лишение свободы до 6 мес., по УК 1926 г. влечет за собой лишение свободы или принудительные работы до 3-х месяцев. Нарушение постановлений Кодекса о труде по УК 1922 г. — не ниже 1-го года, по УК 1926 г. — до 6 мес., бесхозяйственность по УК 1922 г.—не ниже 1-го года, по УК 1926 г.— до 2 лет или принудительные работы до 1 года, а при незначительном ущербе—дисциплинарное взыскание.

Снижение коснулось и таких деликтов, как участие в беспорядках (раньше не ниже 6 месяцев, теперь до 6 месяцев) пропаганды и агитации (ранее лишение свободы не ниже 1 года, теперь не ниже 6 месяцев—закон 6 июня 1927 г. С. У. № 49 ст. 330). Наконец, даже преступлений контрреволюционных коснулась снижательная тенденция: согласно ст. 58 УК 1922 г. нормальной санкцией за вооруженное восстание была высшая мера социальной защиты с понижением этой санкции при смягчающих обстоятельствах до 5 лет лишения свободы и конфискации всего имущества. Соответственная статья 58^2 УК 1926 г. допускает в качестве нормальной санкции рядом с высшей мерой альтернативно об'явление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР, конфискацией имущества и изгнанием из Союза ССР навсегда, с возможностью при смягчающих обстоятельствах снижения санкции до трех лет лишения свободы и конфискации части имущества. Эту же санкцию закон устанавливает по ряду других контрреволюционных преступлений (Союзное Положени е 1927 г. ст. ст. 3, 5, 7, 10, 13).

---

[1]) Доказывая необходимость этой меры Н. В. Крыленко на второй Сессии ВЦИК'а XII созыва говорил: «нельзя считать обязательно влекущим смягчение репрессии только тот факт, что преступление совершено рабочим или крестьянином или принимать в соображение только тот факт, что данное лицо в прошлом принадлежало к эксплоататорскому классу... Это—извращение классовой политики, а не классовая политика» (Бюллетень VIII стр. 607).

Быть может еще рельефнее, чем в сниженных по отдельным деликтам санкциям, проявилась понижательная тенденция в систематическом падении минимума лишения свободы.

Судебная практика периода военного коммунизма, как было отмечено выше, не была стеснена в назначении сроков лишения свободы: к этому времени относятся приговоры к лишению свободы на 20 и более лет и даже пожизненно.

«Руководящие Начала» 1919 г. также не определяют ни минимума, ни максимума лишения сводобы. Но с изданием УК определяется следующая скала падения минимума лишения свободы:

Ст. 34 УК первоначальной редакции		(С. У. № 15 ст. 153) —минимум 6 мес.
» » » второй	»	(С. У. 23 г № 48 ст. 176) —минимум 1 месяц
» » » третьей	»	(С. У. 24 г. № 79 ст. 786) —минимум 7 дней.
» 28 » 1926 г.		(С. У. 1926 г. № 80 ст. 600) —минимум 1 день.

Это неизменное снижение минимума срочного лишения свободы на-ряду с общим снижением уголовной реакции—в достаточной мере определяет основную тенденцию советского уголовного зяконодательства.

Наконец, ныне есть возможность отметить новый акт исключительной важности.

Постановлением Союзного ЦИК'а от 15 октября отменена высшая мера социальной защиты по всем преступлениям за исключением контрреволюционных, воинских и вооруженного разбоя.

VI.

Приведенные факты характеризуют динамику советского законодательства лишь с одной количественной стороны. Естественно заслуживает внимания и иной вопрос: намечаются ли качественные изменения в мерах социальной защиты, началось ли и по содержанию (а не только по сроку) перерождение традиционной тюрьмы в новые формы лишения свободы и трудового воспитания.

Прежде всего важно отметить, что сам закон провозглашает задачей советской «тюремной» политики — разрушение прежней тюрьмы.

«Исправительно-трудовое воздействие на заключенных в целях полного и действительного его осуществления, говорит ст. 4 Испр. Труд. Кодекса, должно проводиться путем дальнейшего усовершенствования и максимального развития, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем, сети трудовых сельско-хозяйственных ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов, устраиваемых преимущественно вне города».

Для разрешения этой задачи и упрочения внутреннего отличия исправительно-трудового дома от западно-европейской тюрьмы режим во всех без исключения местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия, кандалов, наручников, карцера, строгого одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решетку (ст. 49 Испр. Кодекса). Режим в местах заключения, говорит далее закон, должен быть так организован, чтобы заключенные «могли в большей или меньшей степени проявлять свою самодеятельность и инициативу» (ст. 50).

Оберегая права трудящегося, где бы он ни работал, на свободе или в заключении, и признавая воспитательную силу лишь за правильно организованным трудом, закон последовательно распространяет на заключенных ряд гарантий, устанавливаемых трудовым кодексом— о продолжительности трудового дня, сверхурочных работах, охране труда и другие. В некоторых случаях закон создает для труда заключенных более льготные условия: например ст. 127 Испр. Труд. Код. устанавливает минимум времени для приготовления к обеду не полчаса, как это делает ст. 100 кодекса законов о труде, а час. Стеснение в этой сфере прав заключенных должно рассматриваться, как общее нарушение законов о труде, и, следовательно, может влечь за собой уголовную ответственность виновных по ст. 133 УК.

Наконец, стремясь изжить тюрьму, закон ввел в качестве меры социальной защиты принудительные работы без заключения под стражу. В настоящее время принудительные работы еще не играют надлежащей роли в советской практике, но значение их должно и будет все более возрастать: здесь проходит прямой путь от старой тюрьмы к новым формам трудового воспитания. Тюрьма без труда, тюрьма с трудом и труд без тюрьмы — таковы основные этапы преобразования традиционного наказания в меру социальной защиты [1]).

VII

Ни одно законодательство в мире не отличается такой динамичностью, как законодательство советское: оно — в постоянном движении и развитии. Процесс этот естественно не протекает равномерно. Порой в пределах одной и той же уголовно-политической линии одни позиции оказываются выдвинутыми вперед в направлении новых идей, другие напротив оставленными или второпях забытыми.

Если на пути к практическому осуществлению новых идей встают хозяйственные и финансовые трудности, то здесь в сохранении в самых постановлениях закона следов прошлого сказывается сила традиции, порой автоматически проникающей и в новый закон.

Если не касаться частных вопросов, то одна общая проблема, связанная с природой и системой мер социальной защиты, заслуживает быть отмеченной.

Меры социальной защиты, определяемые судом, естественно не могут быть однородными: одной реакции требует профессионал рецидивист, другой реакции — несовершеннолетний правонарушитель, третьей — психически больной и т. д. Поэтому, естественно закон, может намечать разного рода меры для отдельных категорий преступников. Но это различение ни в какой степени не должно возрождать отвергнутой самим законодателем различения с одной стороны наказания, с другой — мер социальной защиты. К сожалению эту ошибку в известной степени допускают «Основные Начала» 1924 г. и за ними республиканские УК.

---

[1]) С. Файнблит, пересматривавший вместе с А. Сольцем дела осужденных, говорит о разного рода «льготах, послаблениях, привилегиях и премиях»; в тюрьме в камерах на ряду с книгами и газетами встречались шахматы, примусы, ковры, фрукты. А. Сольц и С. Файнблит «Революционая законность и наша карательная политика 1925 г.—стр. 66 Файнблит приводит такой случай: камера на замке. Где заключенный?—Ушел на службу.—Где ключ?—У него. На дверях карточка «Иванов». Конечно этот случай не типический, быть может, даже не закономерный, но он дает все же представление об общем характере тюремного режима.

[1]) Таково же значение широко практикующихся отпусков крестьян на сельские работы.

Действительно, согласно статьям 5-ой и 8-ой «Основных Начал» меры социальной защиты распадаются на а) меры судебно исправительного характера, б) меры медицинского характера и в) меры медико-педагогического характера.

Первые применяются лишь к лицам, действующим виновно, вторые—к лицам невменяемым, третьи—к малолетним и частью несовершеннолетним. Но ведь кажется беспорным, что и медицинские меры, предпринимаемые в отношении душевно-больных, также определяются судом: далее и они также не могут быть лишены задач исправления; следовательно и эти меры являются с у д е б н о - и с п р а в и т е л ь н ы м и; но с неменьшим основанием это следует сказать и о мерах, предпринимаемых в отношении малолетних и несовершеннолетних. При таких условиях противоставление «судебно-исправительных мер», принимаемых лишь в отношении виновных, «медицинским», принимаемым лишь в отношении невменяемых, может иметь лишь одно значение: оно, правда в форме весьма смягченной, но сохраняет старое различение с одной стороны наказания «виновных», с другой—мер социальной защиты в отношении невиновных. И эти последние терминологические следы старых принципов должны быть устранены.

Если, таким образом, при рассмотрении действующего советского законодательства можно порой констатировать несогласованность отдельных норм и понятий с общей идеей правосудия «переходного к коммунистическому строю периода времени», то, в целом беспорно общая тенденция советского правосудия выступает с достаточной отчетливостью: сначала в судебной практике Революции, а затем в законе, в судах, органах исполнения все более находит реальное воплощение идея социальной защиты, как основная идея уголовного правосудия. Этой тенденцией определяются также преспективы и вехи советской уголовной политики.

VIII.

Советская хозяйственная система в настоящий «переходный к коммунистическому строю период времени», сочетает в себе элементы социалистические и капиталистические. Естественно и советская уголовная политика отражает разнородные черты современной советской экономики. Но эта разнородность—и в этом весьма важная органическая особенность советского строительства—в советском праве не принимает и не может принять формы идеологического или практического конфликта, характерного для западного законодательства [2]).

Действительно, глубочайшая социальная особенность советской системы в ее плановости. Эта плановость проникает все без исключения пути и органы советского строительства—хозяйственные, просветительные судебные и др.—и находит реальное выражение во всемерном укреплении на каждом из этих путей социалистических элементов и систематическом вынесении элементов капиталистических. Победа новых идей, торжество коммунистической системы и должно явиться социальным завершением такого рода многих и многих преодолений на многочисленных фронтах социальной жизни.

---

[1]) Кажется выдержанной классификация выдвинутая проф. Мокринским 1) Общие—для преступников взрослых и здоровых и 2) меры специальные: а) для больных, б) для несовершеннолетних (меры уголовного кодекса Еж. Сов. Юст. 1926 г. № 16).

[2]) См. мою статью—Противоречия западно- европейской уголовной политики «Революционная законность» 1926 г.).

В полном соответствии с этой обще-плановой задачей советской системы и уголовная политика советского союза должна строиться на планомерном вытеснении из советской практики традиционных элементов старого правосудия—наказания возмездия, наказания мучительного и каторжного труда—и постепенном укреплении новых начал социальной защиты и трудового воспитания.

На ограниченном участке борьбы с преступностью советское правосудие должно, следовательно, вести общую борьбу по изживанию и преодолению капиталистической системы. Здесь поэтому нет и не может быть столкновения разных начал или борьбы противоположных идей общей и уголовной политики: строя новое общество, советское государство ведет наиболее плодотворную борьбу с преступностью, и, борясь с преступностью, преодолевая и здесь прежние методы капиталистического общества, оно расчищает путь к новому строю.

По мере роста материальных и культурных сил Союза, по мере укрепления социалистических элементов хозяйства, все более и более меры социальной защиты будут по содержанию эмансипироваться от прежнего наказания, все более ограниченной будет та сфера в которую, ограждая себя, пока вынужден вторгаться коллектив.

В основном совершенно однородный процесс постепенного отмирания совершается одновременно на обоих полюсах—преступления и наказания.

Чем быстрее будет совершаться хозяйственный рост Союза, тем более будут смягчаться «социализироваться» и отмирать современная преступность и современное наказание.

Так вместе рожденные, социальные близнецы, преступление и наказание, вместе отмирая, вместе и умрут в один и тот же час социального переустройства современного общества.

А. Трайнин.

Общее и суммарное производство в уголовном процессе УССР.

(К истории Советского уголовного процесса на Украине)

Уголовно-Процессуальное право советской Украины в лице УПК 1922 года установило два основных типа производства в стадии судебного рассмотрения дел, именно: производство общее, нормальное и производство упрощенное, суммарное, при котором об'ем и границы судебного исследования, а равно и участие сторон в этом исследовании являются в значительной степени ограниченными. При этом применение того или иного порядка производства определяется тем, происходит ли рассмотрение каждого данного дела в народном суде, или же в Революционном Трибунале, так как первый из названных судов знает только общий порядок производства, в то время как Ревтрибуналы (позже губернские или окружные суды) допускают наряду с этим общим порядком, также и производство упрощенное.

Различия между двумя указанными порядками рассмотрения уголовных дел, установленные УПК 1922 года сводятся, в основном и главном, к следующему.

Разрешая вопрос о вызове свидетелей в судебное заседание, народный суд должен руководиться лишь одним моментом, именно—значением этих свидетелей для дела, и если показания этих свидетелей признаны будут имеющими то или иное известное значение для правильного разрешения дела, то вызов этих свидетелей в судебное заседание является для народного суда обязательным. Положение это прямо было выражено в УПК 1922 г. относительно свидетелей, указанных сторонами в стадии приготовительных действий или в судебном заседании (ст. 258, 276). Что же касается свидетелей, указанных в списке, приложенном к обвинительному заключению, то здесь УПК ограничивается указанием на право нарсуда изменить список этих лиц (ст. 245); так как, однако, при этом не содержится никаких оговорок относительно того, чем должен руководствоваться суд, утверждая или изменяя список свидетелей, вызываемых в судебное заседание,—то отсюда следует, что и здесь народный суд руководится общими положениями, согласно которым все свидетели, имеющие значение для дела, должны быть вызваны в судебное заседание. Таким образом, в отношении вызова свидетелей, народный суд руководится во всех случаях одним только признаком относимости к делу показаний того или иного лица, при чем положение это относится в равной мере как к свидетелям ранее недопрошенным, так и к тем, чьи показания записаны уже в материалах дознания или предварительного следствия. Совершенно иное имеет место при производстве дел в Революционных Трибуналах, где согласно ст. 424 УПК 1922 г.—при определении списка лиц, вызываемых в судебное заседание, Трибунал в праве не вызывать тех из допрошенных на предварительном следствии или на дознании свидетелей, «показания которых не вызывают сомнения в своей достоверности». Далее такое же право ограничить об'ем материала, подлежащего исследованию, имеется у трибунала и во время судебного следствия. Поскольку круг и число свидетелей, вызываемых в судебное заседание определены при предании суду прокурором (ст. 228) или самим судом (245), а затем при разрешении ходатайств сторон о вызове свидетелей в стадии приготовительных действий (ст. 258) и во время судебного заседания (ст. 276)—народный суд уже не в праве затем ограничить число этих свидетелей и обязан допросить всех вызванных лиц, за исключением тех случаев, когда стороны согласятся не допрашивать тех или иных свидетелей, и народный суд, в свою очередь, признает допрос этих лиц излишним. Равным образом, допрос каждого отдельного свидетеля производится до тех пор пока не найдут нужным как сам суд, так и стороны, именно до исчерпания сторонами всех вопросов (ст. 293), что, конечно, не исключает права председателя устранять вопросы повторяющиеся или же не имеющие отношения к делу.

Гораздо более широки в данной области права революционного трибунала, который «в праве прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент допроса таковых, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей вполне установлены те обстоятельства, для установления которых свидетель вызывался» (ст. 427). Здесь, таким образом, трибунал в праве прекратить допрос свидетеля и ранее исчерпания сторонами всех вопросов, равно как имеет право отказаться от допроса свидетелей, несмотря на то, что показания свидетелей этих были признаны имеющими значение для дела, и самые свидетели были вызваны в судебное заседание.

Столь же широки права трибунала и в вопросе об участии сторон при рассмотрении дела и о пределах этого участия.

Вопрос об участии прокурора в судебном заседании при рассмотрении дел в народном суде разрешается самим прокурором (ст. 235), что не исключает, впрочем, права народного суда признать участие прокурора необходимым (ст. 235). Что же касается участия защиты, то УПК 1922 г. указывал ряд случаев, когда участие защиты было обязательно при рассмотрении дел в народном суде (ст. 59); во всех же остальных случаях вопрос об участии защиты разрешался, в сущности, самим подсудимым, так как если подсудимый просил о допущении избранного им защитника, то удовлетворение этого ходатайства было для народного суда обязательным. Что же касается ревтрибунала, то здесь любое дело может быть рассмотрено без участия представителей обвинения и защиты, так как вопрос о допущении представителей сторон разрешается по усмотрению самого трибунала «в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела» (ст. 415).

Наконец, последнее существенное отличие производства дел в ревтрибуналах от производства в народном суде заключается в об'еме прав, предоставленных сторонам в стадии судебного рассмотрения дела. Помимо того, что права сторон на представление доказательств могут быть ограничены трибуналом в порядке ст. 427 УПК,—трибуналу предоставлено так же право вовсе исключить одну часть судебного заседания, именно прения сторон. В народном суде прения сторон составляют непременную часть процесса и участие в этих прениях составляет неот'емлемое право сторон; что же касается ревтрибунала, то он в праве «постановить о недопущении прений сторон, если признает дело достаточно выясненным на судебном следствии» (ст. 430 УПК).

Таковы те особенности производства дел в ревтрибуналах, которые в совокупности своей образуют особый, упрощенный порядок рассмотрения дел, отличный от того порядка, какой установлен для народного суда. Неизбежно встает вопрос, на чем же основаны все эти особенности и почему для рассмотрения дел в судах, хотя и различных категорий, но об'единенных одним и тем же процессуальным Кодексом, каковы суд народный с одной стороны и трибунал с другой,—установлены столь существенные и глубокие различия? Ответ на этот вопрос может быть дан только путем ознакомления с историей советского уголовно-процессуального права и, в частности, с теми законодательными актами, которые легли в основание УПК 1922 г. и были им в той или иной степени усвоены и воспроизведены.

Уголовно-Процессуальное право советской Украины в первый период своего существования и развития не знает особого упрощенного порядка производства дел в трибуналах и устанавливает единый порядок как для народного суда, так и для революционных трибуналов. В этом отношении наиболее важным является первый же законодательный акт, определивший основы уголовного судопроизводства для судов УССР, именно «Временное Положение о народных судах и революционных трибуналах» от 20 февраля 1919 г. Как и все почти законодательные акты того времени, Положение 1919 года содержит в себе указание только на самые основные моменты, определяющие порядок исследования и рассмотрения уголовных дел; тем не менее, при всей сжатости Положения, оно совершенно отчетливо проводит ту мысль, что в области пределов исследования и участия сторон в этом исследовании, — нет каких-либо существенных различий между народным судом с одной стороны и революционным трибуналом с другой.

Одни вопросы, каков, например, вопрос об основаниях определяющих круг лиц, вызываемых в судебное заседание в качестве свидетелей, — вовсе не затронуты законом; другие-же, на которые в законе содержится определенное указание, разрешены на одних и тех-же основаниях как для народных судов, так и для революционных трибуналов. Таков, в частности, вопрос о представительстве сторон присудебном рассмотрении дела. Участие представителей обвинения и защиты считается, как общее правило, обязательным по всем наиболе серьезным делам независимо от того, в каком суде дела эти рассматриваются. Исходя из этого, Временное Положение 1919 года считает обязательным участие представителей обвинения и защиты в трибуналах по всем без из'ятия делам (ст. 19); в народном-же суде участие это обязательно по делам наиболее тяжким (подсудным народному суду с участием 6 народных заседателей), а во всех остальных случаях вопрос об участии представителей обвинения и защиты разрешается по усмотрению народного суда (ст. 46). Что-же касается вопроса о прениях сторон, то хотя о таковых Положение 1919 г. не упоминает, но в нем нет упоминания и о праве суда прения эти устранить, и практика всегда считала участие в прениях неот'емлемым правом сторон как в народном суде, так и в трибуналах.

Эти исходные положения, установленные законом 1919 года, определили все построения уголовного процесса в УССР вплоть до издания УПК 1922 г. Временное Положение 1919 г. было позже заменено в части, относящейся к народным судам «Положение о народном суде» от 26 октября 1920 г., при чем в рассматриваемой нами области не было внесено никаких существенных изменений. В той-же части своей, которая относится к революционным трибуналам, Временное Положение оставалось в силе (с некоторыми незначительными изменениями) вплоть до издания УПК 1922 г., когда и было отменено вводным к УПК законом от 13 сентября 1922 г. Что же касается других законодательных актов, определявших порядок судебного рассмотрения уголовных дел, то они также не устанавливают какого-либо особого упрощенного производства. Так, декрет от 16 апреля 1919 г. «Об учреждении Верховного Кассационного Суда», предоставляя право Кассационному Суду, в случае отмены приговора ревтрибунала, принять дело к своему рассмотрению по существу, подчеркивает, что в этом последнем случае «требуется участие в деле на общем основании представителей как обвинения так и защиты» (ст. 7). Равным образом в Верховном революционном трибунале, ведающем дела наиболее важные, производство определяется правилами, установленными для ревтрибуналов, почему участие в деле представителей обвинения и защиты, со всеми отсюда вытекающими последствиями является обязательным (ст. 4 и 5 декрета от 15 апреля 1919 г.). Наконец, Положение «О едином Верховном Трибунале УССР» от 23 июля 1921 г. предоставляя Судебному Отделу этого Трибунала рассмотрение по существу дел исключительной важности, указывает, что «рассмотрение дел происходит на общем основании, установленном для губернских трибуналов» (ст. 9).

Равным образом, циркуляры НКЮ УССР, издававшиеся в то время в значительном числе в целях упорядочения судебного производства и имевшие своей целью развитие и уточнение законодательных положений, нигде не упоминают о каком-либо особом упрощенном порядке рассмотрения дел в судах той или иной категории, почему, как общее правило, уголовно-процессуальное право Советской Украины знает в рассматриваемый нами период один и тот же поря-

док производства как для народных судов, так и для судов усиленной революционной репрессии, каковыми являлись революционные трибуналы и даже Верховный Трибунал Республики.

Совершенно иное разрешение получил данный вопрос в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР, где постепенно выявляется ряд существенных различий между производством в народных судах с одной стороны и производством в трибуналах с другой. Так, один из первых декретов относящихся к данному вопросу—Декрет о Суде № 2 1918 года, равно как изданная 23 июля того-же 1918 г. Наркомюстом Инструкция «Об организации и действии местных народных судов» предусматривают обязательное участие обвинения и защиты, а также не знают никаких ограничений прав сторон в представлении доказательственного материала. Равным образом, Положение о народном суде от 30 ноября 1918 года, как и Положение о народном суде от 21 октября 1920 г. не содержат в себе никаких указаний на возможность ограничить число лиц, вызываемых в качестве свидетелей, а также отказаться от допроса их; что же касается участия защитника—то таковой обязательно привлекается к делу: по Положению 1918 г.—при участии обвинителя и по делам, рассматриваемым с участием шести народных заседателей (ст. 43), а по Положению 1920 г.—при наличии обвинителя и в тех случаях, когда подсудимый содержится под стражей (ст. 47); во всех же остальных случаях допущение защитника зависит от народного суда.

Но наряду с этим, лишенным начал суммарности, процессом, развивается постепенно и другой порядок производства, значительно упрощенный и принятый в судах усиленной репрессии—в трибуналах. Первый акт, регулировавший производство в трибуналах—т. н. Инструкция революционному трибуналу от 19 декабря 1917 года вводит обязательное участие обвинения и защиты (ст. 6) и не знает каких-либо ограничений нормального порядка судебного разбирательства в области как судебного следствия, так и прений сторон; то же может быть сказано о декрете «О революционном трибунале печати» от 28 января 1918 года, равно как о позднейшем декрете «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 года. Но по мере усиления роли и значения трибуналов, как органов революционной репрессии, начинает постепенно обнаруживаться тенденция к упрощению порядка производства дел в трибуналах. Одно из первых проявлений этой тенденции находит себе место на происходившем в октябре-ноябре 1918 года первом Всероссийском С'езде Трибуналистов, подчеркнувшем в своей резолюции, что трибуналы должны явиться органами суровой расправы с врагами революции и что в виду этого «процессуальная сторона в трибуналах должна быть до чрезвычайности упрощена». Чем дальше, тем это стремление упростить трибунальное производство все усиливается и, наконец, получает свое выражение в датированном 12 апреля 1919 г. Положении о революционных трибуналах. Согласно ст. 17-й этого Положения допущение или недопущение обвинителя и защитника к участию в деле зависит от усмотрения трибунала; равным образом, от последнего зависит, вызывать или не вызывать дополнительных свидетелей. Что же касается прений сторон, то отсутствует указзние на право трибунала отказаться от этой части судебного процесса, равно как нет указаний на то, что трибунал в праве прекратить в тот или иной момент допрос свидетелей, уже вызванных в судебное заседание.

Содержащиеся в Положении 12 апреля 1919 года постановления были полностью восприняты «Положением о революционных военных

трибуналах» от 20 ноября 1919 года, при чем здесь уже появляется указание на право трибунала не вызывать в судебное заседание даже существенных и имеющих для дела значение свидетелей в том случае если показания последних, имеющиеся в деле в письменном виде, признаны будут категоричными, достоверными, полными и ясными (ст. 21). Но в то же время трибуналу не предоставлено право сократить процедуру судебного разбирательства, и Положение нигде не упоминает о возможности прервать в любой момент судебного следствия допрос свидетелей; что же касается прений сторон, то таковые — согласно пункту «д» ст. 24-й—обязательны, если в деле участвуют обвинитель и защитник или только последний.

Последний шаг по пути упрощения производства в трибуналах сделан был «Положениеи о революционных трибуналах» от 18 марта 1920 года. Здесь, как и в предшествующих законодательных актах, допущение или недопущение обвинителя и защитника предоставлено всецело усмотрению трибунала (ст. 17); от последнего также зависит круг свидетелей, вызываемых в судебное заседание как при утверждении обвинительного акта, так и в порядке разрешения соответствующих ходатайств сторон (ст. 14, 19). Но наряду с этими, уже не новыми для трибунального производства, постановлениями—Положение 18 марта 1920 года содержит в себе указание на право трибунала прекратить в любой момент допрос уже вызванных в судебное заседание свидетелей (ст. 19), а также не допустить прений сторон в случае признания дела достаточно выясненным на судебном следствии (ст. 20). Все эти постановления, делающие возможным в трибунале упрощенное производство, получают здесь свое отчетливое и законченное выражение, повторяясь затем в изданных в том-же 1920 году «Положении о революционных военных трибуналах» (ст.ст. 15, 18, 21, 23) и «Положении о революционных военных железнодорожных трибуналах» (ст.ст. 19, 22, 24, 25).

Создавшийся таким путем упрощенный порядок производства в трибуналах привел к тому, что в РСФСР приняты были в сущности, два процесса: общий—для народного суда и суммарный для трибунала, в противоположность УССР, где, как было указано выше, существовал один и тот же порядок рассмотрения дел как в народных судах, так и в трибуналах. Исключение представляли собой лишь существовавшие на Украине военные и военно-железнодорожные трибуналы, которые действовали на основании изданных в РСФСР Положений 1920 года и, следовательно, знали упрощенный порядок производства.

Эти отличия в законодательствах РСФСР и УССР были сохранены и в тех проектах, которые предшествовали появлению УПК 1922 г. Так, в конце 1921 г. Комиссией при НКЮ УССР был выработан «Проект Положения о порядке производства уголовных дел», каковой Проект в рассматриваемом вопросе целиком воспринимает положения действовавшего тогда законодательства УССР, и в главе 28-й устанавливает для губернских (окружных) революционных трибуналов тот же общий порядок, какой принят в народном суде. В частности, вызов свидетелей и экспертов определяется теми же правилами, какие установлены для народного суда (ст. 488 Проекта), а участие обвинителя и защитника является обязательным во всех случаях (ст. 490), при чем участие этих лиц в прениях является непременной частью судебного заседания как в народном суде так и в трибунале (ст. 343, 474). Что-же касается военных и военно-железнодорожных трибуналов, то здесь Проект НКЮ УССР воспроизводит

в значительной степени черты упрощенного процесса, свойственные действовавшим на Украине Положениям РСФСР 1920 г. о военных и военно-железнодорожных трибуналах. Так, участие обвинителя и защитника, согласно Проекту, допускается по усмотрению трибунала (ст. 512); при чем трибунал в праве в судебном заседании вынести определение о недопущении прений сторон (ст. 519); что же касается вызова и допроса свидетелей, то при предании суду трибунал вызывает только тех из допрошенных ранее свидетелей чьи показания имеют значение для дела (ст. 513); право же трибунала прервать допрос свидетелей отсутствует.

На иной путь стал в данном вопросе проект уголовно-процессуального Кодекса РСФСР. Комиссия, созданная НКЮ РСФСР, приступив в начале 1922 г. к выработке Проекта, использовала в качестве материала Украинский Проект, но в вопросе о порядке производства дел в трибуналах Комиссия отвергла положения Украинского Проекта и целиком восприняла действовавшее в то время законодательство РСФСР.

В соответствии с этим выработанный Комиссией НКЮ РСФСР «Проект Положения о порядке производства уголовных дел» 1922 г. предоставил право трибуналу не вызывать тех ранее допрошенных свидетелей, показания которых не вызывают сомнения в своей достоверности (ст. 461 Проекта), а равно право в любой момент прервать допрос свидетеля или свидетелей (ст. 465); что-же касается участия сторон, то таковое, по Проекту, допускается в зависимости от усмотрения трибунала (ст. 453), при чем — независимо от допущения участия сторон—трибунал в праве не допустить прений сторон (ст. 468).

Все эти положения Проекта полностью вошли в УПК 1922 г., который таким путем пришел к изложенным уже выше отличиям в производстве народного суда с одной стороны и в производстве трибунала с другой и тем самым к созданию на ряду с общим порядком производства также и порядка упрощенного, суммарного.

Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР 1922 г. был целиком воспринят на Украине (УПК УССР от 13 сентября 1922 г.), и таким путем украинское законодательство, ранее не знавшее различных порядков производства, ныне также усвоило указанные выше различия, допустив для трибуналов упрощенный порядок производства, отличный от порядка, установленного для народного суда. Таким образом создание различных порядков производства для судов различных категорий явилось для украинского уголовно-процессуального права не результатом самостоятельного развития, а последствием рецепции тех положений, какие были в свое время выработаны в законодательстве РСФСР.

Положения эти, воспринятые УПК 1922 г., действовали на Украине в течение всего того времени, пока оставался в силе указанный Кодекс; в дальнейшем-же своем развитии уголовно-процессуальное право советской Украины снова становится на путь самостоятельного творчества и создает существенные отклонения от соответствующих положений уголовно-процессуального права РСФСР.

УПК 1922 г. вскоре-же после его появления был пересмотрен в РСФСР и издан был в новой редакции от 15 февраля 1923 года. При этом, однако, положения, относящиеся к производству дел в губернских судах остались неизменными и статьи 381, 391, 394 и 397 УПК 1923 года воспроизводят полностью соответственные статьи 415, 424, 427 и 430 УПК 1922 г., почему губернские суды знают тот-же упрощенный порядок производства, что и ранее действовавшие револю-

ционные трибуналы. Что-же касается УССР, то здесь вопрос о пересмотре УПК 1922 г. также был поставлен в порядок дня вскоре после появления нового УПК РСФСР 1923 года, однако, в силу целого ряда причин издание нового Уголовно-Процессуального Кодекса значительно задержалось. И несмотря на то, что после 1922 г. была дважды произведена реформа судоустройства, уголовное судопроизводство на Украине определялось попрежнему УПК 1922 г.; почему действовавшие вместо революционных трибуналов губернские, а затем окружные суды, руководились положениями, установленными для трибуналов и— следовательно — знали особый упрощенный порядок производства.

Новый УПК УССР вступил в силу с 15 сентября 1927 года, при чем в отличие от УПК 1922 г. он не только не воспроизводит полностью УПК РСФСР, но—напротив того,—содержит в себе ряд отличий порою весьма значительных и глубоких. К числу этих отличий, присущих новому Украинскому УПК, должно отнести и положения, определяющие порядок производства дел в народных судах с одной стороны и в судах окружных с другой. Новый УПК УССР не знает какого либо особого, суммарного производства в окружном суде, и если проводит какое-либо упрощение судебной процедуры, то распространяет это упрощение на все суды. Так, вопрос о том, какие именно лица должны быть вызваны в судебное заседание в качестве свидетелей в судебное заседание разрешается как народным судом, так и судом окружным исключительно в зависимости от того, имеют-ли значение для дела показания этих свидетелей (336; прим. 1 к ст. 235); что же касается того, были ли эти свидетели ранее допрошены и какова степень достоверности их показаний, данных на предварительном следствии или на дознании, то эти моменты не могут влиять на разрешение вопроса о вызове тех или иных лиц в качестве свидетелей. Равным образом, вопрос о том, подлежат ли уже вызванные свидетели допросу в судебном заседании разрешается на одинаковых основаниях как в народном, так и в окружном суде. Именно, народный суд в праве прекратить допрос как отдельного свидетеля, так и всех свидетелей во всякое время допроса их, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей полностью установлены те обстоятельства, по которым свидетели вызваны (ст. 276). Такое-же право имеет и окружный суд, поскольку производство здесь определяется, как общее правило, теми же положениями, какие установлены для народного суда (335).

Равным образом одни и те же положения действуют как в народном суде, так и в суде окружном по вопросу об участии в деле представителей обвинения и защиты По общему правилу, вопрос об участии обвинителя в лице прокурора, разрешается по усмотрению последнего (прим. к ст. 224) как в народном суде, так и в суде окружном (ст. 335), с тем лишь из'ятием, что по делам, где пред'явлено обвинение по такой статье УК, которая содержит в себе в виде санкции расстрел,—участие прокурора является обязательным (прим. 2 к ст. 48). Что же касается участия защиты в деле, то таковое является обязательным в целом ряде случаев, перечисленных в законе; во всех же остальных случаях допущение или назначение защитника разрешается судом по его усмотрению, при чем это положение относится в равной мере как к народному, так и к окружному суду (ст. 53, 235 и 336). Что-же касается последнего интересующего нас вопроса о прениях сторон, то как в народном суде, так и в суде окружном прения эти являются непременной частью процесса и могут быть устранены лишь в том случае, если суд признает эти прения излишними и

если не последует возражения сторон, иначе говоря если обе стороны откажутся от прений. Равным образом на новых основаниях разрешен УПК 1927 г. вопрос о репликах. Согласно УПК 1922 г. (и УПК РСФСР 1923 г.) стороны в праве, после основных своих речей, обменяться один раз репликами, почему вопрос о том, будут-ли реплики иметь место, разрешается исключительно самими сторонами. Таково положение дела в народном суде; что же касается ревтрибуналов (губернского или окружного суда), то здесь вопрос о репликах не был специально предусмотрен, но Пленум Верховного Суда РСФСР (Циркуляр № 37 1924 г.), равно как Пленум Верховного Суда УССР (постановление от 5 января 1925 г.) раз'яснили, что губернский окружный суд в праве, даже допустив прения сторон, не допустить реплик, если признает их излишними и таким образом, в суде губернском (окружном) вопрос о репликах, в отличие от суда народного, разрешается не сторонами, а судом; что же касается нового украинского УПК, то он и здесь отбрасывает какое либо различие между судом народным и окружным и во всех случаях допускает реплики сторон лишь с разрешения на то суда (ст. 285).

Таким образом новый украинский УПК 1927 г. строит совершенно одинаково процесс как в народном суде, так и в окружном по всем тем процессуальным моментам, которые получили столь различную обрисовку в УПК 1922 г. равно как в УПК РСФСР 1923 г. Весьма спорной является целесообразность ряда положений, принятых новым УПК УССР; таково, в частности, предоставленное суду право в любой момент—без согласия на то сторон—прервать допрос свидетелей; то-же должно быть сказано и о сокращении числа случаев участия в деле защиты, в частности защиты—т. н. добровольной, т. е. привлекаемой самим подсудимым.

Но каков бы ни был взгляд законодателя на все эти вопросы,—одно является беспорным, именно, что одно и то же решение этих вопросов должно иметь место как в народном суде, так и в суде окружном. Проведенное в УПК 1922 года построение различных производств для судов различных категорий является наследием определенного периода истории советского уголовного процесса. Сложившаяся до 1922 года система советского суда принципиально отграничивала народные суды от революционных трибуналов, и в то время, как первые представляли собой суд нормального типа, трибуналы являлись органами усиленной революционной судебной репрессии. Вполне понятно поэтому, что в этих судах, имевших особые задания, мог сложиться и особый, более упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел.

Но совершенно иное положение создалось в последующий период, когда трибуналы были упразднены и заменены губернскими (и окружными) судами. Эта реформа не ограничивалась изменениями в наименовании и в структуре судов, но имела и имеет гораздо более глубокое значение. Если ранее трибуналы стояли отдельно от народных Судов и даже противопоставлялись последним, как суды особой категории, то с изданием Положения о Судоустройстве как в РСФСР, так и в УССР, губернские суды, заменившие собой трибуналы, не только не противопоставлены судам народным, но напротив того, включены в одну и ту-же судебную сеть. Так, в частности, 1-я же статья Положения о судоустройстве УССР от 23 октября 1925 г. об'-является, «что на территории УССР действует следующая единая система судебных установлений: 1) народный суд, 2) окружный суд и 3) Верховный Суд УССР». Отсюда следует, что окружный суд не

только организационно связан с судом народным, но и по самой сущности своей ничем от этого последнего не отличается. Окружному суду как суду I-й инстанции, предоставлено право рассмотрения наиболее серьезных и сложных дел, но от этого он не перестает быть таким-же судом общего, нормального типа, каким является Суд Народный. Поэтому порядок производства должен быть одинаковым в обоих этих судах. Какой именно порядок производства должен быть принят, в какой области и в каком об'еме можно и должно проводить упрощение уголовного процесса,—все эти вопросы законодатель разрешит в ту или иную сторону, исходя из определенных соображений. Но те положения, которые будут приняты, должны быть одинаковыми как для народного, так и для окружного суда, ибо суды эти по сущности и характеру своему являются судами одинаковыми, входящими в состав одной и той же судебной сети. Именно на эту точку зрения стал новый Украинский УПК 1927 г., который, отказавшись от проведения особого суммарного процесса в окружном суде, установил, как общее правило, единый порядок рассмотрения уголовных дел во всех судах, входящих в состав единой системы судебных установлений Республики.

М. Гродзинский.

О прокуратуре и адвокатуре, обвинении и защите.

I.

В правовой жизни всякого государства прокуратура и адвокатура имеют весьма значительный удельный вес и занимают видное положение среди органов, создаваемых государством для осуществления и обеспечения принципа законности во всех отраслях государственной деятельности.

Без систематического, организованного и последовательного подчинения своей деятельности принципу законности всех без исключения органов государства,—без обеспечения соблюдения закона по отношению к гражданам как вне суда, так и в особенности в суде—государственная машина рискует работать неминуемо с перебоями.

Вот почему вопрос о законности неминуемо должен был возникнуть при первых же шагах по организации советского аппарата на широких правовых основах.

Впервые, повидимому, призыв к необходимости соблюдения законности судебными деятелями, как «блюстителями революционной законности»—был провозглашен на III Всерос. С'езде деятелей юстиции в июле 1918 г.—в речи Наркома юстиции П. И. Стучки (Стенограммы С'езда—в вып. III материалов НКЮ,—стр. 23).

А затем признание принципа законности, как одного из основных принципов в деятельности государства, было провозглашено на 6 Всерос. Чрезв. С'езде Советов в ноябре 1918 г. и принято специальным постановлением С'езда «о точном соблюдении законов» [1]).

---

[1]) (См. заявление Председателя С'езда Я. И. Свердлова, речь Наркома Юстиции Д. И. Курского и постановление С'езда «о точном соблюдении законов»—Стенографический отчет 13—15, 70—71 и Собр. Узак. № 90 за 1918 г.).

Интерес к проблемам законности в государственной жизни вновь оживился в 1922 году в связи с разработкой и изданием материально-правовых и процессуальных кодексов [1]).

В этот период интерес сосредоточился, во-первых, на установлении точного содержания, вкладываемого в понятие революционной законности, и, во-вторых, на определении тех организационно-государственных форм и путей, при помощи которых можно было бы провести в жизнь и обеспечить начало законности в деятельности государства.

Четвертый С'езд деятелей юстиции прошел уже целиком под знаком желания обеспечить проведение режима законности. При этом под режимом революционной законности предложено было понимать «такой установившийся правопорядок, при коем каждому будет обеспечена полная безнаказанность действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено, и во-вторых—наказуемость для всякого, кто бы он ни был,—при совершении деяния воспрещенного законом».

Это определение должно быть признано достаточно ясным и четким [2]).

Совершенно ясно какие серьезные задачи падают и на адвокатуру и на прокуратуру, если речь идет, с одной стороны, об обеспечении наказуемости для всякого, кто бы он ни был, при совершении деяния, воспрещенного законом, а с другой стороны—для обеспечения каждому полной безнаказанности действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено.

Именно для осуществления прямо и непосредственно этих задач и создаются прокуратура и адвокатура. В этом смысл их существования и исторически и логически, и поскольку нераздельно слиты обе указанные задачи режима законности — постольку же параллельна судьба обоих институтов—прокуратуры и адвокатуры.

Прокуратура и адвокатура родились не одновременно в истории организации уголовного суда. Но с того момента как в истории европейского процесса 19 века адвокатура и прокуратура оформили свое существование,—судьба их тесно спаяла. Истекшее десятилетие, отделяющее нас от Октябрьской Революции также подтверждает эту общую историческую истину, ибо и у нас пути развития прокуратуры и адвокатуры шли параллельно друг другу.

Дальнейшее изложение представляет собою поневоле лишь схематическое подытожение главнейших моментов, связанных с итогами и перспективами в развитии обоих институтов.

Десятилетие с 1917 г. по 1927 г., с точки зрения судеб. прокуратуры, можно разделить на следующие периоды:

---

[1]) См. подробнее об этом периоде в моей статье «Проблема законности в Уголовном Кодексе РСФСР»—напечатанной в кн. 1 журнала «Право и Жизнь» за 1922 г., стр. 31 и сл. В этой статье создание словосочетания «революционная законность» было приписано Н. И. Бухарину и отнесено к 1919 году. В действительности же этот термин употреблен еще в 1918 году П. И. Стучкой.

[2]) Н. В. Крыленко—на 4 С'езде деятелей юстиции, Стеногр. отчет стр. 61, а также «Еж. Сов. Юст.» № 5 за 1922 г. стр. 11. Аналогичное определение предложено было С. Б. Членовым в статьях, напечатанных в Народном Хозяйстве» 1921 г. № 8—9, стр 24—25 и в периодическом издании «Смена Вех» № 12 за 1922 г., стр. 21, 22, 23. В этот же период времени П. И. Стучка писал: «Повидимому, люди полагают, что право, законность и т. д. означают одно, а стоит лишь прибавить слово «революционный», оно обозначает прямо противоположное. Или, может быть, всякое беззаконие превратится в законность, если к нему прибавить словечко «революционный» или «советский». («Изв. ВЦИК» № 68 от 25 марта 1922 г.).

1) с октября 1917 г. до мая 1918 г.: уничтожение дооктябрьской прокуратуры и отказ от признания необходимости в судебной системе организованной прокуратуры;

2) с мая 1918 г. по середину 1922 г.: признание необходимости создания организованного государственного обвинения и первые шаги по пути к организации прокуратуры: «коллегии обвинителей» при Революционных Трибуналах и «кадры обвинителей» при Отделах Юстиции;

3) с 1922 г. по 1927 г.: организация централизованной государственной прокуратуры.

Историю адвокатуры за 10 лет следует расчленить на следующие периоды:

1) с октября 1917 г. по март 1918 г.: уничтожение дооктябрьской адвокатуры и провозглашение принципа ненужности организованного института адвокатуры; свободное допущение к защите в суде всех желающих граждан;

2) с марта 1918 г. по декабрь 1918 г.: признание необходимости создать институт профессиональных адвокатов; первые попытки построения адвокатуры на основе превращения адвокатов в должностных лиц, состоящих на государственной службе.

С декабря 1918 г. по октябрь 1920 г.: осуществление мысли об учреждении коллектива должностных лиц, выполняющих на суде обязанности защитников;

3) с октября 1920 г. по середину 1922 г.: отрицание необходимости существования профессионального адвоката и отрицание адвокатуры как организованного института для выполнения функций защиты на суде; привлечение защитников на основе трудовой повинности;

4) с 1922 г.: создание института адвокатуры, построенного на принципе свободной профессии и контролируемого органами государства.

II.

В самом начале после-октябрьского периода первым же декретом о суде было постановлено упразднить существовавшие институты прокуратуры и адвокатуры («Газета Врем. Раб. и Крест. Правительства» № 17 от 24 ноября 1917 г.—Собр. Узак. № 4 за 1917 г.). В этот момент законодательство отказалось от какой бы то ни было организации обвинения и защиты в судебном процессе. А поскольку основной функцией прокуратуры и адвокатуры является именно обвинение и защита в процессе, постольку отказ от организации обвинения и защиты сделал логически ненужным и организацию прокуратуры и адвокатуры, как специальных институтов. По постановлению того же Декрета № 1 о суде «в роли обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам—поверенных, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». Отказ от организации институтов прокуратуры и адвокатуры имел своим последствием невозможность организации и какого бы то ни было общественного и государственного контроля над отправлением функций обвинения и защиты на суде.

Неудобство такого порядка очень быстро сказалось, и уже через три месяца декрет № 2 о суде (Собр. Узак. № 26 за 1918 г.), посвящая в своем тексте несколько статей обвинению и защите, провозглашал создание при местных советах коллегий лиц, посвящающих себя

правозаступничеству, как форме общественного обвинения, так и общественной защиты. Членам этой коллегии предоставлено было монопольное право выступления в судах за плату. Создан был, таким образом, вновь институт профессиональных защитников. Из того же состава лиц суд имел право приглашать для участия в процессе и обвинителей. Одновременно с этим сохранено было право непрофессионального выступления в качестве обвинителей и защитников и всех других граждан, не принадлежащих к коллегии правозаступников [1]).

Постановления декрета № 2 о суде были, разумеется, совершенно недостаточны для того, чтобы надлежащим образом регулировать как обвинение, так и защиту. Необходимость организованного построения того и другого быстро сказалась в дальнейших законодательных актах.

В первую очередь декрет Совнаркома от 4 мая 1918 года и декрет ВЦИК от 29 мая 1918 г. создали при каждом революционном трибунале коллегию обвинителей, а при революционном трибунале при ВЦИК создана была Центральная Коллегия Обвинителей, на которую возложено об'единение и руководство деятельностью коллегий обвинителей местных революционных трибуналов, (Собр. Узак. № 35 и 41 за 1918 г.). Функции этих коллегий обвинителей определены, хотя и в общих чертах, но по обще-прокурорскому образцу. В перспективе советского процессуального права эти Коллегии обвинителей, созданные в мае 1918 г. нужно считать и исторически и идейно непосредственными предвестниками Государственной Прокуратуры, созданной впоследствии в развитом виде законодательством 1922 года. Поскольку в революционных трибуналах рассматривались наиболее сложные и серьезные по тому времени дела, постольку можно было считать, что для этой группы дел государство уже приступило к организованному руководству делом обвинения в процессе.

Если вопрос об обвинении был поставлен в сфере исключительной трибунальной юстиции, то вопрос об организации адвокатуры на основе Декрета № 2 о Суде был поставлен в сфере общей юстиции и сделан предметом обсуждения 2-го Всероссийского С'езда областных и губернских комиссаров юстиции, состоявшегося в Москве в июле 1918 г., при чем С'ездом был принят и проект типового положения о, так называемых, коллегиях правозаступников. [2])

На почве этого проекта, принятого 2-м С'ездом деятелей юстиции, на местах были изданы Положения о коллегиях правозаступников, правда, с различными отступлениями от того проекта, который был принят на С'езде.

Этими постановлениями местных Советов были восполнены недостаточные сами по себе постановления Декрета № 2 о Суде о защите. Так, для примера можно указать на распубликованное в Известиях ВЦИК № 189 от 3 сентября 1918 г. постановление президиума

---

[1]) Понятие и самый термин „правозаступничества" существовал в русской юридической литературе задолго до принятия его в законодательный текст. Он сделался весьма популярным после появления в 1893 г. исследования проф. Е. В. Васковского. «Организация адвокатуры», в котором самое понятие адвокатуры было определено через понятие правозаступничество («адвокатура есть правозаступничество, т.-е. оказывание гражданам юридической помощи»—ч. 1 стр. 5 и ч. 2 стр. 2). Е. В. Васковским этот термин воспринят в свою очередь из „Курса Гражданского Судопроизводства» проф. Малышева, вышедшего в 1878 г. (т. 1 стр 205).

[2]) Журналы заседаний этого С'езда помещены в выпуске 3-м „Материалов Народного Комиссариата Юстиции"; о коллегиях правозаступников—стр. 17—20. В том же выпуске помещены проекты построения коллегии, принятые на с'ездах деятелей юстиции Сибири, Урала и Туркестана—стр. 40, 45, 50, 58, 60, 62; Курской губ.—стр. 78, 81, 82, Тверской губ.—стр. 96 и Тамбовской губ.—стр. 106.

Московского Совета «О коллегии правозаступников». (Перепечатано в Собр. постановлений и распоряжений Моск. Совета Раб. и Кр. Деп. № 2 стр. 20). Право комплектования личного состава коллегии, т.-е. право принятия и отзыва членов коллегии принадлежит Совету Раб. Депутатов. Коллегии предоставлено право внутреннего самоуправления—выбор Совета коллегии, выработка правил или инструкций, нормирующих деятельность членов коллегии, наблюдение за моральным уровнем последних и за исполнением ими своих профессиональных обязанностей; наложение на них дисциплинарных взысканий, выработка таксы, распределение защит и обвинений. Правозаступникам предоставлено было право принимать дела как по избранию тяжущихся и обвиняемых, так и по назначению. Вознаграждение должно было вноситься в кассу коллегии и затем распределяться между членами последней.

Вторая половина 1918 г. была периодом организации этих коллегий правозаступников. Организация эта весьма затянулась и едва успело закончиться формирование коллегий правозаступников, как они были уничтожены, изданным в декабре 1918 г. Положением о народном суде. (Собр. Узак. № 85 за 1918 г.). Вместо коллегий правозаступников были созданы коллегии защитников обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Таким образом, на место двух организаций, раздельных для обвинения и для защиты—коллегий обвинителей и коллегий правозаступников—была поставлена единая Коллегия, из которой на одинаковых основаниях надлежало черпать и обвинителей и защитников. Советское законодательство об адвокатуре того периода вплоть до 1920 г. обнаруживает тенденцию к постепенному превращению адвокатов в должностных лиц, состоящих на государственной службе. Если Положение о коллегии правозаступников делало в этом отношении первый шаг и еще не давало достаточно четких правовых нормировок, то Положение о народном Суде уже прямо провозглашает, что члены коллегии защитников обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе избираются Исполнительными Комитетами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов на общих со всеми должностными лицами Советской Республики основаниях из состава лиц, удовлетворяющих требованиям Конституции, при чем «члены коллегии, как должностные лица Советской Республики получают содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей по смете Народного Комиссариата Юстиции».

Положением о народном суде в издании 1918 г. завершился второй этап в истории организации адвокатуры и защиты в советском праве. Если первый этап, гранью которого можно считать февраль—март 1918 г., характеризовался отрицанием необходимости в организации адвокатуры, как института профессиональных защитников, и допущением, хотя бы, к профессиональной защите всех обладающих гражданскими правами лиц, то второй этап, имеющий свое начало в Декрете № 2 о суде 1918 г., охватив дискуссию на II-м С'езде деятелей юстиции и создание на местах коллегий правозаступников, завершился Положением о народном суде в редакции 1918 г. и имеет своей тенденцией превращение профессионального защитника в государственного служащего.

Так продолжалось до III-го С'езда деятелей юстиции, созванного в июне 1920 г. Опыт построения защиты и обвинения на почве образования единой коллегии должностных лиц, из недр которой надлежало черпать и обвинителей и защитников, —признан был этим с'ез-

дом неудавшимся. Это не возбуждало почти никаких сомнений. Поэтому с'езд постановил упразднить единую коллегию защитников обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Пути организации обвинения и защиты вновь разошлись. Для выполнения функций обвинения при Отделах юстиции должны быть созданы кадры обвинителей. Если Коллегии обвинителей, созданные для революционных трибуналов в мае 1918 г., представляли собою первый шаг к организации государственной прокуратуры и притом сделанный в сфере лишь исключительной юстиции, то эти «кадры обвинителей» при Отделах юстиции представляют собою второй шаг к достижению той же цели, расчитанной как на исключительные суды, так и на общие. [1])

Что же касается организации защиты, то перед с'ездом стояла трудная задача: организация адвокатуры по образцу до октябрьской присяжной адвокатуры—была отвергнута декретом № 1 о суде; идея свободного допущения всех желающих граждан защиты, испытанная на практике, была отвергнута декретом № 2 о суде; создание профессиональных защитников в виде должностных лиц, состоящих на государственной службе, было испытано в течение почти двух лет и осуждено самим же III-м С'ездом. Резолюция III-го С'езда открывает собою третий этап в истории адвокатуры в советском праве и делает совершенно новую попытку: отныне «в качестве защитников привлекаются судебными органами в порядке обязательной трудовой повинности граждане способные исполнять эту обязанность, для чего соответственные исполкомы составляют особые списки (подобно спискам народных заседателей) [2]).

В октябре 1920 г. на почве постановлений III-го С'езда деятелей юстиции было издано новое положение о народном суде, в котором статьи 39—49 посвящены организации обвинения и защиты. Обвинители состоят при Отделах юстиции—так, как это постановлено с'ездом. В качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего исполнительные комитеты составляют специальные списки. При недостатке защитников из числа этих лиц,—в качестве таковых привлекаются консультанты, состоящие при Отделах юстиции. (Собр. Узак. № 83 за 1920 г.). В развитие этого Положения Наркомюстом была издана специальная инструкция об организации обвинения и защиты на суде (Собр. Узак. № 100 за 1920 г.), провозглашающая, что «защита по уголовным делам является общественной повинностью для всех тех граждан, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу подготовлены для исполнения обязанностей защитника на суде».

Практически трудовая повинность ничего не дала для организованного обслуживания защиты, и в подавляющем большинстве случаев обязанности защитников выполнялись консультантами Отдела юстиции, т. е. фактически действовала та же система «должностной адво-

---

[1]) Неправ Н. В. Крыленко, полагая, что с момента возложения обвинения в рев. трибуналах на членов правительственной Коллегии защитников и обвинителей и вплоть до 1922 г. идея прокурорского надзора не находит своего выражения. (Суд и право в СССР ч. I стр. 92). Несомненно, что создание в 1920 г. правительственных обвинителей при Отделах Юстиции одновременно с упразднением коллегий защитников и обвинителей представляет собою хотя и весьма усеченную, но все же попытку построения института прокурорского типа.

[2]) Протоколы III-го Всерос. С'езда деятелей советской юстиции с приложением резолюций С'езда напечатаны в выпуске 11—12 материалов Народного Комиссариата Юстиции—см. стр. 5 и приложения стр. 1—2.

катуры», которая была осуждена III-м С'ездом деятелей юстиции еще летом 1920 г. Можно, поэтому, констатировать, что, если с идейной стороны резолюция III-го С'езда от лета 1920 г. и Положение о народном Суде от октября 1920 г., дают начало новому этапу в истории адвокатуры в советском праве, то фактически имело место продолжение того порядка, который существовал в предшествующий период, характеризующийся идеей организации защиты на основе государственной службы.

Следующий этап открывается 4-м С'ездом деятелей советской юстиции в январе 1922 г., на котором проблема адвокатуры и прокуратуры была поставлена в совершенно развернутом виде. К этому моменту сознание необходимости обеспечить во что бы то ни стало господство революционной законности становилось преобладающим. В своем вводном докладе на этом с'езде Народный Комиссар Юстиции Д. И. Курский поставил ребром вопрос о революционной законности, заявив, во-первых, о необходимости создания твердых материально-правовых норм как необходимой предпосылки революционной законности. «Если мы будем говорить о революционной законности, а законов не будет, то это будет весьма эффектное слово и больше ничего». Во-вторых, Д. И. Курский провозгласил необходимость создания государственной прокуратуры: «ясно, что этот орган будет учрежден, как орган непосредственно проводящий революционную законность, наблюдающий, и контролирующий, и, что еще важнее, как орган концентрирующий в своих руках организацию следствия, наблюдающий за розыском; ибо эта область и раньше принадлежала бесспорно прокуратуре, а в условиях нашего параллелизма, известной расхлябанности, создание такого органа поможет нам взять в свои руки следственные органы и следственное производство».

Что касается адвокатуры, то «до очевидности ясно, что оставаться при системе списков защитников, который мы вели до настоящего времени, сейчас анахронизм» [1]).

III.

1922 год дал развернутое материально-правовое и процессуальное законодательство. В его составе были подробные нормы о прокуратуре и адвокатуре. Все формы организации обвинения и защиты, предшествующие законодательству 1922 года, являются суррогатными по сравнению с прокуратурой и адвокатурой в очертаньях 1922 года.

Описывать в настоящем месте действующую организацию прокуратуры и адвокатуры излишне. Достаточно отметить некоторые основные моменты. Прокуратура организована как иерархически построенный и подчиненный центру аппарат государственного надзора за законностью действий должностных и частных лиц.

Организация прокуратуры вызвала большие споры вокруг себя и при том по двум моментам: 1) взаимоотношения с центральными и местными органами власти и 2) полномочия в области, так называемого, общего надзора.

Спор о прокуратуре продолжался, как известно, весь тот промежуток времени, который отделяет дискуссию о прокуратуре на IV-м С'езде деятелей юстиции от момента издания декрета о прокуратуре [2]).

---

[1]) Стенограммы 4-го Всерос. С'езда Деятелей Советской Юстиции, напечатаны в вып. 16—17 материалов Народного Комиссариата Юстиции,—см. стр. 9 и 13.

[2]) Об этом споре см. у Н. В. Крыленко, Суд и право в СССР ч. I.— (1927 г.) стр. 92 и сл., а также стенограммы 4-го С'езда деятелей юстиции в вып. XVI—XVII материалов НКЮ.

Спор был разрешен письмом Ленина «о двойном подчинении и законности». Письмо это имеет дату 20-е мая 1922 г., напечатано впервые в № 91 Правды от 23-го апреля 1925 г. и затем перепечатано в № 17 Еженедельника Советской Юстиции от 3-го мая 1925 г. Всякий судебный работник, ставящий перед собою действительную задачу обеспечения и проведения в жизнь законности в жизни государства и деятельности государственных органов, должен знать это письмо наизусть. «Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим противником установления законности и культурности».

— «Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей Республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям».—. «Основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность Калужскую в отличие от законности Казанской».—.«Законность не может быть Калужская и Казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации советских республик». Это лучшее, что было написано о необходимости введения государственной прокуратуры для проведения законности и о задачах советской прокуратуры в связи с этим.

В вопросе о подчинении местной прокуратуры прокурорскому центру осуществлен тот взгляд, в защиту которого выступил Ленин. Но в этом письме Ленина есть и еще один замечательный взгляд, который не только не нашел себе до сего времени осуществления, но который не привлек к себе даже достаточного внимания, по крайней мере, в общей и специальной печати.

Дело в том, что в отличие от дореволюционной прокуратуры и в отличие от западно-европейских прокуратур, — прокуратура советская задумана и осуществлена не только, как чисто судебный орган. Прокуратуре принадлежат довольно широкие права по, так называемому, общему надзору, с которым связано право опротестования постановлений органов общей администрации: общеадминистративный надзор[1]).

По действующему законодательству опротестование это должно происходить в инстанционном порядке по лестнице административных инстанций, т.-е. постановление того или иного органа власти должно быть опротестовано, в случае противоречия его законам—выше стоящему административному органу.

Между тем Ленин не так мыслил себе порядок прокурорского надзора за законностью в деятельности органов общей и специальной администрации.

«Надо помнить,—писал он в указанном выше письме,—что, в отличие от всякой административной власти, прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуются. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во

---

1) Настойчиво и убедительно отстаивает Н. В. Крыленко полномочия и самостоятельность прокуратуры по надзору за законностью в административной деятельности государственных органов. („Суд и право в СССР" — ч. I, стр. 98—106). Широту предоставленных прокуратуре полномочий приветствовал и покойный А. Ф. Кони. Приемы и задачи прокуратуры, 1924 г. Предисловие.

всей Республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям. Единственное право и обязанность прокурора—передать дело на решение суда».—.«Я предлагаю ЦК отвергнуть в данном случае «двойное подчинение», установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений, без права приостанавливать таковые, а с исключительным правом передавать дело на решение суда».

Мысль Ленина, таким образом, совершенно ясна: он представлял себе необходимость создания наряду с гражданским судом, рассматривающим гражданские споры, наряду с уголовным судом, решающим вопрос о мерах социальной защиты в отношении лиц, нарушивших уголовный закон,—создание также и административного суда, задачей которого было бы разрешение вопроса о законности или незаконности того или иного постановления различных органов администрации, хотя бы из разрешения этого вопроса не вытекала ни необходимость уголовной репрессии ни удовлетворение гражданского иска, а стоял лишь вопрос об отмене незаконного постановления или распоряжения. Надо сказать, что еще до формулирования этой мысли в письме Ленина, вопрос о желательности создания таких органов административной юстиции, наряду с органами гражданской и уголовной юстиции, был предметом обсуждения на VIII-м С'езде РКП в марте 1919 года [1]).

В последнее время выдвинут проект значительного расширения и углубления полномочий прокуратуры в судебной области. Речь идет о подчинении прокуратуре целиком следственного аппарата и следственной работы, о возложении на прокуратуру самого предания суду обвиняемых с возложением на прокуратуру и всей ответственности за всю предварительную работу, включая стадию предания суду.

Таким образом, прокуратура и по линии судебной и по линии общего административного надзора стоит перед дальнейшим расширением своих прав, полномочий и обязанностей как перед государством, так и перед гражданами.

IV.

В деле организации уголовной защиты наука уголовного процесса выдвинула за последние десятилетия ряд значительных проблем, которые находятся между собой в заметной логической связи: отметим среди них идею необходимой защиты и идею, так называемой, публичной защиты. Обе эти идеи, в различной постановке не чужды советскому праву—в ходе его развития за истекшее десятилетие.

Под случаями необходимой защиты понимаются те случаи, когда слушание дела без участия защитника невозможно. Действующий Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР такие случаи знает. Они предусмотрены в 55 ст. УПК и охватывают дела, по которым участвует обвинитель, а также дела, по которым судятся немые, глухие и вообще лица, лишенные в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления. По ст. 59

---

[1]) (См. Стенографический отчет, стр. 169, 187, 267—268). Вопрос этот был поставлен и С. Б. Членовым в его статьях, напечатанных в «Нар. Хоз» № 8—9 за 1921 г. и в „Смене Вех" № 12 за 1922 г.

УПК в редакции 1922 г. защита была также обязательна и по тем делам, по которым обвиняемый находился под стражей. Это последнее условие обязательного участия защиты существовало также и по Положению о народном суде 1920 г., если обвиняемый, находящийся под стражей, просил о назначении или допущении защитника. В инструкции об организации обвинения и защиты 1920 г. было также рекомендовано обеспечивать защиту обвиняемому незнакомому с местными условиями; как пример инструкция указывала на иностранцев. Было бы желательно, если бы эта известная уже советскому законодательству мысль об обязательности защиты по тем делам, по коим обвиняемый содержится под стражей—была вновь воспринята в действующее законодательство, подобно тому как это сделано в недавно вышедшем Украинском Уголовно-Процессуальном Кодексе (ст. 53; см. Собр. Узак. УССР № 36—38 за 1927 г.). В уточнение пункта 2-го ст. 55 следовало бы указать, что защита в частности всегда обязательна в тех случаях, когда либо на предварительном следствии, либо на суде возбуждался вопрос о вменяемости обвиняемого в момент совершения преступления или в момент суда над ним. Поскольку в этих случаях суду всегда приходится разрешать вопрос о вменяемости, поскольку другими словами, в этом случае вплоть до приговора существует сомнение во вменяемости обвиняемого, постольку целесообразно сделать обязательной защиту такого обвиняемого. Следовательно, защита должна была бы быть необходимой: во-первых, по тем делам, по коим обвиняемый находится под стражей, хотя бы по делу и не было обвинителя; во-вторых, по всем остальным делам, если в деле участвует обвинитель, и, в третьих, по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных, в силу физических или психических недостатков, способности правильно воспринять те или другие явления, а также в тех случаях, когда либо на предварительном, либо на судебном следствии возбуждался вопрос о невменяемости обвиняемого в момент совершения преступления или в момент суда над ним.

По указанному нами пути идет новейший Уголовно-Процессуальный Кодекс Украины, подчеркивая обязательность защиты еще в двух случаях: по тем делам, по коим обвиняемым угрожает в качестве меры социальной защиты расстрел, и по делам о несовершеннолетних (ст. 53).

Постановления изданного в 1927 г. Украинского Уголовно-Процессуального Кодекса по вопросу об обязательной защите могут быть рекомендованы для дальнейшего развития советского процессуального права вообще.

С идеей необходимой защиты связывается в науке уголовного процесса идея, так называемой, публичной защиты («public défense»). С формальной стороны под публичной защитой понимается ничто иное, как создание специальных должностных лиц, состоящих на службе государства или муниципальных органов и призванных обслуживать нуждающихся в судебной защите обвиняемых. Эта идея за последнее время получила заметное распространение в Америке [1]).

[1]) Пропагандистом этой идеи является журнал Чикагского Криминологического Института. Попытку подвести социологическую и антропологическую базу под обсуждаемый вопрос делает Parmelee, The principles of Anthropology and Sociology in Their Relations to Criminal Procedure. 1917. Гл. VIII „Обвинение и защита“ стр. 273 и сл. См. также Hartmann die Strafrechtspflege in America, 1906 стр. 94. Для итальянского права («avvocati dei poveri») см. краткие замечания у Manzini, Trattato di diritto processuale penale 1925 г. т. II стр. 462 примеч. По различным вопросам перестройки адвокатуры интересное исследование выпущено в 1922 г. Feuchtwanger'ом, Die freien Berufe. m blesosderen: Die Anwaltschaft.

В некоторых штатах уже созданы такие «публичные защитники» наряду с публичными обвинителями. В некоторых работах сделана попытка обосновать эту идею на почве новейших антропологических и социологических учений в области криминологии и в конечном итоге эта идея покоится на мысли о том, что в правильно построенной процессуальной системе интересы защиты должны быть не менее близки государственной власти, чем интересы обвинения. И если государство берет на себя задачу организовать и обеспечить обвинение, то оно должно также организовать и обеспечить и защиту. Обязательность защиты признанная и воспринятая государством приводит к идее публичной защиты.

Советское законодательство об адвокатуре и уголовной защите— питало большой интерес к идее публичной защиты, но подходило к ней не со стороны обеспечения подсудимых обязательной защитой, а со стороны проведения принципа национализации адвокатского труда, т. е. огосударствления всех общественно полезных функций и видов труда. Поэтому это отличие от американской, например, постановки вопроса, проявлялось в двух весьма существенных отношениях: в американской постановке—и теоретически и практически – публичная защита мыслится наряду с существованием адвокатуры, организованной на принципах свободной профессии; в советском праве того периода к идее публичной защиты обращались для того, чтобы адвоката, превращенного в государственного служащего, поставить на место адвоката, работающего в качестве лица свободной профессии. Этим различием об'ясняется и второе различие: в американской постановке идея публичной защиты вызвана к жизни, как способ обеспечения необходимой защиты. В советском праве за первое пятилетие идея публичной защиты существовала параллельно с идеей сужения случаев не только необходимой защиты, но и с идеей устранения защиты из процесса в целом ряде случаев.

Во втором пятилетии после 1922 г. идея публичной защиты сколько нибудь заметной роли не играет, ибо обеспечение населения правовой помощью пошло у нас по иному пути: общественному, вместо государственно-должностного.

В истории русской адвокатуры необходимо отметить две прочные исторические заслуги: если одна из них относится к дореволюционному периоду, то другая падает на последнее пятилетие. В дореволюционное время адвокатура, ставившая перед собой задачу общественного служения, имела две любимые идеи. Первой из них была общественная организация защиты политических обвиняемых перед судом. Эта идея нашла себе осуществление в промежутке между двумя революциями. Русские революционные деятели знают настоящее значение этой работы общественной адвокатуры. Другой мечтой дореволюционной адвокатуры была организация широкой правовой помощи населению, создание широкой сети юридических консультаций, которые могли бы обслуживать население. Все попытки к осуществлению в надлежащей полноте этой задачи, были пресечены царским министерством юстиции [1]).

И лишь построение адвокатуры в 1922 г. дало впервые в России возможность раскинуть широкую сеть юридических консультаций, проникающую в самую толщу населения и дающую возможность получить юридический совет там, где ранее его найти нельзя было.

[1]) См. История русской адвокатуры, т. I. И. В. Гессен, адвокатура, общество и государство 1914 г. стр. 452—454; т. III, А. С. Тагер, 1916 г. Надзор за органами сословного самоуправления присяжных поверенных.

Еще в самый начальный период организации адвокатуры автор настоящих строк писал в своих «Заметках об адвокатуре»:

— «Коллективно организуемая правовая помощь населению перестает, таким образом, быть случайностью, предоставленной инициативе отдельных лиц или групп, перестает быть запретным поползновением неугодным власти. Она становится публичной обязанностью адвокатуры, основанной на законе и законом гарантированной. Это обязывает и притом обязывает как адвокатуру, так и государство, обнародовавшее этот закон... Перед адвокатурой в этом отношении большая и нужная задача: раскинуть общественные консультации и по городу и в деревне, сделать их доступными и в губернском центре и на периферии в самой гуще населения. Чем ниже и ближе к населению спускается первая инстанция суда—тем ближе к нему должна стать и правовая помощь... Всякий, кто в адвокатуру идет, должен дать себе совершенно точный отчет в том, какие серьезные обязательства общественного характера он на себя принимает» [1]).

Поставленную перед ней законом и возложенную на себя самой адвокатурой задачу—она выполнила: небывало широкая сеть юридических консультаций раскинута за истекшее пятилетие по всей стране. Консультации эти, как со стороны личного состава, так и со стороны материальной базы их существования, являются целиком и полностью детищем самой адвокатуры. Организовавшись, консультации эти находятся в состоянии беспрерывного роста и совершенствования в деле гарантирования гражданам доброкачественной юридической помощи

V.

За истекшее с 1922 г. пятилетие и прокуратура и адвокатура вросли в жизнь. Вряд ли может быть серьезно вновь поставлен в законодательном порядке вопрос о построении судебной системы без прокуратуры и адвокатуры. Но было бы неправильно считать, что эта мысль является общепризнанной. Наоборот, время от времени слышатся голоса, высказывающиеся за возможность и целесообразность построения суда вовсе без сторон, т. е. без обвинителя и без защитника, без прокурора и без адвоката. В 1918 г. такая точка зрения на страницах журнала НКЮ «Пролетарская Революция и Право» была высказана в статье А. А. Молочкова [2]).

В последнее время та же мысль об устранении от участия в судебном процессе как прокуратуры, так и адвокатуры была высказана А. А. Сольцем на страницах «Нашей Газеты» [3]).

Главным аргументом в соображениях А. А. Сольца является мысль об односторонности анализа и выводов обеих сторон в процессе: и прокуратуры и адвокатуры. По мнению А. А. Сольца, эта односторонность сторон затрудняет работу судьи.

Совершенно бесспорно, что всякая профессиональная работа сопряжена с развитием психологической односторонности. Работы по

---

[1]) А. С. Тагер. Заметки об адвокатуре в журнале „Право и Жизнь", кн. I за 1923 г., стр. 47—48.

[2]) («Пролетарская Революция и «Право», № 7 за 1918 г., стр. 23—39).

[3]) № 226 за октябрь 1927 г. В последующих номерах той же газеты (от 228 по 241) по поводу соображений А. А. Сольца высказались председатель Московской коллегии защитников М. Я. Зорин, зам. пред. верх. суда РСФСР А. В. Галкин, зам. моск. губерн. прокурора Б. Я. Арсеньев, проф. Н. Н. Полянский и автор настоящей статьи. С различной аргументацией все указанные лица высказались совершенно решительно за сохранение прокуратуры и адвокатуры в качестве активных участников судебного процесса.

изучению профессиональной психологии это устанавливают с достаточной ясностью. Поэтому, психологическая односторонность несомненно существует и у работников прокуратуры и у членов адвокатуры. Эту мысль доказывать нечего, ибо она может считаться научно доказанной в своих общих чертах. Но зато совсем не доказана и вряд ли может быть доказана мысль о том, что односторонность сторон затрудняет об'ективность работы судьи. Проблемы судебной психологии за последнее время привлекают к себе все более и более внимания. Одной из необходимейших тем, подлежащих разработке, является тема о профессиональной психологии участников судебного процесса. Попытки, пока еще очень элементарные, в разработке этой темы делаются [1]).

Наука судебной психологии—еще очень молода. Предлагать на основе ее достижений какие-либо практические выводы было бы еще преждевременно. Но то, что уже достигнуто и в общепсихогической литературе, и в литературе по судебной психологии, дает возможность надлежащим образом предвидеть тот научный вывод, который может быть сделан из изучения профессиональной психологии как сторон, так и самого судьи. Можно предвидеть, что признание должна получить мысль о том, что в психологической односторонности сторон в процессе—прокурора и адвоката—лежит гарантия психологической об'ективности и беспристрастия судьи в деле установления фактических обстоятельств дела. И второй вывод, связанный с этим, также виден: устранение сторон из процесса и возложение всех обязанностей и всей ответственности на судью ставит последнего перед риском самому впасть в односторонность либо прокурора, либо защитника.

Построение суда, связанного с таким риском—рекомендовано быть не может.

Научное и в частности экспериментальное исследование проблем судебной психологии составляет одну из составных частей в большом современном движении научного изучения и научной организации труда. Надлежащее изучение судебной психологии даст материал не только для научного изучения судебной деятельности, но и для научной организации самих судебных органов. В эту большую, новую и нужную проблему входит и вопрос о прокуратуре и адвокатуре, как активных участниках судебного процесса.

А. С. Тагер.

Революционные трибуналы.

У революции два лица: одно, обращенное к прошлому, другое—к будущему, и два лозунга: разрушить старое и создать новое. Сначала эти две задачи неизбежно раздельны: строить новое нельзя, не освободив для этого места, не снеся хотя бы части старых устоев. Эта работа по расчистке почвы, по выкорчевыванию корней прошлого сама по себе настолько значительна, что она требует и особой орга-

---

[1]) В виде примера можно указать на работу Altavilla La psicologia giudiziaria, 1925, Cap. VI L'avvocato (стр. 425—466), Cap. VII Il pubblico Ministero, (стр. 467—477), Cap. VIII Il giudice (стр. 478—536).

низации; позднее, когда ее осуществление продвинуто значительно вперед, можно сосредоточить в одних руках работу и по выборке и отбрасыванию негодного материала, и по созданию нового здания и по устроению в нем новой жизни.

Эта «логическая» схема революции приложима и к развитию советской юстиции: сначала—почти стихийно возникающие революционные трибуналы с их задачей борьбы с контрреволюцией, ставившей их в один ряд с организацией армии, и совсем о т д е л ь н о о т н и х —по своему значению на втором месте—первые звенья новой судебной системы, расчитанной на то, чтобы стать одним из краеугольных камней нового строя; с течением времени, по мере того, как ослабевает борьба с уже побежденным прошлым, судебные учреждения, созданные специально для этой борьбы, и новые суды, ставшие органическою принадлежностью нового государственного и социального строя, призванные на весь долгий промежуток переходного времени служить к его укреплению и развитию, сливаются друг с другом.

Соответственно этой схеме развития нашей уголовной юстиции естественно в очерке десятилетней истории нашего судебного законодательства в первую очередь говорить именно о революционнных трибуналах. Как свидетельствует Н. В. Крыленко, «советские организации.... поневоле, если о чем-либо думали вообще в первые годы революции в области судоустройства, то думали о трибуналах, а не об общих судах» [1]).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРИБУНАЛЫ.

Декрет о суде № 1.—Учреждение революционных трибуналов было декретировано 24 ноября 1917 г. (декрет о суде № 1). Согласно последней статье декрета, помеченного названною датою, «для борьбы против контрреволюционных сил, в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и проч. лиц, учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы».

Первая инструкция революционным трибуналам. — Первым актом, который регулировал порядок образования присутствий революционных трибуналов, их подсудность и их деятельность, была «Инструкция революционному трибуналу» от 19 декабря 1917 г. Инструкция эта справедливо характеризуется Н. В. Крыленко в его книге «Судоустройство», как «незакономерный акт». Будучи по существу своему законом и притом законом большого значения, инструкция эта, устанавливавшая организацию отрасли юстиции, бывшей по тому времени важнейшей, была опубликована как акт, исходивший от Народного Комиссара Юстиции (Штейнберга) единолично [2]). Согласно инструкции, состав революционного трибунала образовывали постоянный председатель, два постоянных его заместителя, постоянный

---

[1]) Н. В. Крыленко, Судоустройство РСФСР 1924 г. Книга Крыленко вообще представляет собою незаменимое свидетельство активнейшего участника в работе по устроению нашей судебной системы о мотивах, условиях и направлении следовавших друг за другом первое время весьма часто судебных реформ.

[2]) Инструкция эта, как и ряд других важнейших материалов, относящихся к истории революционных трибуналов, приведены в приложенияк №№ 18-44 в книге Н. В. Крыленко «Судоустройство».

секретарь и также два постоянных его заместителя и сорок заседателей. Все эти лица избирались советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Заседатели привлекались к участию в заседаниях по жребию в количестве шести очередных и одного-двух запасных на каждую сессию. Впоследствии 1-ый С'езд представителей руководящих коллегий революционных трибуналов, собранный в конце октября 1918 г., отнес установленное инструкцией число 40 заседателей и процедуру привлечения их к участию в сессиях посредством жребия на счет увлечения министерства Штейнберга декоративной стороной процесса.

Подсудность революционных трибуналов была определена чрезвычайно широко и притом самыми общими чертами—частью по об'екту преступных посягательств (в первую очередь, «против власти рабоче-крестьянского правительства»), частью, помимо того, по суб'екту (лица, состоящие на государственной или общественной службе) и по способу совершения деяний, («путем использования печати»). Особенно широко была определена группа преступных деяний, отнесенных к ведению революционных трибуналов, по последнему указанному признаку—«путем использования печати»: революционным трибуналам были подсудны все совершенные этим путем «преступления против народа». Позднее дела о «преступлениях и проступках против народа», совершаемых путем использования печати, были отнесены к ведению особых революционных трибуналов печати (декр. 28 января 1918 г.).

В организации производства в революционных трибуналах, по инструкции 19 декабря 1917 г., выделялись следующие черты: предварительное производство по делам, подсудным революционным трибуналам, поручалось коллегиальному органу: следственной комиссии в составе шести лиц; аресты, производимые в качестве меры пресечения способов уклонения от суда, [1]) ставились под контроль коллегии из трех лиц; для заседаний революционных трибуналов устанавливалось начало публичности без всяких исключений; защита и обвинение предоставлялись «всем пользующимся политическими правами гражданам обоего пола»; пересмотр приговоров революционных трибуналов допускался только «в порядке надзора»: в случае нарушения установленных форм судопроизводства, а также обнаружения признаков явной несправедливости приговора, Народный Комиссар Юстиции имел право обратиться к Центральному Исполнительному Комитету Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов с предложением назначить «вторичное и последнее рассмотрение дела».

Первый декрет о революционных трибуналах.—Инструкция 19 дек. 1917 г. не предотвратила необычайной пестроты в организации трибуналов, которая наблюдалась в течение всего 1918 г. и которая была констатирована в резолюциях I-го с'езда представителей трибуналов. Первый шаг к внесению единства в организацию трибуналов сделал декрет Совета Народных Комиссаров от 4 мая 1918 г. Согласно этому декрету революционные трибуналы сохранялись лишь в крупных центрах, а «все иные местные и армейские трибуналы» подлежали упразднению. Другой существенный момент декрета 4-го мая 1918 г. заключался в учреждении при революционных трибуналах особых коллегий обвинителей, на которых воз-

---

[1]) По тексту инструкции, не только аресты, но и все «меры пресечения» Впрочем, текст п. «З» ст. 3-ьей инструкции заставляет сомневаться, что ее составители отдавали себе ясный отчет, что собственно под этим термином разумеется.

лагалось предложение следственной комиссии возбудить обвинение против того или другого лица, дача заключений о подсудности дел, о полноте произведенного следствия, о предании суду, формулировка обвинительных тезисов, публичное обвинение в судебных заседаниях. Другими словами, законом 4 мая 1918 г. был создан институт, из которого потом выросло учреждение прокуратуры.

Учреждение Революционного Трибунала при ВЦИК'е.—Осуществление задача централизации «борьбы против контрреволюционных сил» при помощи трибунальной юстиции было продолжено декретом 29 мая 1918 г., которым «для суждения по важнейшим делам» был создан Революционный Трибунал при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов.

Задача ревтрибуналов.—Оба декрета—4 мая и 29 мая 1918 г., ничего не говорили о размере карательной власти революционных трибуналов. Так как декрет 4 мая 1918 г. был издан «во изменение (не в отмену) и уточнение действующих правил о революционных трибуналах», и так как декрет этот не вносил никакого изменения в об'ем карательной компетенции революционных трибуналов, как она была установлена инструкциею от 19 декабря 1917 г., то можно было полагать, что границы этой компетенции остаются прежние. Тягчайшими наказаниями, которые могли назначать революционные трибуналы по инструкции, были лишения свободы и удаление из пределов Российской Республики. Первое же место в перечне наказаний, который давала ст. 2-ая инструкции революционному трибуналу, занимал штраф, (т.е. наказание, которое в условиях катастрофического обесценения денег и при широкой практике реквизиций ценностей, едва ли само по себе могло иметь серьезное значение), а центральное место было отведено об'явлению общественного порицания и об'явлению врагом народа. Такая система наказаний делает довольно правдоподобным утверждение П. И. Стучка, что на ревтрибуналы первоначально возлагалась роль «более обличительная, чем сурово-карательная» [1]).

Меры, назначавшиеся революционными трибуналами в первое время их деятельности, действительно были таковы, что не могли дать никакого представления о том размахе, который позднее получила репрессия революционных трибуналов. [2])

П. И. Стучка, первый комиссар юстиции—коммунист, сменивший на этом посту социалиста-революционера И. З. Штейнберга, встал на иную точку зрения в отношении понимания задачи революционных трибуналов и связанной с этим пониманием их карательной компетенции. [3]) 16 июня 1918 г. было за его подписью опубликовано постано-

---

[1]) П. И. Стучка. Старый и новый Суд в мат. НКЮ, вып. II 1918 г. стр. 14.

[2]) В № 46-47 Еж. Сов. Юст. за 1922 г. в статье Обозревателя «Очерк первых дней советской юстиции» приведено несколько примеров таких приговоров революционных трибуналов, которые уже немного времени спустя стали абсолютно невозможны: товарищ министра в составе временного правительства Панина за отказ, ввиду непризнания советского правительства, сдать должность и казенные средства народному комиссару была приговорена к содержанию под стражей до уплаты задержанной ею суммы; адвокат, обратившийся с приветственной речью к ген. Болдыреву после его осуждения в револ. трибунале и затем нанесший оскорбление прервавшему его председателю трибунала, был приговорен к аресту на один месяц; участники контр-революционной организации офицеров (в Симферополе) были приговорены общественному порицанию и т. д..

[3]) Кажется, вначале П. И. Стучка не совсем был чужд взгляда на трибунальную юстицию, как на «метод» «срывания масок» с «героев об'единенной контрреволюции». См. его статьи в «Правде» 3-5 января 1918 г., воспроизведенные в «Матер. НКЮ» выпуск II, 1918 г., стр. II.

вление Народного Комиссара Юстиции об отмене всех ранее изданных циркуляров о революционных трибуналах и о том, что впредь «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч. не связаны никакими ограничениями». С этих пор расстрел, как высшая мера наказания, вошел в практику революционных трибуналов.

Точка зрения на задачу революционных трибуналов, сделавшая обычным применение высшей меры наказания, нашла себе энергичное выражение в резолюции, принятой 1-м Всероссийским С'ездом ответственных работников революционных трибуналов 30 октября 1918 г.. Здесь задача революционных трибуналов определяется, как «суровая и беспощадная расправа, чинимая рабочим классом и крестьянской беднотой над бесчисленными окружающими их врагами революции», и как «нанесение быстрых и суровых ударов врагам революции».

Всем сказанным выше достаточно уже определяются две тенденции в нормировании устройства и деятельности революционных трибуналов; это, с одной стороны,—об'единение трибунальной юстиции; с другой—утверждение революционных трибуналов в роли органов суровой расправы с деятелями контрреволюции. Эти две тенденции легко проследить и в дальнейшем.

Кассационный Отдел при ВЦИК.—Если закон 4-го мая 1918 г. имел своею целью об'единение организации революционных трибуналов, то закон 11 июня 1918 г. был направлен на об'единение их деятельности. Названным законом при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете был учрежден особый кассационный отдел для рассмотрения кассационных жалоб и протестов на приговоры революционных трибуналов. Приговоры подлежали отмене Кассационным Отделом «в случае нарушения революционными трибуналами при рассмотрении дела правил о подсудности или вынесения явно несправедливого приговора». Уже 6-го октября 1918 г. Кассационным Отделом ВЦИК, по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции, был издан циркуляр, коим предлагались президиумам революционных трибуналов «для неуклонного исполнения» ряд правил о составе и подсудности революционных трибуналов, о деятельности состоявших при революционных трибуналах следственных комиссий и обвинительных коллегий, о протоколах судебных заседаний и порядке вынесения приговоров. Уточняя подсудность революционных трибуналов, циркуляр вместе с тем дал определения составов тех преступлений, которые подсудны революционным трибуналам. Несмотря на чрезвычайную широту этих определений, с точки зрения юридической техники весьма несовершенных, они заслуживают быть отмеченными, как первый с начала революции опыт установления норм материального уголовного права, хотя бы в ограниченной области преступлений, подсудных революционным трибуналам. Это было тем более необходимо, что закон 4 мая 1918 г. относил к ведению революционных трубуналов такие мало определенные по своему содержанию преступления, как саботаж, спекуляция и хулиганство.

Ревтрибуналы и чрезвычайные комиссии.—Другая тенденция в развитии революционных трибуналов—к утверждению и самоутверждению в качестве органов расправы с врагами революции—должна была неизбежно привести революционные трибуналы к некоторой коллизии с чрезвычайными следственными комиссиями, которые, возникнув с самого начала октябрьской революции, получили чрезвычайно широкое распространение и были, как характеризует их

Н. В. Крыленко, «страшны беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было глаза» [1]). Так как революционные трибуналы с течением времени с своей стороны получили значение органов беспощадной борьбы с контрреволюцией, то естественно должен был возникнуть вопрос о размежевании их компетенции и компетенции чрезвычайных следственных комиссий. Первым шагом к такому размежеванию была резолюция I-го Всероссийского С'езда ответственных работников революционных трибуналов. «Не отрицая крупных заслуг чрезвычайных комиссий», превратившихся «силою вещей не только в орган следственный, но и в орган суда», резолюция указывала «на чрезвычайную и недопустимую, в силу важности возложенных на Ч. К. функций, спутанность, господствующую среди деятелей Ч. К., о границах их полномочий». Поэтому, резолюция признавала крайне необходимым «немедленное, в законодательном порядке, проведение точного положения о правах и полномочиях Ч. К.». Действия чрезвычайных комиссий, по мнению С'езда, должны были быть приравнены к действиям нормальных следственных комиссий. Это пожелание С'езда работников трибуналов нашло себе осуществление в постановлении 17-го февраля 1919 г., но с такими из'ятиями, которые не много оставляли на долю общего положения, провозглашенного в ст. I-ой постановления: «право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам». В отступление от этого общего положения, за чрезвычайными комиссиями сохранилось право непосредственной расправы с виновниками контрреволюционных, бандитских и т. п. вооруженных выступлений, а при военном положении (которое в то время имело широкое применение) с виновниками всех вообще преступлений, указанных в самом постановлении о введении военного положения; право же заключения в концентрационный лагерь предоставлялось чрезвычайным комиссиям без всяких ограничений.

Преобразование и об'единение революционных трибуналов. Хотя декрет 17 февраля 1919 г. и носил наименование «О всероссийской чрезвычайной комиссии», но в действительности им были подвергнуты гораздо более значительному преобразованию революционные трибуналы, чем всероссийская и местные чрезвычайные комиссии.

Вместо председателя и шести заседателей, как это было по декрету о суде № 1, революционные трибуналы впредь должны были состоять из трех членов, избираемых на месячный срок губернскими исполнительными комитетами. Для трибунала была установлена обязанность слушания дела не позже, чем через 48 часов после окончания следствия; допущение обвинения и защиты было поставлено в зависимость от усмотрения трибунала. Декрет 17 февраля установил только «начала» реорганизации революционных трибуналов (ст. 4). Из него сама собою вытекала необходимость в новом законе, который развивал бы эти начала. Таким законом явилось Положение о революционных трибуналах, опубликованное 12 апреля 1919 г., Н. В. Крыленко называет его «первым органическим законом о революционных трибуналах республики». В Положении 12 апреля 1919 г. в первую очередь закреплялось «неограниченное право трибуналов в определении мер репрессии», чем революционные трибуналы укреплялись в значении органов, достаточно вооруженных для борьбы «с контрреволюционными и всякими другими деяниями, идущими против завое-

[1]) «Судоустройство РСФСР», 1921 г., стр. 97

ваний Октябрьской революции». Вслед за этим непосредственно закон говорил: «Оспаривание подсудности по делам, принятым в Революционном Трибунале, не допускается». Острие этого положения было, очевидно, направлено не только против подсудимых, которые захотели бы оспаривать подсудность того или другого дела революционному трибуналу, но и против возможных притязаний чрезвычайных комиссий. Положение 12 апреля 1919 г. сохранило начала установленные постановлением 17 февраля 1919 г. о Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, за исключением, однако, требования, чтобы суд назначался не позже, чем через 48 часов после окончания следствия—требования, которое должно было уподобить трибунальную юстицию военно-полевой. 48-часовой срок получил в Положении другое значение: согласно ст. 15 Положения, дело должно было доставляться в трибунал не позже 48 часов по окончании следственного производства и представлении его обвиняемому. Ускоряя производство по делам, подсудным ревтрибуналам, эта статья вместе с тем устанавливала весьма существенное, ранее неизвестное, право обвиняемого: на ознакомление со следственным производством и на возбуждение ходатайств и жалоб по поводу произведенного следствия.

Несмотря на определенно проявлявшуюся в законодательстве тенденцию к об'единению революционных трибуналов, ей—этой тенденции — приходилось сталкиваться со стремлением к учреждению особых ведомственных революционных трибуналов и иных чрезвычайных судилищ. Борясь с раздробленностью чрезвычайной юстиции, Положение о революционных трибуналах, опубл. 12 апреля 1919 г., делая исключение для военно-революционных трибуналов, постановляло: «Все революционные трибуналы, военно-полевые суды, железнодорожные трибуналы и иные чрезвычайные учреждения судебного характера, учрежденные в ином порядке или действующие с нарушением правил, изложенных в настоящем Положении, с опубликованием настоящего Положения упраздняются».

По тому же пути пошли и Положение о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г. и декрет от 23 июня 1921 г., завершивший цикл развития трибунальной юстиции.

Если Положение 12 апреля 1919 г. упразднило, за исключением военных трибуналов, все другие особые (в отличие от трибуналов, устройство и деятельность которых нормировались Положением) чрезвычайные суды, то Положение от 18 марта 1920 г., давая «основной закон о революционных трибуналах Республики, требовало согласования с ним Положений о трибуналах военных, военно-железнодорожных, штаба войск внутренней охраны и «трибуналов, кои могут быть впредь организованы».

Основной закон о революционных трибуналах. «Основной закон» о революционных трибуналах заслуживает более подробного рассмотрения: позднее, когда возник вопрос о сближении и даже слиянии двух отраслей юстиции, — общей и чрезвычайной, — законодателю приходилось отправляться, в отношении оценки особенностей чрезвычайной юстиции, от опыта ее именно в том виде, в каком она была организована по закону 18 марта 1920 г.

Трибуналы, по закону 18 марта 1920 года, учреждались в каждой губернии по одному на губернию. Они, по ст. 6 Положения, состояли из председателя и двух членов, избиравшихся местными советами и губернскими исполнительными комитетами на 3 месяца.— Следственные комиссии при трибуналах уступили свое место следователям—докладчикам, на которых, однако, законом была возложена

(по общему правилу) только подготовка докладов и составление заключений по делам, поступающим из чрезвычайных комиссий и других органов, коим принадлежало право направления дел в трибуналы; на этих органах (в первую очередь на чрезвычайных комиссиях) и лежало предварительное расследование дел. В отношении определения подсудности революционных трибуналов Положение 1920 года (в отличие от Положения 12 апреля 1919 г.) пошло по пути, намеченному в свое время (опубл. 6 октября 1918 году) *) циркуляром Кассационного Отдела ВЦИК, а именно вместо широкой формы, которая была дана в положении 1919 г. («дела о контр-революционных и всяких других деяниях, идущих против всех завоеваний октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти»), новое Положение в ст. 2-й дало перечень деяний, подсудных революционным трибуналам, ограничив компетенцию революционных трибуналов в отношении определения подсудности им дел правом принятия или непринятия к своему производству «дел, направляемых к ним чрезвычайными комиссиями, особыми отделами и комиссиями по борьбе с дезертирством». Поступающие в трибунал дела подлежат первоначальному рассмотрению в распорядительном заседании трибунала, от которого зависело дальнейшее направление дела; в этом же заседании, если трибунал постановлял о назначении дел к слушанию, он решал вопросы о вызове на заседание свидетелей и экспертов и о допущении защиты и обвинения, при чем, по ст. 14, «при разрешении вопроса о вызове к рассмотрению дела допрошенных ранее свидетелей и экспертов и допущении обвинения и защиты революционный трибунал сообразуется исключительно со степенью ясности дела, доказанности преступления и необходимости личного опроса свидетелей для проверки данных ими на предварительном следствии показаний и устранения имеющейся в них неполноты или противоречивости». В случае допущения трибуналом по какому-либо делу обвинителя трибунал был обязан допустить или назначить защитника. Трибунал был в праве прекратить допрос свидетеля и не допрашивать остальных свидетелей, если признает дело и обстоятельства, для проверки которых свидетели вызывались, достаточно выясненными. Равным образом трибунал был в праве не допускать прений сторон.

Как известно, право суда допускать или не допускать обвинение и защиту, право не вызывать ранее допрошенных свидетелей, показания которых не возбуждают сомнения в достоверности, право прекратить в любой момент допрос свидетелей, признав, что «показаниями допрошенных свидетелей установлены те обстоятельства, для установления которых свидетель вызывался», и, наконец, право суда не допускать прений сторон, хотя и допущенных к участию в судебном заседании, составили затем те особенности производства в губернском суде, которые дали ему возможность «сжимать рамки процесса», как выражается один из комментаторов действующего Уголовно-Процессуального Кодекса *).

Чрезвычайно важную часть Положения о ревтрибуналах 1920 г. составляет раздел о кассационном трубунале, учрежденном «для установления единообразия в деятельности всех революционных трибуналов, надзора за таковой деятельностью, разрешения процессуаль-

*) См. выше.

*) М. С. Строгович и Д. А. Карпицкий, Уголовно-Процессуальный Кодекс, 1926 года, стр. 367.

ных и иных вопросов, как равно рассмотрения кассационных жалоб и протестов». Кассационный трибунал образовывался из председателя его, избиравшегося ВЦИК'ом из состава Коллегии Комиссариата Юстиции, двух членов—председателя Верховного Трибунала и председателя Революционно-Военного Трибунала Республики и члена—докладчика, назначаемого ВЦИК'ом. Кассационный Трибунал, по Положению,—кассационная инстанция для рассмотрения жалоб и протестов на приговоры всех трибуналов, кроме Верховного Трибунала при ВЦИК и приговоров военных трибуналов и трибуналов, приравненных к ним, и орган надзора за деятельностью всех вообще трибуналов, кроме Верховного. Отменяя приговор, Кассационный Трибунал передавал дело для нового рассмотрения в первую инстанцию; в случае же признания меры репрессии явно несоответствующею деянию осужденного от Кассационного Трибунала зависело изменить (с последующим утверждением ВЦИК) меры репрессии без вторичного направления дела к слушанию. Кассационный Трибунал мог, следовательно, как уменьшить, так и увеличить наказание (ст. 35) начало, которое было уже принято и Положением, опубликованным 12 апреля 1919 года (ст. 36).

Особый раздел «Положения» был посвящен Верховному Революционному Трибуналу, который сохранялся для рассмотрения дел, передаваемых на его рассмотрение по определению Президиума ВЦИК'а, Народного Комиссариата Юстиции и Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. К Верховному Революционному Трибуналу «полностью» переходили функции Особого Трибунала при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. В этом нельзя было не видеть окончательного признания за трибунальной юстицией достаточно сильного аппарата для борьбы с преступлениями, угрожающими прочности советской власти или подрывающими ее работу.

Последний шаг к об'единению революционных трибуналов.— Дело об'единения трибунальной юстиции было завершено декретом ВЦИК'а 23 июня 1921 г. Закон этот так и назывался «декретом об об'единении всех революционных трибуналов республики». Согласно декрету, подлежали упразднению все революционные военно-железнодорожные трибуналы, за исключением одного на каждую железную дорогу и водный район, и все военные трибуналы, существование коих, в связи с прекращением военных действий, не вызывалось уже необходимостью.

Как выше было указано, Кассационный Трибунал, по Положению 1920 г., был органом надзора для всех местных революционных трибуналов, но значение кассационной инстанции он имел только для тех революционных трибуналов, которые действовали на основании того же Положения, кроме Верховного Трибунала. По декрету 23 июня 1921 г., «в качестве единого кассационного органа и органа ближайшего надзора для всех действующих на территории РСФСР трибуналов», а «также судебного учреждения для дел особой важности» устанавливался состоявший при ВЦИК единый Верховный Трибунал.

Как при издании других актов о революционных трибуналах, так и в этом случае перед законодателем встал вопрос о взаимоотношении деятельности революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий. Последняя статья декрета ограничила компетенцию чрезвычайных комиссий правом присуждения к лишению свободы до 2 лет и притом только «в отношении лиц, уличенных в принадлежности к антисоветским политическим партиям или к явно белогвардейским элементам».

Однако, в местностях, об'явленных на военном положении, за чрезвычайными комиссиями было сохранено право по применению всех мер наказания вплоть до расстрела, по делам о шпионаже, о бандитских преступлениях и об участии в открытом вооруженном восстании.

Организованная на началах установленных Положением от 18 марта 1920 г. и декретом от 23 июня 1921 г. трибунальная юстиция просуществовала до 2 января 1923 г., когда было введено в действие Положение о судоустройстве, принятое на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г.

Революционные трибуналы во Франции и у нас.—Когда-то Виктор Гюго писал в «Les Miserables»: „с 1792 г. все революции в Европе повторяют французскую революцию". Не может быть сомнения в том, что отзвуки Великой французской революции не раз можно было различить в шуме и громе первых лет, последовавших за октябрьским переворотом у нас, тем не менее замечание Виктора Гюго в применении к нашей революции, конечно, уже неверно,—конечно, уже представляется архаизмом. В частности, то и другое подтверждается на примере истории революционных трибуналов.

Организация революционных трибуналов у нас была в известной зависимости от примера Великой французской революции. Влияние этой последней сказалось уже в самом наименовании судов, учрежденных для борьбы с деяниями, угрожающими завоеваниям октябрьского переворота, революционными трибуналами [1]). Мы имеем прямое свидетельство о том, что пример Великой французской революции был в виду у деятелей нашей революции на первых шагах их работы по организации чрезвычайной юстиции: Народный Комиссар Юстиции Д. И. Курский, вспоминая «о первых усилиях московского комиссариата по судебному ведомству», рассказывает, что первоначальный проект организации революционного трибунала «был набросан тов. Покровским, который тогда непосредственно работал в Московском Совете и, как историк, был хорошо знаком с организацией трибуналов Великой французской революции» [2]). Действительно, при сопоставлении нашего законодательства о революционных трибуналах с законодательством Великой французской революции [3]) можно усмотреть ряд черт внешнего сходства. Так, первоначально революционный трибунал у нас учреждался в составе постоянных судей и засёдателей так же, как из постоянных судей и заседателей состоял парижский трибунал по декрету 10 марта 1793 г.; самое число заседателей, установленное инструкциею Народного Комиссара Штейнберга—40—было средним между теми числами, которые были установлены декретами 22 прериаля II г. (10 июня 1794 г.) и 8 нивоза III г. (28 дек. 1794 г.), а именно 50 и 30. Что касается процессуальных норм, то можно сопоставлять не только такие основные начала, как требование публичности рассмотрения дел или признание приговоров революционных трибуналов окончательными (ст. 13 Франц. зак. 10 марта и ст. 11 инструкции Народного Комиссара Штейнберга), но и не без успеха проводить параллель между отдельными частными процессуальными постановлениями французского и нашего законодательства о революционных трибуналах: так, несомненно, что меры, принятые советским

---

[1]) В самой Франции парижский чрезвычайный трибунал, учрежденный законом 10-го марта 1793 г., впервые стал официально называться революционным трибуналом только с 8-го брюмера II года -(22 октября 1793 г.). *А. Боровой*, история личной свободы во Франции. М. 1910 г., т. I. ч. 2-ая, стр. 103.

[2]) Еженед. Сов. Юстиции, 1922 г. № 44—45, стр. 5.

[3]) См. L. Cahenet R. Guyot, L'Oeuvre législative de la Révolution.

законодательством к ускорению производства в революционных трибуналах напоминают в известной степени меры, принимавшиеся для той же цели французским законодательством; стоит вспомнить при этом сопоставлении декрет, изданный во время затянувшегося процесса жирондистов, коим после трех дней судебного следствия председателю суда предоставлялось право обратиться к присяжным с вопросом, достаточно ли дело выяснено для их совести, после чего, в случае их утвердительного ответа, судебное следствие немедленно прекращалось [1]), и затем статью 13-ую знаменитого закона 22 прериаля II года (10 июня 1794 г.), которая гласила: «Если существуют какие бы то ни было—материальные, или моральные—доказательства независимо от доказательства посредством свидетелей, то свидетели не выслушиваются вовсе, если только эта формальность не окажется необходимой для раскрытия соучастников или по другим высшим соображениям общественного характера».

Однако, как бы ни многочисленны были черты сходства между революционными трибуналами во Франции и в РСФСР, это сходство, как можно с уверенностью сказать, знакомясь с условиями издания того или другого акта, было гораздо в большей мере результатом сходства исторической обстановки, чем прямого заимствования. Но так как самое сходство исторической обстановки Великой французской революции и Великой русской революции представляется лишь весьма относительным, то тем параллелям, которые могут быть проведены между французскими и нашими трибуналами, противостоят черты, резко различающие их, обусловливаемые различием между демократической буржуазной революцией во Франции и нашей Октябрьской революцией, протекавшей под знаком классовой борьбы и утверждения социализма. Различие задач двух революций и движущих их социальных сил естественно положило свой отпечаток на определение задач и самое устройство революционных трибуналов.

Демократические лозунги французской революции воспроизводились и в перечне тех преступлений, для борьбы с которыми были созданы революционные трибуналы; в этот перечень входили «посягательство на свободу и равенство» и «на восстановление власти, которая, могла бы посягнуть на свободу и равенство» [2]). Законодательство, которое сопутствовало Октябрьской революции, провозгласившей диктатуру пролетариата и принципиально отрицающей равенство всех граждан, конечно, должно было дать иное определение задачи революционных трибуналов; они, по ст. 1-й декрета о суде № 1, учреждались «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц».

Принципы демократии, составлявшие идеологию Великой французской революции, требовали в области правосудия организации суда с присяжными заседателями, как суда, в котором общество, противополагаемое правительству, само судит своих членов, и в котором (в принципе) принимают участие представители всех слоев общества; революционный трибунал во Франции и был организован с самого на-

---

[1]) Н. И. Идельсон. Революционные трибуналы во Франции в журн. Гр и Уг. Права, 1913 г. № 3, стр. 57.

[2]) Ст. 1 закона 10 марта 1793 г., ст. 1 закона 8 нивоза III года (28 декабря 1794 г.).

чала, как суд с присяжными заседателями, по закону 10 марта 1793 г., и как о суде с присяжными заседателями о нем говорило и последующее законодательство. Диктатура пролетариата, установленная Октябрьской революцией, по самому существу своему не могла допустить ни начала противоположения в осуществлении какой-либо отрасли власти «элементов» правительственного и общественного (правительство само—орган властвующей части общества), ни того, чтобы к осуществлению судебной власти были допущены представители всех слоев общества. Поэтому, хотя декрет о суде № 1 и говорил о заседателях в революционных трибуналах, но, по инструкции революционному трибуналу, это не были присяжные заседатели, так как, во-первых, они составляли одну коллегию с постоянным председателем, и, во-вторых, избирались советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. е. организацией классовой диктатуры. Декрет от 17 февраля 1919 г. и вовсе отказался, как было выше отмечено, от разделения состава в революционных трибуналах на судей и заседателей.

Выше намеченные две тенденции в развитии советского законодательства о революционных трибуналах соответствовали таким же тенденциям французского революционного законодательства; мы видели в отношении нашего законодательства, что это были тенденции к усилению репрессивного значения трибуналов и к уничтожению пестроты в организации трибуналов; это те же два направления, которые легко проследить и в истории революционных трибуналов во Франции. Известно, что репрессивная деятельность верховного трибунала во Франции, действовавшего на основании закона 10 марта 1793 г., вызывала нарекания со стороны секций и клубов за ее «модерантизм» (умеренность), как впоследствии такие же нарекания вызвали первые приговоры революционных трибуналов у нас; «физиономия трибунала» в Париже, говорит его историк, [1]) резко изменилась после закона 17 вентоза II г., который, установив число присяжных в 11 человек, ввел требование большинства голосов для оправдания; террор при посредстве революционных трибуналов достиг своего апогея после закона 22 прериаля (10 июня 1794 г.).

С другой стороны, так же, как и у нас, расправа с врагами революцин во Франции осуществлялась не только революционными трибуналами: насчитывалось до 144 комиссий, которые под именем «военных», «народных», «революционных» направляли революционное правосудие [2]). Центральная власть боролась с этим разнообразием чрезвычайной юстиции, а закон 19 флореаля II г. (18 мая 1794 г.) постановил: «трибуналы и революционные комиссии, учреждаемые в некоторых департаментах распоряжениями представителей народа, упраздняются; в будущем ни один трибунал не может быть учрежден иначе, как декретами национального конвента».

Закончили свое существование революционные трибуналы у нас иначе, чем во Франции. С наступлением реакции революционный трибунал во Франции стал неуместен; с завершением революции и революционный трибунал должен был прекратить свое существование. История парижского революционного трибунала заканчивается процессом его бывшего прокурора Фукье; его финалом был, ликвидировавший его, декрет 31 мая 1795 г.; что касается комиссий «революционных», «военных», «народных», то они постепенно сами отмирали [3]).

---

[1]) Ch. Berriat Saint Prix. La justice revolutionnaire, Paris. 1861, p. 51.
[2]) Ch. Berriat назв. соч., стр. 1.
[3]) А. Боровой, назв. соч., ч. II, стр. 155.

Напротив, наши революционные трибуналы прекратили свое существование вместе с вступлением революции во вторую фазу ее развития—в период разгара революционного строительства; при этом фактически прекращение существования революционных трибуналов было не их упразднением, а их преобразованием. Они были «влиты» в ту «единую систему» судебных учреждений, которая были введена Положением о судостройстве от 31 октября 1922 г. За губернскими судами, которые пришли на смену революционным трибуналам, усвоив от них все существенные черты, предполагалось, как известно, сохранить и прежнее название трибуналов; замена этого названия названием «губернских судов» не имела иного значения, кроме редакционного [1]).

«История повторяется» и «история никогда не повторяется»—оба положения верны и оба оправдываются на истории революционных трибуналов в Советском Союзе.

Н. Полянский.

Советское законодательство о судоустройстве в его основных моментах (общие судебные учреждения) [2].

Законодательные акты о судоустройстве (внешняя история советского судоустройственного права).—Первый декрет о суде, упразднивший общие суды и преобразовавший местные, посвятил организации этих судов и производству в них дел всего три статьи, оставив широкий простор для местного правотворчества в области определения форм юрисдикции. Это правотворчество и нашло себе выражение в различных «решениях», «правилах» и «инструкциях» местных организаций [3]).

Это кустарное погубернское или даже поуездное устроение местного правосудия находилось в соответствии с тем лозунгом, которым выражалась самая сущность новой государственной организации России: «вся власть в центре и на местах принадлежит советам», при чем этою формулою признавалась полная самостоятельность за местными советами, не подчиненными центру, но лишь направляемыми исходящими от него директивами. «О подчинении центру не было речи. Несмотря на принцип пролетарской диктатуры, получилась самая широкая децентрализация» [4]). Однако, как известно, уже Инструкция о правах и обязанностях Советов, распубликованная 24 декабря 1917 года, подвергла лозунг «вся власть в центре и на местах принадлежит советам» ограничительному толкованию. В этой инструкции указывалось, что, хотя советы и вполне самостоятельны в вопросах местного характера, но всегда действуют с о о б р а з н о декретам и по-

---

[1]) См. стеногр. отчет дневн. зас. ЦИК'а 31 дек. 1922 г. (перепечатано в качестве приложения к Пол. о судоустройстве 1923 г. в изд. НКЮ).

[2]) Настоящая статья воспроизводит в сокращенном виде, но и с необходимыми дополнениями очерк того же автора под тем же заглавием, напеч. в «Праве и Жизнь», 1923 г. кн. 2. Выражение «общие судебные учреждения» в заглавии статьи употреблено в отличие от особых суд. учреждений.

[3]) См. материалы Н. К. Юстиции: «Народный суд», вып. II. М. 1918 г.

[4]) См. статью С. К. „Взаимоотношения центральных и местных органов" в Материале Народн. Ком. Юст. Вып. 10, ст. 3.

становлениям центральной власти. Конституция же Советской республики, утвержденная V Всероссийским С'ездом Советов 10 июля 1918 г., установила уже прямо иерархическую подчиненность местных советов центральной власти, возложив в ст. 61 на областные, губернские, уездные и волостные органы советской власти «проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов советской власти».

Эта «тяга к единству», [1]) проявившаяся в общем государственном строительстве, нашла себе отражение и в сфере судебной и притом в тех же самых формах: сначала в не вполне решительной форме инструкции, а затем уже в форме законоположения. Уже первый Всероссийский С'езд областных и губернских комиссаров юстиции сознал необходимость внести единообразие в организацию и формы деятельности судебных учреждений. «Одну правовую задачу, говорил на этом С'езде в своем докладе проф. Рейснер, мы можем выделить, как бесспорно принадлежащую центральной власти: это—задачу однообразной организации того аппарата, который с наибольшим техническим совершенством мог бы выразить правовые убеждения масс» [2]). Под этим аппаратом докладчик разумел именно судебный аппарат.

Дважды занимавший пост комиссара юстиции П. Стучка формулировал тот принцип, от которого он отправлялся в своей деятельности, как «принцип демократического централизма» [3]). Чтобы устранить пестроту судоустройства и судопроизводства, П. Стучка издал 23 июля 1918 г. общую инструкцию об организации и действии местных народных судов (Собрание узакон. и распор. рабоч. и крест. правит. № 63, ст. 597).

Наконец, декрет о народном суде от 30 ноября 1918 г., опубликованный под именем «Положения» в № 85 «Собр. Узак. и Распоряж. рабочего и крестьянского правительства» от 6 декабря 1918 г. и впоследствии изданный в новой редакции в Собр. Узак. 1920 г. № 83, представлял собою уже краткий кодекс, определяющий (в 98-ми, впоследствии в 97-ми статьях) организацию и деятельность судебных учреждений «в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (ст. 1).

Декрет широко использовал инструкцию комиссара юстиции от 23 июля 1918 г. Об этом использовании свидетельствует как сопоставление декрета с инструкцией, так и прямое указание комиссара юстиции Д. И. Курского [4]).

В то время уже не было никакого сомнения в обязательности декретного законодательства для мест.

21 октября 1920 г. Положение о народном суде получило, как уже упомянуто, новую редакцию, без увеличения числа статей его (97) [5]). Идея централизации власти нашла в себе дальнейшее выражение в росте кодификационной работы. На III с'езде деятелей юстиции эта связь между тенденцией к централизации власти и созданием все более и более развитых кодексов была выражена одним из участников его таким образом: «Центр должен быть тем местом, откуда расходятся все руководящие предложения и т. д., иначе нет государства.

---

[1]) А. Молочков, «Путь к власти», в журнале «Пролетарская революция и право» № 8—9—10.

[2]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. I, М. 1918 г. стр. 53.

[3]) Отчет народного комиссара юстиции, в жур. «Пролетарская революция и право» № 1, стр. 35.

[4]) Д. Курский „О едином народном суде", в журнале „Пролетарская революция и право" 1918 г. № 1, стр. 19.

[5]) В Положении 1918 г. было 98 статей.

Иначе это не государство, а кочевая орда. Тут надо иметь в центре нити; поэтому безусловно должно давать указания, а это и есть не больше и не меньше как кодекс» [1]).

1922 г. приносит целый ряд более или менее обстоятельно разработанных кодексов. Завершением кодификационной работы в 1922 г. и было «Положение о судоустройстве РСФСР», принятое на IV сессии IX созыва 31 октября 1922 г. и вступившее в силу 1 января 1923 г. Это была, как констатировал в своей речи перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом докладчик по проекту о советском судоустройстве Н. В. Крыленко, третья по счету судебная реформа за первые пять лет существования советской республики: первая реформа, которую правильнее было бы назвать революциею в деле правосудия, была осуществлена декретами о суде №№ 1 и 2 от 2 ноября 1917 г. и от 12 января 1918 г., которые, вместо дореволюционных судебных учреждений ввели, новые (декреты о революционных трибуналах в то время не считались судебною реформою, ибо самим революционным трибуналам не придавалось значения судебных учреждений); вторая реформа — та, которая была осуществлена декретом от 30 ноября 1918 г. о Народном Суде РСФСР.

Следующий важный этап в развитии советского законодательства о судоустройстве – «Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик от 29 октября 1924 г.,—этап, лежащий все на том же пути установления и обеспечения единообразия в построении судебной системы в Советском Союзе. «Положение о судоустройстве РСФСР» завершило пятилетний, а «Основы судоустройства СССР» семилетний цикл развития судебных учреждений. Действующие в настоящее время в союзных республиках положения о судоустройстве все согласованы с «Основами» и немногим отличаются от Положения о судоустройстве РСФСР. Последнею ввела у себя свое Положение о судоустройстве, хотя также лишь немногим отличающееся от Положения о судоустройстве РСФСР—Узбекская ССР (ПОС УЗССР, принятое постановлением V сессии ЦИК УЗССР от 29 сентября 1926 г.).

Что касается законодательства об устройстве суда в РСФСР, то Положение о судоустройстве 1922 г. было подвергнуто пересмотру в 1924 г. (Постановление 2-й сесссии ВЦИК XI созыва о дополнениях и изменениях Положения о судоустройстве РСФСР от 16 октября 1924 г.) и в 1926 г., когда была издана новая редакция Положения о судоустройстве (на основании Постановления ВЦИК от 19-го ноября 1926 г.) В дальнейшем изложении мы отметим главнейшие моменты в самом содержании нашего законодательства о судоустройстве в их историческом развитии.

Единство судебной системы.—Первый декрет о суде, хотя и упразднял общие судебные установления, но с тем, чтобы создать новые «на основании демократических выборов» (ст. 1). Наметив организацию местных судов и определив их подсудность, декрет прибавлял: «о судоустройстве по общим судебным делам будет издан особый декрет» Хотя декрет оставлял открытыми вопросы и о том, каково будет судопроизводство в общих судах, и как они будут организованы, но, как бы то ни было, в принципе им сохранялась установленная Судебными Уставами двойственная система судебных учреждений: местных и общих. Однако, уже в то время при издании декрета о суде № 1,—как мы узнаем из первоначального проекта декрета, напечатанного в «материалах Народного Комиссариата Юсти-

[1]) Материалы Нар. Ком. Юст. Вып. 11—12 1921 г., стр. 80.

ции» [1]), была выдвинута противоположная, в конце-концов восторжествовавшая, система единого суда. Названный проект предполагал, упразднив как мировые, так и общие суды, заменить их одними местными рабочими и крестьянскими революционными судами (ст. 6 проекта). Верх одержала тогда точка зрения сторонников сохранения деления юстиции на местную и общую [2]).

Второй декрет о суде, изданный уже при новом комиссаре юстиции (социалисте революционере Штейнберге) определенно различал две системы судебных учреждений: местных и окружных народных судов с самостоятельными кассационными инстанциями. Местный суд, по декрету 24 ноября 1917 г., состоял из одного постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Хотя пределы участия народных заседателей в рассмотрении и решении судебных дел не определены в декрете, однако, не подлежит сомнению, что они, наравне с местным судьею, должны были разрешать все вопросы, возникавшие в деле, и что положение судьи должно было отличаться лишь тем, что на его долю выпадало руководство заседанием. Так именно взаимоотношение судьи и заседателей определяется в журнале общих собраний местных народных судей города Москвы, выписка из которого (без обозначения даты) помещена в издании Московского Губ. Комис. Юстиции «Новый Народный суд» (М. 1918) [3]). Окружный народный суд, по декрету № 2, должен был разбирать гражданские дела в составе председательствующего, двух постоянных членов окружного суда и 4-х народных заседателей, а уголовные—«в составе двенадцати очередных заседателей и двух запасных, под председательством одного из постоянных членов суда» (ст. 3), при чем при постановлении решений роль председательствующего ограничивалась дачею заключения о мере наказания и участием в совещании народных заседателей с правом совещательного голоса.

Когда позднее во главе судебного ведомства был вновь поставлен П. Стучка, был издан третий декрет, сделавший подсудность уголовных дел местным народным судам общим правилом, а народным окружным судам—исключением. Декрет этот был охарактеризован самим комиссаром юстиции, как шаг к постепенному поглощению системы общих судебных учреждений системою местных судов, которые, таким образом, и должны были получить первенствующее значение.

Взгляд, что система двух судов, местного и окружного, могла быть удержана лишь, как временная, был усвоен и преемником Стучки на посту комиссара юстиции Д. И. Курским. [4]) По его мнению, из двух отличий окружного суда от местного, установленных декретом № 2, а именно большое число заседателей (12 вместо двух) по уголовным делам, не устанавливало между этими типами судов принципиальной грани, так как и при системе единого местного суда возможно увеличение числа заседателей по более сложным делам, а дру-

---

[1]) Вып. 11, 1918 г., 103—104.

[2]) Эта точка зрения, как сообщает комиссар юстиции Курский, отстаивалась главным образом, левыми социалистами-революционерами. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. 1918 г., вып. 1, стр. 58.

[3]) См. раз'яснение П. Стучки: „Народный Судья председательствует в Народном Суде, но голоса его и заседателей равносильны по всем вопросам". П. Стучка «Народный Суд в вопросах и ответах». М. 1918, стр. 8.

[4]) См. доклад Д. И. Курского, „Основы революционного суда", представленный Всероссийскому с'езду Губернских и Областных Комиссаров Юстиции, в материалах Нар. Ком. Юст. вып. 1, 1918 г., стр. 58—59.

гое—три (а не один) постоянных судей в коллегии окружного суда по гражданским делам—излишне и может быть устранено, так как на деле обыкновенно активную роль играет лишь член докладчик. Можно было бы указать еще и третий признак, устанавливавший коренное различие между местным и окружным судом, поскольку они действовали в качестве судов уголовных, а именно: в то время, как местный суд соответствовал типу шеффенского суда, с присущим ему равноправием постоянного судьи и судей-заседателей в решении подлежащих рассмотрению суда вопросов, Окружной Народный Суд строился по типу суда с присяжными заседателями, с правом присяжных заседателей самостоятельно решать вопросы не только о виновности, но и о наказании. т.-е. с той чрезвычайно расширенной компетенцией, которую в свое время (в 1900 г.) предполагал наделить присяжных заседателей во Франции проект Лагасса [1]).

Наконец, последний шаг к сведению двухчленной системы судебных учреждений к системе одного местного народного суда был сделан декретом 30 ноября 1918 г. Согласно ст. 1-ой этого декрета «в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики учреждается единый Народный суд в составе: 1) одного постоянного народного судьи; 2) двух или шести очередных судей—народных заседателей». В зависимости от рода дел, подлежащих его рассмотрению, производству или наблюдению, народный суд действует в составе или 1) одного постоянного народного судьи, или 2) постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей, или 3) постоянного судьи и шести очередных народных заседателей (ст. 5).

Каковы были мотивы введения, вместо двойственной системы общих и местных судебных учреждений, единого суда? О них мы узнаем, за отсутствием об'яснительной записки к декрету 30 ноября 1918 г. или за неопубликованием ее, из беседы с народным комиссаром юстиции Курским, напечатанной в «Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» от 26 сентября 1918 года. Как было указано Д. И. Курским, замена двух типов судов системою одного суда, соответствующего типу местного народного суда, была продиктована следующими соображениями: во-первых, местные суды наиболее близки населению и по своему составу и территориально, во-вторых, эти суды наиболее приспособлены для разбора уголовных дел, которые составляют подавляющую массу всех вообще дел, поступающих на рассмотрение суда, тогда как круг гражданских дел, по мере проведения в жизнь коммунистического строя, суживается.

Идея единого суда сама по себе вовсе не новая идея, и, конечно, круг аргументов в ее пользу легко мог бы быть расширен заимствованием их из знаменитого трактата «О судопроизводстве», принадлежащего перу первоначального автора этой идеи Бентама. Ему принадлежит много раз цитированное восклицание: «Как были бы счастливы тяжущиеся, если бы существовал только один суд, если бы можно было сказать: «суд», как говорят «дворец», «церковь», [2]) т. е. если бы тяжущимся не приходилось решать сложного и трудного вопроса о подведомственности дел. Особенно подкупающим кажется указание Бентама на искуственность и несправедливость установления

---

[1]) См. об этом проекте подробно у А. Рабинович «Участие присяжных заседателей в назначении наказания», в Журн. Мин. Юст., март 1916 г.

[2]) См. „ О судопроизводстве", соч. Бентама, изд. А. Книрима. СПБ, 1860 года стр. 15.

подсудности гражданских дел в зависимости от цены иска, при чем большие гарантии правосудия устанавливаются для дел по искам на более крупные суммы, которые принимаются за более важные дела. «Определять важность дела», рассуждал автор, «его номинальною ценою значит впадать в большую ошибку. Важность какой-нибудь суммы денег в отношении известного лица пропорциональна сумме его доходов. Если я имею 2000 р. годового дохода, а кто нибудь другой—200000 р., то, очевидно, что рубль для меня имеет такую же ценность, как тысяча для него. Что я говорю. Он, может быть, даже не почувствует уменьшения дохода, тогда как для меня это может быть гибельно: отнимите у меня половину дохода, и я буду ввергнут в крайнюю нищету» [1]).

Новый суд был свободен от упрека, что для дел по малоценным искам, по которым тяжущимися обыкновенно являются лица более бедные, он устанавливал меньше процессуальных гарантий, чем для дел по крупным искам, пред'являемым состоятельными лицами к лицам также состоятельным; декрет 30 ноября 1918 г. установил для всех гражданских дел, независимо от цены иска, подсудность Народному суду в составе постоянного народного судьи и двух очередных народных заседателей (ст. 8 декрета).

Разумеется, это единообразие подсудности гражданских исков стало возможным лишь благодаря отмеченному комиссаром юстиции в той же беседе значительному сокращению гражданских дел, обусловленному обращением в общественную собственность недвижимого и частью движимого имущества и национализациею большей части промышленности и торговли. Что касается единства суда по уголовным делам, то оно достигнуто ценою отказа от суда с присяжными заседателями.

Необходимо оговорить, что в действительности и в декрете 30 ноября 1918 г. законодателю не удалось осуществить в полной мере системы единого суда: поставив число заседателей в зависимость от рода подлежащих рассмотрению дел, и постановив, что в судебном присутствии с участием двух заседателей всегда председательствует постоянный народный судья, а в судебном присутствии с участием шести заседателей может председательствовать и один из заседателей (ст. 10), декрет тем самым расчленил народный суд на два типа судебных учреждений с неодинаковым численным составом и с факультативно различной организациею президиума.

Несоответствие наименования суда «единым» той организации, которая была установлена в действительности, стало в особенности наглядным тогда, когда изменилась точка зрения на революционные трибуналы. Первоначально им не придавалось значения судебных учреждений. «Мы—писал в газете «Правда» после переворота 25 октября (8 ноября) первый комиссар юстиции П. Стучка—мы, создавая особый революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими преступниками, но является особою организацией борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний» [2]). При таком взгляде на революционные трибуналы существование их рядом с народным судом не мешало утверждать, что у нас существует «единый»

---

[1]) Назв. соч. стр. 17.

[2]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции—Народный Суд, вып. II. М. 1918 г., стр. 11.

суд. С течением времени взгляд этот был признан «теоретическим недоразумением» [1]).

«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», имеющие под собою подпись того же П. Стучки (Собр. Узак., 1919 г., № 66, ст. 590), относят уже революционные трибуналы, наряду с народными судами, к органам советского правосудия.—На третьем с'езде деятелей юстиции Крыленко отчетливо формулировал: «Трибунал есть судебное место» [2]). Отсюда уже с логической последовательностью вытекала необходимость: или признать, что у нас не одна, а две судебных системы, и значит отказаться от принципа единого суда, или ввести трибуналы в общую систему судебных учреждений. Тот же Крыленко, в качестве содокладчика по вопросу о судоустройстве на четвертом с'езде деятелей юстиции, наметил второй из двух указанных путей. Неожиданно, как он сам предупредил, для работников трибуналов, докладчик предложил положить конец «сепаратному, построенному децентрализованно, построенному параллельно с общими судебными местами» трибунальному производству [3]). Предложение это произвело впечатление «неожидано взорвавшейся мины, [4]) эффектного фугаса» [5]); оно было квалифицировано, как «музыка будущего» [6]). Оно вызвало очень энергичные возражения и не нашло себе прямого отражения в резолюциях с'езда о судоустройстве. Прошло немного времени, и то же предложение Крыленко, уже как докладчика на IV сессии ВЦИК по «проекту советского судоустройства», не вызвало никаких принципиальных возражений.

В результате были установлены следующие основные учреждения судебной системы: «народный суд в составе постоянного народного судьи, народный суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей, губернский суд, Верховный Суд РСФСР» (ст. 1-ая Полож. о судоустройстве 1922 г.). Этот перечень судебных учреждений, однако не дает представления о новой судебной системе, так как губернский суд—этот, как охарактеризовал его докладчик, «крепкий кулак—судебный центр» [7]) и Верховный Суд состоят каждый из различных коллегий с различными функциями; так, в составе губернского суда в сущности 6 учреждений: пленум губернского суда, судебное и кассационное отделения уголовного отдела, судебное и кассационное отделения гражданского отдела, дисциплинарная коллегия. Оставляя в стороне последнюю коллегию, мы находили в губернском суде суды гражданский и уголовный первой и кассационной инстанции и суд, действующий в порядке надзора. Точно так же судом и первой и кассационной инстанции и судом, отменяющим рещения в порядке надзора, является Верховный Суд РСФСР. Если присоединить к этому предусмотренные в ст 2-й в последней главе «Положения о судоустройстве РСФСР 1922 г.» специальные судебные учреждения для рассмотрения дел особых категорий (военные трибуналы, военно-транспортные трибуналы, трудовые сессии народных судов, земельные комиссии, арбитражные комиссии), то не трудно видеть, что единство народного суда и новою судеб-

---

[1]) Эстрин. Единая судебная система и марксистская теория права, в Ежен. Сов. Юст., № 29-30 от 10-17 авг. 1922 года.
[2]) Мат. Нар. Ком. Юстиции. Вып. XI-XII 1921 г. стр. 83.
[3]) Мат. Нар Ком. Юст. Вып. XVI-XVII 1922 г. стр. 38.
[4]) Там же стр. 59
[5]) Из речи Лисицына там же стр. 47.
[6]) Там же стр. 57.
[7]) IV Сесия ВЦИК. М. 1922 г. стр. 25.

ною реформою не было осуществлено. Общественная ценность единого суда, если бы таковой удалось осуществить, заключалась бы в его простоте, увеличивающей его общедоступность; единство судебной системы и сложность ее—трудно друг с другом согласуемые понятия, а между тем и сам докладчик по «проекту советского судоустройства» признал, что в действительности вновь вводившаяся система сложнее доныне существовавшей. «Пришлось пожертвовать», говорил он, «простотой для достижения других целей». Преимущество новой системы докладчик видел в том, что ею обеспечивается «централизация судебной политики».

Таким образом, основная тенденция в самом содержании судебного законодательства совпадает с уже отмеченною нами тенденциею в порядке урегулирования судебной организации.

Наряду с судебными учреждениями отдельных республик, на основании статей 43—48 конституции Союза ССР, декретом ЦИК Союза ССР от 23 ноября 1923 г. был создан Верховный Суд Союза ССР в качестве органа «общего надзора по наблюдению за законностью», судебного надзора, а также для осуществления судебных функций по важнейшим, указанным в Положении о Верховном Суде СССР, делам.

«Основы судоустройства Союза ССР союзных республик» сделали обязательной для всего советского союза ту же систему судебных учреждений, которая была установлена Положением о судоустр. РСФСР 1922 г. Наряду с судебными учреждениями отдельных республик «Основы судоустройства» закрепляют существование Верх. Суда СССР.

1924 г. внес некоторую новую тенденцию в развитие судебной системы, несколько нарушив ее единообразие; эта новая тенденция была следствием нового районирования территории РСФСР. Для вновь образованных краевых об'единений были изданы положения о судоустройстве Уральской области, Сев.-Кавказск. Края, затем Сибирского Края. Для этих краевых об'единений, наряду с окружными судами, соответствующими губернским судам, были созданы особые краевые (областные) суды. Впоследствии в виду того, что число краевых (областных) об'единений продолжало множиться, в Положение о судоустройстве РСФСР (1926 г.) была внесена особая глава: «О судоустройстве в краевых (областных) административно-территориальных об'единениях». Согласно постановлениям, содержащимся в этой главе, в краевых об'единениях функции губернских судов распределяются между краевым судом и окружными судами, при чем первый является судебно-административным центром края и судом первой инстанции для особо-важных дел (ст. 108), а вторые—судами первой инстанции по остальным делам из числа круга дел, по общему правилу, относимых к ведению губернских судов, и кассационной инстанцией по делам, рассматриваемым в первой инстанции народными судами (ст. 130). Путь, на который встала советская власть, организуя краевые суды, Я. Бранденбурский в Еж. Сов. Юст (1924 г. № 43) характеризует, как путь «централизации административно-судебных функций общего управления и инструктирования судебно следственных учреждений и децентрализации чисто судебных функций».

Отступление от полного единообразия судебной системы устанавливается и разделом VII «Положения о судоустройстве РСФСР» 1926 г., коим определяется судоустройство автономных республик: в последних, вместо губернских судов, учреждаются главные суды с тем существенным отличием от губернских судов, что они не являются органами «непосредственного управления» судебными учреждениями

(ср. п. «а» ст. 154 с п. «а» ст. 38), которое сосредоточивается в руках наркомюста автономной республики: не главному суду, а наркомюсту принадлежит руководство, организация, инструктирование и ревизия судебно-следственных учреждений соответствующей республики (в том числе и главного суда; см. ст. 149).

От порядка демократических выборов к началу классового представительства.—Декрет о суде № 1 мотивировал упразднение мирового суда тем, что мировые судьи избирались «непрямыми выборами». «Впредь» местные судьи должны были избираться «на основании прямых демократических выборов» (ст. 2). Таков был первоначальный принцип. Ему, однако, суждено было остаться только декларацией; немного времени спустя идея демократии была вытеснена идеалом советского строя [1]). Эта эволюция воззрений отразилась и на судебном законодательстве. Уже декрет о суде № 1 установил до назначения «прямых демократических выборов» временное избрание местных судей районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими советами раб., солд. и кр. депутатов. Бросается в глаза, что при таком порядке избрания местных судей, приведенная мотивировка упразднения мировых судей («заменяя мировых судей избираемых доныне непрямыми выборами») становилось излишней или, напротив, недостаточной, так как для заменивших мировых судей местных народных судей были установлены также непрямые вы оры. На советы раб., солд. и кр. депутатов декрет возложил—притом без оговорки, что это делается лишь временно,—и составление списков очередных заседателей и определение очереди их явки на сессии.

Скоро точка зрения власти, создавшей первый декрет о суде, на то, какой порядок избрания судей представляется лучшим, изменилась: лучшим был признан не порядок «прямых демократических выборов», а порядок избрания советами, временно установленный декретом о суде № 1. О такой перемене свидетельствует уже декрет о суде № 2, который определяя устройство окружных народных судов, постановлял, в виде уже не временного, а постоянного правила, что члены окружных судов «избираются по округам местными советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов».

По декрету от 30 ноября 1918 г. постоянные народные судьи избирались в городах общими собраниями советов рабочих и крестьянских депутатов, а в уездах, включая города, не имеющие городских советов, исполнительными комитетами уездных с'ездов рабочих и крестьянских депутатов (ст. 13).

Конечно, такой порядок избрания судей больше чем избрание их на основании прямых демократических выборов, согласовался с общим отрицательным отношением сов. власти к принципам демократии и с тенденциею «слить» суд народный с единой советской властью [2]).

«Классовую структуру»—по выражению Крыленко—народный суд сохранил и в «Положении о судоустройстве» 1922 г. и 1926 г. Эта «классовая структура» ставится названным автором в соответствие с назначением суда, которое в ст. I определяется, как «ограждение за-

---

[1]) Hans Kelsen в статье «Sozialismus und Staat» в Archiv f. die Geschichte des Sozialismus», 1920, 9 Jahrg. внимательно прослеживает, как «логика фактов—но не теория марксизма—принудила диктатуру пролетариата к решительному отклонению демократии».

[2]) Основные тезисы доклада М. А. Рейснера на первом Всероссийском С'езде Комиссаров Юстиции, в «Материалах Народн. Ком. Юст.» вып. I, ст. 50.

воеваний пролетарской революции, обеспечение интересов государства, прав трудящихся и их об'единений» [1]).

Этим — раз'ясняет Крыленко — утверждается, что в первую голову и прежде всего — при остальных равных условиях — «охрана прав трудящихся, а не кого-либо иного является основной задачей, которую преследуют наши суды».

В чем же проявляется классовая структура народного суда по «Положению о судоустройстве РСФСР», целиком усвоенная и «Положением о Судоустройстве» 1926 г.? Прежде всего так же, как и по «Положению о народном суде», в порядке комплектования народных судей. Народными судьями могут быть и теперь только лица, имеющие право избирать и быть избранными в советы. Этим, — отмечается в докладе по проекту о судоустройстве, — «отметается всякий нетрудовой элемент» [2]). Далее, в особенности, классовый характер реформируемого суда выражается в порядке составления списков народных заседателей. Ст. 15 «Положения о судоустройстве 1922 г.» исключила из состава народных заседателей всех лиц, не имеюших права избирать и быть избираемыми в местные советы, т. е., прибавлял в качестве докладчика Крыленко, «всех представителей буржуазных нетрудовых слоев». «В противоположность старому буржуазному государству — подчеркивалось далее им — и в попрание принципа буржуазного демократизма о праве всякого гражданина быть судебным заседателем судебная система РСФСР прежде всего исключает всякого, принадлежащего к нетрудовому элементу, и этого мало: в самой среде трудящихся также проводит тот же самый принцип отбора согласно и в соответствии со всей структурой пролетарской диктатуры и руководящей ролью руководящего класса России». И в самом деле: «первоначальный отбор» или точнее, выборы кандидатов в народные заседатели производятся фабрично-заводскими комитетами, воинскими частями, волисполкомами; составленные списки народных заседателей через народного судью препровождаются для «утверждения» в уездную «комиссию по разверстке», состоящую из члена местного уездного исполкома, местного помощника губернского прокурора и одного из на одных судей уезда, при чем комиссия с своей стороны исключает лиц, «не удовлетворяющих требованиям, пред'являемым нарзаседателям». «Комиссия по разверстве» производит разверстку из расчета: 50%, заседателей из рабочей среды, 35% из селений и волостей и 15 проц. из воинских частей. «Другими словами, комментировал Крыленко, при решении вопроса, как в области имущественных споров, так и в области охраны публичных прав и интересов Республики голос рабочих должен быть представлен больше и лучше и сильнее, чем голос остальных слоев населения».

Еще более выпукло, по словам того же автора, принцип, согласно которому «основным рычагом» построения суда следует считать рабочий класс и его организации, проводится в нормах, определяющих устройство второй инстанции: народные заседатели для участия в судебных заседаниях губернского суда призываются по особому списку из граждан, имеющих не менее двухгодичного стажа работы в государственных, общественных или профессиональных организациях. Таким путем «гарантируется определенная выдержанность политической линии» [3]).

---

[1]) Крыленко, Реформа судоустройства, в «Еж. Сов. Юст.», 1922 г. № 37—38.
[2]) IV Сессия ВЦИК. Бюл. М. 1922 г., стр. 24.
[3]) IV сессия ВЦИК IX созыва. Бюл. М. 1922 г. № 1, стр. 27.

Положение о судоустройстве 1926 года, как бы подчеркивая, что «выдержанность политической линии (т. е. последовательно проводимое начало классовой диктатуры пролетариата) им ценится выше овладения техникой применения права, расширяет круг лиц, которые могут быть народными судьями: в то время, как по Положению 1922 г. работа в государственных учреждениях только тогда давала право быть избранным в народные судьи, если это была практическая работа в органах советской юстиции в течение трех лет,—по Положению 1926 г., то же право дает политическая работа в течение двух лет в любом государственном учреждении (приравниваемая к политической работе в рабоче-крестьянских, общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях).

От совершенного отрицания судейской независимости к установлению некоторых гарантий ее.—Краеугольным камнем организации судебной власти процессуальною наукою до сих пор почиталось начало отделения судебной власти от законодательной и административной. Декретное советское законодательство решительно отказалось от этого начала. «Всякая пролетарская революция, писал бывший комиссар юстиции Стучка в статье «Пролетарская революция и суд», начинает с того, что она на деле разбивает словесную теорию Монтескье о разделении властей». А проф. Рейснер, в качестве первого и основного тезиса своего доклада, представленного Всероссийскому С'езду Комиссаров Юстиции, выставил утверждение: «Буржуазное государство представляет собою вынужденный компромисс угнетателей и угнетенных, вообще стремится к уравновешению и распределению властей: таково разделение представительства и правительства, государства и общества и, наконец, различных властей. Российская Социалистическая республика не имеет никакого интереса в особом разделении и уравновешении политических сил и, следовательно, не нуждается и в разделении властей». По воззрению проф. Рейснера, начало разделения властей служит для того, чтобы создать иллюзию умеренности классового господства буржуазии в то время, как на деле оно остается беспощадным; кроме того, «выделение судебной власти в самостоятельный политический корпус представляет еще и другие выгоды, так как подчиняет судебному контролю администрацию в интересах самой буржуазии [1]).

На ту же точку зрения встало советское законодательство, усвоившее начало об'единения органов суда и органов управления, причем первоначально первые были поставлены в решительную зависимость от вторых. Жизнь скоро выявила — и это теперь никем не оспаривается — неблагоприятные для юстиции результаты, вытекающие из последовательного проведени такой зависимости. Деятели юстиции, призванные организовать правосудие на новых началах, скоро почувствовали всю тягость их зависимого положения. На Саратовском Общегубернском С'езде деятелей юстиции, открывшемся 19 августа 1918 г., уже раздались жалобы на то, что »административные органы как будто являются контролем над судом», между тем как суд должен быть полноправным, «ответственным органом», и указывалось на необходимость «отстаивать судебный авторитет». [2]).

---

[1]) На страницах журнала «Пролетарская революция и право» (1919 г. № 1), рассматривая теорию разделения властей под заголовком „Стоптанные башмаки", А. Молочков доказывал ее непригодность: 1) тем, что она „оказывается бесполезной для исследования структуры власти" по конституции РСФСР и 2) тем, что с точки зрения „Положения о народном суде", „былое противопоставлеиие судебной власти властям законодательной и исполнительной потеряло всякое основание".

[2]) Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. У, 1918, стр. 6.

Постепенно начали раздаваться влиятельные голоса в пользу обеспечения известной независимости суда. Чтобы независимость имела для судьи значение категорического императива, судье должен быть обеспечен авторитет, обеспечивающий от произвольного вмешательства администрации.

Посмотрим, как эта мысль, в начале революции решительно отвергнутая, постепенно получает признание.

Первоначально и официальная юридическая литература и законодательство были озабочены одним: в противоположность требованию дореволюционной доктрины твердо установить начало сменяемости судей [1]); о том, что нужны гарантии, против неосновательного устранения судей, не говорилось.

«Нам нужен, говорил на первом с'езде комиссаров юстиции проф. Рейснер, суд народный, выборный, с м е н я е м ы й, который был бы слит с единой советской властью в общности ее цели и революционной борьбы» [2]).

Тоже требование сменяемости судей в очень категорической форме было выражено на страницах журнала «Пролетарская революция и право»: «Пролетариат—писалось здесь (в ноябре 1918 года),—облекая своих представителей исключительной полнотой власти, какой еще не знала история, отказался бы по существу от своей диктатуры, если бы допустил хотя бы в одном пункте, хотя бы для одной отрасли государственного управления несменяемость того или другого своего представителя», и дальше еще более решительно «Диктатура пролетариата может признать только интересы своего класса в целом. Отзыв всякого должностного лица в любой момент — это не только норма пролетарской диктатуры — это неразрывная составная часть самого понятия диктатуры рабочего класса» [3]).

Начало отозвания судей было впервые прямо выражено во 2-м декрете о суде, в его первой части «об окружных народных судах», но было явно лишь последовательным распространить его и на местных судей. Инструкция Комиссара Юстиции об организации и действии местных народных судов и сделала этот вывод, постановив в примечании к ст. 5: «Постоянные судьи могут быть отозваны Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов, их избравшими, в любое время». А из отчета Народного комиссара юстиции, напечатанного в 1 № журнала «Пролетарская революция и право» видно, что комиссариат юстиции приписывал себе право т р е б о в а т ь от местных советов увольнения судей, признаваемых им «недостойными и бездеятельными», при чем это право мотивировалось уже выше названным «принципом демократического централизма».

Декрет 20 ноября 1918 г. закрепил начало отозвания судей примечанием к статье 13, гласящим: «Постоянные Народные Судьи могут быть отозваны в любое время Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов или Исполнительными Комитетами С'ездов Советов, их избравшими».

Равным образом, по тому-же декрету «председатель и члены следственной комиссии могут быть отозваны во всякое время, как со-

---

[1]) Говоря о несменяемости и сменяемости, все время надо помнить, что сторонники несменяемости не отожествляют последней с безответственностью, а лишь требуют правовых гарантий (приговор уголовного или дисциплинарного суда. свободного от административного воздействия) против устранения судей по усмотрению.

[2]) См. основные тезисы доклада М. А. Рейснера на всероссийском С'езде Комиссаров Юстиции в „Материалах Народного Ком. Юст ", вып. 1, стр. 50.

[3]) № 7, стр. 18—19.

ветами, их избравшими, так и соответствующими высшими органами советской власти» (ст. 30). Не было сделано исключений и для судей, составляющих президиум кассационных судов—советов народных судей, и они отзывались губернскими и городскими исполнительными комитетами, как по их инициативе, так и по представлению с'ездов и и собраний Народных Судей (ст. 84).

Положение о народном суде ред. 1920 г уже переносит окончательное решение вопроса об отзыве судей, по общему правилу, в губернский центр, очевидно, видя в этом гарантию против произвола местных властей: отозвание судьи избравшим судью советом или уездным исполнительным комитетом должно было быть подробно мотивировано и подлежало утверждению Губернского Исполнительного Комитета, при чем требовалось предварительное заключение отделов юстиции.

Однако этих гарантий оказалось далеко недостаточно. Практика отзыва судей привела, как свидетельствует о том Крыленко, в статье «Реформа судоустройства» [1]), к «фактической абсолютной зависимости судов от мест»—к такому положению судей, которое автор считает одним из «основных дефектов» судебной системы до нового закона о судоустройстве.

Тот же автор с еще большей решительностью осудил создавшееся положение в докладе на IV сессии Всероссийского С'езда деятелей советской юстиции, где уже им прямо было выставлено требование несменяемости постоянных судей, понимаемой им в смысле определенного порядка увольнения судей (хотя и не в смысле допустимости их увольнения лишь по суду). Приведем соответствующее место доклада целиком [2]): «Заседателей в районе дает исполком, а председательствующего дает совнарсуд. Так вот благоволите же председателей не отзывать. Благоволите ими не швыряться. Мне скажут, это буржуазный предрассудок—несменяемость судей [3]). Я не боюсь этого слова. Я должен сказать, что в той системе, которую я предлагаю, несменяемость проводится от А до Я, проводится последовательно и неуклонно. Я утверждаю, что при буржуазном строе не было несменяемости. Это был вздор, потому, что буржуазия всегда удаляла нежелательных судей. Мы открыто это делаем, ибо наш суд есть классовый суд. В определенном порядке мы—господствующий класс—сменяем судей, но в определенном порядке. В этой форме гарантия того, что эта несменяемость принесет плюс, а не будет проявлением самодурства отдельных исполкомов». Заметим, что отдельные голоса в пользу судейской независимости раздавались уже и раньше в советской печати [4]). Первый шаг к некоторому обеспечению судебной независимости был сделан в области военного законодательства Положением о полковых судах (Собр. Узак. 1919 г. № 31—32).

---

[1]) Еженед. Сов Юстиции 1922 г. № 27—38, стр. 3.

[2]) Матер. Нар. Ком. Юст. вып, XVI—XVII, М. 1921 г., стр. 39.

[3]) Вспомним, что на 3 с'езде деятелей юстиции докладчик по проекту уголовного кодекса Козловский говорил: «Забудьте иллюзии о независимостй судей. Это буржуазный вздор». Мат Нар. Ком. Юст. М. 1921 г., стр. 80.

[4]) Так, в № 174 «Известий Народного Комиссариата по Военным Делам» (6 августа 1920 г.) автор статьи «О постановке судебной экспертизы в военно судебных учреждениях» говорил о «стремлении военной власти перейти к несменяемости, а тем замым и к независимости, что должно сказаться на твердости и справедливости судебных приговоров». В первом же № «Ежен Сов. Юст.» за 922 г. И. Славин писал: «тактическая линия пролетариата лежит на пути установления прочных гарантий личности.. Эта задача может быть разрешена... укреплением самостоятельности суда, отделением судебных функций от административных» (стр, 7).

По ст. 23 этого Положения, председатель и судьи полкового суда могли быть устранены от своих должностей лишь в случае возбуждения против них дел по обвинению их в совершении тех или иных преступных деяний.

«Положение о судоустройстве» различает два вида увольнения судей: «отзыв» и «смещение с должности» (ст. 16), при чем в отзыве «нет элементов кары, наказания, опорочения», в «смещении же от должности имеет место порочащий элемент» [1]). В первом случае,—т. е. когда судья устраняется по мотивам, как надо думать, политического свойства, для отзыва по прежнему требуется постановление губернского Исполнительного Комитета, но ст. 16 «Положения о судоустройстве» ставит это постановление в зависимость от предложения Народного Комиссара Юстиции или под контроль его: когда отзыв народного судьи имеет место по собственной инициативе Губисполкома, то последний обязан одновременно сообщить подробные мотивы отзыва Народному Комиссару Юстиции. Таким образом, в целях ослабления местных влияний к вопросу об отзыве судьи всегда привлекается центральная власть. Закон оставляет открытым вопрос, как следует поступить в случае расхождения мнений Губисполкома и Комиссара Юстиции.

В отношении членов губернского суда закон определеннее: их «отзыв» по ст. 41, односторонним постановлением Губисполкома, без санкции Народного Комиссара Юстиции, совершенно не допускается.

В отличе от отзыва, «смещение с должности» судей обставлено гораздо большими гарантиями. Оно возможно лишь по приговору суда или дисциплинарной коллегии Губернского или Верховного Суда.

Что касается председателя и членов Верховного Суда, то они не могут быть ни отозваны, ни отстранены от должности иначе, как постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (стр. 178), т.-е. органа, наделенного не только высшей правительственной, но и законодательной властью.

От множественности кассационных инстанций, при отсутствии органа, об'единяющего их практику, к созданию высшего кассационного суда. Вторую—именно кассационную инстанцию—местного народного суда, по декрету от 24 ноября 1927 г., должен был составить уездный, а в столицах—столичный с'езд местных судей, позднее переименованный в совет местных судей (ст. 5 декр. о суде № 3). В качестве второй инстанции, в которую подаются жалобы на окружные народные суды, декрет о суде № 2 установил областные народные суды.

Как с'езд местных народных судей, по декрету о суде № 1, так и областные суды, по декрету о суде № 2, состояли только из постоянных судей и не включали в себя народных заседателей. Такое построение кассационной инстанции находилось в видимом противоречии с не раз выражавшимся признанием верховенства «народного права» [2]), ибо, если назначение народных заседателей в первой инстанции заключалось в том, чтобы подобно шеффенам древне-германского права или нашим «судным мужам» «правды стеречь», «legem (в данном случае—народное право) dicere», то они должны были входить, как в первую, так и во вторую инстанцию—безразлично, будет ли последняя аппеляционная или кассационная, ибо ясно, что при признании верховен-

---

[1]) IV сессия ВЦИК, Бюл. М. 1922 г. № 1, стр. 25.

[2]) «Источник всякой власти у нас внизу в народных массах, и менее всего мы можем стеснять или тормозить развитие в судах народного права». См. „Материалы", вып. 1, стр. 52.

ства «народного права» и кассационная инстанция должна давать гарантии его знания и надлежащего понимания. Однако, Положение о Народном Суде 30 ноября 1918 г. не ввело народных заседателей в состав советов народных судей, заменивших с'езды местных судей и областные народные суды.

Вслед за «Временною Инструкциею по организации и действию народных судов Московского Совета местных народных судей» (ст. 19), и декрет 30 ноября 1918 года также предусматривает образование в составе Совета Народных Судей двух отделений: уголовного и гражданского.

Советы народных судей—это, как сказано, инстанция кассационная, а не аппеляционная. Отмена аппеляции была провозглашена первым же декретом о суде (ст. 2) по отношению к местным судам, и затем подтверждена вторым декретом о суде — по отношению к окружным народным судам (ст. 4).

Кассационному суду можно ставить одну или две задачи: или только задачу юридически—правильного разрешения каждого данного дела, или также более широкую и более значительную задачу внесения в судебную практику единообразия, без которого не может быть равенства всех граждан перед судом и законом. Эта последняя задача общего судебно-политического значения, без которой роль кассационного суда существенно умаляется, не чужда была декрету о суде № 2.

Так как задача об'единения судебной практики не достигалась бы при раздроблении кассационных функций между большим числом советов местных народных судей, — так как при этом условии самая кассационная практика отличалась бы неизбежным разнообразием, то декрет о суде № 2 создал новое учреждение: «верховный судебный контроль». Это учреждение по декрету № 2, должно было состоять из представителей областных народных судов.

Оставалось непонятным, почему верховный судебный контроль, построенный на начале представительства от кассационных судов, должен был включать в себя лишь представителей областных народных судов, но не с'ездов местных народных судей, хотя задачею его, повидимому, было об'единение кассационной практики, как тех, так и других. По ст. 6 декрета, «Верховный судебный контроль в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит об'единяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству».

Раньше, чем учреждение «Верховного судебного контроля» было действительно осуществлено, декрет № 3 заменил его учреждением кассационного суда в г. Москве из двух отделений — гражданского и уголовного в составе: председателя и его товарища, утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом по представлению Народного Комиссариата Юстиции, и 8-ми членов, избираемых Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом из кандидатов. представленных Окружными Народными судами и Советами местных судей.

В Положении о народном суде 30 ноября 1918 г. законодатель совсем не ставил перед собой задачи об'единения судебной практики при помощи кассационнй функции. Декретом утверждалось столько советов народных судей, сколько образуется в пределах Российской социалистической Федеративной Советской республике судебных округов, по общему правилу, совпадающих с губерниями (ст. 81).

Таким образом, Положение возвратилось к тому раздроблению

кассационной функции между большим числом (учреждаемых по одному для каждой губернии) кассационных судов, какое у нас было установлено Положением 12 июля 1889 года о земских участковых начальниках (ст 123), причем, в отличие от этого Положения декрет 30 ноября не принимал никаких мер к тому, чтобы внести единство в толкование законов многочисленными кассационными судами.

Неудовлетворительность такого Положения должна была с очевидностью сказаться тогда, когда лозунгом дня стало подчинение практики всех учреждений требованию «революционной законности». Ни о революционной и ни о какой либо другой законности в практике суда не могло быть и речи пока, как выразился докладчик по проекту советского судоустройства в 4-ой сессии IX созыва ВЦИК [1]), «дело, решенное одновременно народным судом Рязанской губернии и аналогичное дело, разрешенное в Тульской губернии, могли быть разрешены различно».

Советское законодательство, преследуя цель «установления правильного и единообразного применения всеми судебными органами законов РСФСР», первоначально пошло своеобразным путем: Положением о высшем судебном контроле 10 марта 1921 г. общий надзор за деятельностью судебных органов, преподание им руководящих раз'яснений и указаний по действующему советскому праву и даже отмена приговоров и решений судебных органов РСФСР, хотя бы и вступивших в законную силу, но основанных на неправильном применении закона, были возложены на Народный Комиссариат Юстиции, в составе которого уже и ранее имелся особый отдел судебного контроля (Собр. Узак. 1920 г. № 90, ст. 465).

Неудовлетворительность такого положения, при котором право отмены судебных решений, даже вошедших в законную силу, принадлежало органу администрации, хотя бы и судебной, скоро стало очевидной [2]).

Высший судебный контроль, по «Положению о судоустройстве 1922 г.» уступил свое место Верховному суду с его кассационными коллегиями и пленарными заседаниями.

Значение собственно кассационного суда придается кассационным коллегиям Верховного Суда; так как на них возлагается рассмотрение в кассационном порядке дел, решенных губернскими судами в первой инстанции, то множественность кассационных инстанций в отношении дел, подсудных народному суду, остается не устраненной.

При прохождении в законодательном порядке Положения о судоустройстве 1927 г. очень серьезное разногласие вызвал вопрос о предоставлении краевым судам кассационной функции в отношении дел, решаемых окружными судами. Проект такого расширения полномочий краевых судов был выдвинут представителями краевых об'единений. Если бы он прошел, идея об'единения руководства судебной практикою в едином высшем кассационном суде было бы подорвана. Этого т о г д а не случилось: восторжествовала аргументация Народного Комиссариата Юстиции, сумевшего настоять на сохранении трехколенной судебной системы. Однако, ввиду роста значения административно-территориальных делений, возможность возвращения к отвергнутому проекту вовсе не исключена.

Н. Полянский.

---

[1]) Бюллетень № 1, стр. 28.

[2]) На IV Всероссийском С'езде Деятелей Сов. Юстиции представитель Наркомюста Славин говорил: «деятельность Высшего Судебного контроля в настоящем виде страдает известными дефектами в том смысле, что он не представ-ет собою судебного места, а административное» (Мат. Нар. Ком. Юстиции, вып. XVI-XVII М, 1922 г. стр. 54)

Уголовно-процессуальное законодательство.

(1917—1927 г. г.).

I.

Законодательные акты (внешняя история уголовно-процессуального права).—Декрет о суде № 1, распубликов. 24 ноября 1917 г., был чрезвычайно скуден процессуальными правилами. Он ограничивался определением подсудности местных судов, установлением коллегиального контроля над постановлениями единоличных органов о личном задержании и о предании суду и провозглашением начала, что приговоры и решения местных судов обжалованию в аппеляционном порядке не подлежат. В остальном декрет ограничивался указанием на предстоящее «преобразование всего порядка судопроизводства» (ст. 3).

Более обильные, но все же очень немногочисленные процессуальные правила содержались в декрете о суде № 2 от 12 января 1918 г., где, помимо особой части «о судопроизводстве и подсудности», имелось еще несколько частей, относившихся к отдельным стадиям процесса.

Об'ем первых декретов о суде в известной мере оправдывал отзыв одного из иностранных критиков первых актов советского законодательства, писавшего, что в них «важнейшие проблемы разрешались одним решительным росчерком пера» (miteinem entschlossenen Federstich [1]).

Декрет о суде № 3, Инструкция Народного Комиссариата Юстиции от 23 июля 1918 г., Положение о Народном суде РСФСР первой редакции от 30 ноября 1918 г. и второй редакции от 21 октября 1920 г., о которых уже сказано выше в главе о судоустройстве, составляют следующие шаги в развитии нашего процессуального законодательства.

1922 г.—начало издания серии кодексов. К этому времени и даже значительно раньше произошло коренное изменение во взгляде на степень связанности судов процессуальными нормами. В августе 1918 г. бывший Комиссар Юстиции П. И. Стучка писал: «ныне для нас нет ни одной формальности, которая была бы абсолютно-обязательной по иным, как только по техническим соображениям. И вообще будущий устав судопроизводства будет просто инструкциею, руководством, пособием для решения судебных дел и только» [2]). Напротив, уже очень скоро после того Комиссар Юстиции Д. И. Курский высказался в совсем ином смысле: «мы вправе требовать..., чтобы каждый суд, вынося свои приговоры, соблюдал все формы судопроизводства, которые декретируются советской властью» [3]). Разумеется, только при таком взгляде деятельность уголовных судов могла войти в систему гарантий революционной законности, под знаком которой открылась «эра»

---

[1]) Dr. Max Hirschberg, Bolchewismus. Eine kritiche Untersuchung über die amtlichen Veröffentlichungen der Soviet-Republik 1919. Критическое отношение к ряду положений советского права не помешало автору закончить очерк выражением некоторого удивления: «варварская советская республика осуществила в своей судебной программе рядом с невозможным по нашим понятиям также такие вещи, которые уже в течение десятилетий составляют для наших свободно мыслящих юристов неосуществимую мечту».

[2]) „Пролетарская революция и право", 1918 г № 1, стр. 4; тоже во введении к книге П. Стучка, Народный Суд в вопросах и ответах, 1918 г., стр. 3.

[3]) «Пролетарская революция и право», 1919 г. № 1, стр. 18.

кодексов, и только при таком взгляде уголовно-процессуальный кодекс мог войти в систему кодексов, как равноправный член [1]).

В 1922 г. одновременно с Уголовным Кодексом III сессией ВЦИК'а IX созыва был принят в уголовно-процессуальный кодекс, распублик. в №. 20—21 Собр. Узак. за 1922 г.

Когда на следующей затем сессии был принят проект Положения о судоустройстве, то одновременно ВЦИК постановил: «Президиуму ВЦИК и НКЮ поручить в соответствии с принятым законопроектом переработать Уголовно-Процессуальный Кодекс»; однако, новая редакция Уголовно-Процессуального Кодекса, принятая Президиумом ВЦИК 15 февраля 1923 г., отличалась от предыдущей не только ссогласованием ее с Положением о судоустройстве; местами ею устанавливались принципиально новые положения.

Следуюший пересмотр Уголовно-Процессуального Кодекса также сопутствовал пересмотру Положения о судоустройстве, хотя и не зависел от него: № 78 Собр. Узакон. за 1924 г. содержит в себе наряду с «дополнениями и изменениями Положения о судоустройстве РСФСР» также «положения и изменения Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР».

В связи с введением в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 г. в Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР был внесен ряд новых изменений декретом от 22 ноября 1926 года (С. У. 26 г. № 84), за которым последовали декреты 7 марта 1927 г. (С. У. 1927 г. № 84) и декрет 6 июня 1927 г. (С. У. 1927 г. № 50).

Первые основы советского уголовно-процессульного законодательства. Общие начала советского судопроизводства были впервые формулированы в Положении о народном суде 30 ноября 1918 г. в ст.ст. 21—27. Если исключить из этих статей две, относящиеся только к гражданскому судопроизводству, то число основных положений, установленных для обоих видов судопроизводства и для уголовного, в частности, окажется очень незначительным.

Легко понять, почему законодатель в этом первом опыте установления основных начал судопроизводства на первом месте поставил положение о судебном языке: принцип «равноправия народностей» был заложен в качестве одного из краеугольных камней в основу нового государственного строя; ему-же, как «конституционному началу», по праву принадлежало первое место среди «общих начал судопроизводства», где он нашел себе выражение, как принцип равноправия языков: вместо системы единого государственного языка, советское законодательство ввело систему местных наречий. По ст. 21 Полож. о народном суде 30 ноября 1918 г., «В Российской Социалистической Федеративной Советской Республике допускается судоговорение на всех местных языках». Впоследствии это начало получило развитие сначала в УПК РСФСР; позднее—в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик». Бесспорно, что ст. 15 этого союзного закона проникнута стремлением дать наилучшее разрешение «проблемы языка» в уголовном суде, обеспечивающее, наряду с интересами правосудия, в первую голову интересы обвиняемых, а затем и других участвующих в процессе лиц.

---

[1]) Напротив, П. И. Стучка именно не предполагал этого равноправия. В 1918 г. в октябрьском сборнике им был намечен такой план кодификации: I том—конституция, права и обязанности граждан, социальное право, кодекс труда, международное право, II том—*технические* инструкции и руководства (о судоустройстве, о почт.-тел. и жел.-дор. службе и т. д.) (См. «Энциклопедия государства и права», вып. 3, стлб. 440).

Рядом с вопросом, какой язык суд применяет, «общие начала» разрешали вопрос, какое право суд применяет. Вопрос этот ко времени издания Положения о народном суде уже имел свою историю после октябрьского переворота. Ст. 5 декрета о суде № 1 гласила: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Таким образом, в этом первом декрете о суде революционная совесть и революционное правосознание имели значение критерия сохранения или утраты дореволюционным законом силы. Такое же значение правосознание («правосознание трудящихся классов» в ст. 8, «социалистическое правосознание» в ст. 36) имело и по декрету о суде № 2. Однако, декрет о суде № 2 проявлял некоторую осторожность в установлении той роли, которая им уделялась на долю правосознания; ст. 8-я оговаривала, что «в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отмены судом устарелых или буржуазных законов». По этому поводу один из деятелей революции, принимавший ближайшее участие в организации нового суда писал: «Формы отправления правосудия должны быть твердо закреплены... Понятие же «правосознания трудящихся классов» при всей своей кажущейся ясности—поневоле неопределенно. Законодатель не мог сузить круга запретительных законов иначе, как опытом революции, т. е. сознанием трудового народа, воплощенным в жизни. Но во имя правосудия он в праве был требовать, чтобы сущность разногласий с принятыми за основу (курс. наш) Судебными Уставами была ясна и определенна» [1]).

В отличие от предыдущих декретов декрет о суде № 3 поставил «социалистическую совесть», под которою, надо полагать, разумелось то-же социалистическое правосознание, наряду с декретами рабоче-крестьянского правительства, как самостоятельный и равноправный источник права

Напротив, в Положении о народном суде подчеркнуто вспомогательное значение правосознания, как источника права, только восполняющего пробелы декретного законодательства. Конечно, субсидиарная роль была отведена на долю правосознания лишь формально; по существу же дела, принимая во внимание, как многое оставалось не предусмотренным декретами, нельзя не видеть, что на долю правосознания был оставлен Положением еще очень широкий простор, несомненно превышавший ту область, которая была урегулирована декретным законодательством.

Небезынтересным представляется отметить смену определений, которыми законодатель стремился ограничить правосознание, могущее служить источником права: в декрете о суде № 1 речь шла о «революционном правосознании», в декрете о суде № 2 «о правосознании трудящихся классов» и, наконец, в Положении о народном суде «о социалистическом правосознании». Не было ли вызвано это последнее изменение сделанным наблюдением, что правосознание трудящихся классов чуть ли не на другой день после социального переворота не было и не могло быть во всем социалистическим? Это последнее предположение находит себе подтверждение в следующих словах П. Стучки: «К сожалению самый народ в своем правосознании даже слишком придерживается писанного закона, переходящего, по словам Гете, подобно вечной болезни к потомству», [2]) причем автор, говоря о писанном

[1]) А. Шрейдер, Народный Суд, М., 1918 г., стр. 6.
[2]) „Материалы Нар. Ком. Юст.», Вып. II, 1918 г. стр. 9.

законе, имел в данном случае в виду (как видно из контекста) «писанные ааконы свергнутого режима».—Гораздо позднее Ленин в речи, произнесенной на X с'езде Рабочей Коммунистической Партии, жаловался, что под влиянием экономической разрухи пролетариат, в большей своей части деклассированный «неслыханными кризисами», стал усваивать «бужуазно-анархическую тенденцию» [1]).

Вводя «революционное правосознание», «правосознание трудящихся классов», или «социалистическое правосознание» в число источников положительного права, декреты советской власти исходили из убеждения, что судам должна быть предоставлена «правотворческая роль», что «решения народных судей, по возможности свободных и независимых от писанного старого права, дадут наиболее ценный материал для будущего кодекса» [2]) и что, так как «источник всей власти—внизу, в народных массах», то менее всего можно «стеснять или тормозить развитие в судах народного права» [3]). Именно, как орган правотворческой функции, суд должен был стать великой школой для социалистического воспитания народной психики [4]). Суду, таким образом отводилась роль фактора, дсятельность которого (судебная практика) должна восполнять функцию законодателя и притом быть с нею по существу однородной: ее назначение, выясняя и закрепляя «социалистическое правосознание», тем самым творить новое право.

Здесь существенное различие в отношении к судебной власти советского правительства на первом этапе революции и деятелей великой французской революции,—различие, находящее себе об'яснение в разнице исторической обстановки и факторов, произведших нашу и великую фрянцузскую революцию.—Деятели последней боролись с остатками феодализма, с характерной для него местною пестротою правопорядка во всех областях жизни, в частности, в области правосудия. Деспотизму государственной власти при старом режиме они противопоставляли неумолимый деспотизм закона. Теория суверенитета закона была общей для конституанты и для конвента при всем глубоком различии в направлении деятельности этих учрежгений; конституанта подчиняла короля с его «bon plaisir» закону; конвент, сосредоточивший в своих руках всю государственную власть, сам ставший таким же абсолютным владыкой, каким был король, не мог помириться с тем, чтобы рядом с ним кто либо другой присваивал себе роль выразителя воли революционного народа; от этого суды низводились им на степень органов механического применения законодательных текстов; судебная практика ,как самостоятельный источник права, jurisprudence принципиально отрицалась. Робеспьер говорил: «Самое слово «jurisprudence» должно быть выключено из нашего языка. В государстве, которое имеет конституцию и законодательство, практика судов есть то же, что закон (т. е. сливается с законом, будучи его применением); отсюда постоянное тождество судебной практики». Предупреждая правотворчество судебной или административной практики, декрет 14—16 фримера II года, установивший революционное

---

[1]) Известия ВЦИК 11 марта 1921 г. № 54. Юристка Зинаида Тетенборг на страницах журнала «Пролетарская революция и право» (1919 г. № 2—4, стр. 72), с своей стороны, выражала недовольство „консервативностью воззрений на семейные отношения, на отношения родителей и детей, консервативностью, увы, евойственной не только обывателям, но и передовым коммунистам, зарекомендовавшим себя в деле строительства новой жизни".

[2]) П. Стучка „Пролетарская революция и суд", в журн. „Пролетарская революция и право", 1918 г. № 1 стр. 6.

[3]) Материалы Нар. ком. Юст., вып. I, стр. 52.

[4]) Материалы, вып. II, стр. 31.

правительство, постановил: «Запрещается всякой власти и всякому должностному лицу, состоящему на государственной службе, делать об'явления или постановлять решения, расширяющие или ограничивающие буквальный смысл законов или им противоречащие под предлогом толкования их или пополнения их. Только конвенту принадлежит право давать толкование декретов» [1].

Признание за «социалистическим правосознанием» значения самостоятельного фактора у нас было следствием решительной ломки не только государственного строя, но и всей системы социальных правоотношений; дело шло в первую очередь не об утверждении, вместо произвола, законности, а о водворении вместо старого права нового, которое еще не было написано. Позднее, когда был провозглашен лозунг революционной законности, и были составлены кодексы советского права, социалистическое правосознание естественно должно было сначала отступить на задний план, а потом и вовсе утратить значение самостоятельного источника права; по крайней мере, ни «Основы уголовного судопроизводства», ни «Основные начала уголовного законодательства» Союза ССР и Союзных Республик уже ничего не говорят о социалистическом правосознании.

С развитием начала законности отошло в прошлое (до УК 1926 г.) и установленное в «общих началах судопроизводства» право суда по своему убеждению не только назначить наказание ниже предела, указанного в законе, но и совсем освободить от него (статья 23 Полож. о нарсуде требовала в этом случае только изложения оснований освобождения от наказания); это право устранено было уже Положением о народном суде 21 октября 1920 г.

К полномочиям суда руководиться не только писанным законом, но и убеждением, что то или другое решение соответствует социалистическому его правосознанию, и к его полномочию по своему убеждению определять наказание или освобождать от наказания «общие начала судопроизводства» присоединяли полномочия суда оценивать доказательственную силу фактических обстоятельств дела также по своему убеждению без каких-либо ограничений формальными доказательствами. Это последнее начало было выражено в ст. 24 Положения, которая гласила: «Народный Суд не стеснен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства и потребовать их от третьих лиц, для коих такое требование обязательно. В том, что судебное решение не связывалось никакими формальными доказательствами, не было в отношении уголовного судопроизводства ничего существенно нового: «Теория доказательств, основанных единственно на их формальности», была отменена уже Основными Положениями Уголовного Судопроизводства, утвержденными 29 сентября 1862 г. Новым могло бы показаться право суда допускать те или иные доказательства, если бы это право могло быть истолковано в смысле неограниченности власти суда в выборе средств доказывания, но такое толкование, очевидно, было бы неправильно: оно опровергается содержанием следующей за «общими началами» главы: «Следствие», из которой видно, что в суде могли иметь место только следующие доказательства: показание подсудимого (ст. 67), показания свидетелей и экспертов и вещественные доказательства (ст. 62; по очевидному недосмотру Положение не упоминало о письменных доказательствах). Это—те же самые доказатель-

[1] Maxime Leroy, La loi. Essai zur la théorie de de l'autorité dans la démocratie 1908, стр. 62.

ства, ограничительный перечень которых (с прибавлением «письменных документов») был затем закреплен в УПК (теперь ст. 58 УПК РСФСР [1])

Новым, с точки зрения уголовного судопроизводства, не было и заключительное положение статьи 24: «Присяга, как доказательство, не допускается»; присяга, в качестве самостоятельного доказательства, не допускалась и по уставу угол. судопр. 1864: она имела значение лишь меры обеспечения достоверности доказательства(показаний свидетелей, окольных людей, сведущих людей). Ст. 25 «общих начал судопроизводства» Пол. о нар. суде отменила присягу и в этом ее значении. Текст ст. 24 «общих начал судопроизводства» почти дословно перенесен в «основы уголовного судопроизводства Союза ССР» (ст 20).

Размеры места отведенного для настоящей статьи, заставляют ограничиться справкой о первых основах советского уголовно-судебного права и решительно не позволяют остановиться на развитии тех начал, которые формулированы в «Основах уголовного судопроизводства СССР». В дальнейшем мы вынуждены лишь наметить основные тенденции в развитии нашего уголовного судопроизводства.

Подсудность уголовных дел. Если бы суд был действительно «единым», т. е. если бы правосудие отправлялось исключительно однородными учреждениями, то законодателю было бы достаточно установить правила местной подсудности, но так как и для советского законодательства пока еще недостижимым представляется полное единообразие в организации судов, то и оно должно было дать правила не только о местной, но и о родовой подсудности. В развитии этих правил наблюдается последовательно проводимая линия в сторону все большего расширения подсудности народных судов, благодаря чему за народными судами все более укрепляется значение «базы» советского правосудия.

На первых порах ведомство народных судов ограничивалось с двух сторон: с одной стороны, из их ведомства были изъяты все дела, по которым обвиняемому угрожало наказание свыше двух лет, отнесенные к ведомству окружных судов; с другой стороны, их власть не распространялась на дела, которые принимали к своему рассмотрению революционные трибуналы и чрезвычайные комиссии. Подсудность революционных трибуналов определялась чрезвычайно широко и в то же время принятие или не принятие дела революционным трибуналом к своему рассмотрению не подлежало оспариванию (см. ст. 2-ую Полож. о ревтрибуналах 18 марта 1920 г.). Это дало повод одному из участников 3-го с'езда деятелей советской юстиции сказать: «Подсудность народных судов определяется мерой аппетита революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий».

Декрет о суде № 3 важен, как установивший впервые принцип: подсудность местным народным судам — правило; подсудность иным судам—исключение. Такова же точка зрения Положения о народном суде 30 ноября 1918 г., формулировавшего в ст. 4 общее правило о подсудности «всех уголовных дел о преступлениях и проступках» народному суду и только в примечании оговорившего исключительную подсудность революционных трибуналов. Различая в пределах ведомства народного суда подсудность уголовных дел народному судье с

---

[1]) Ст. 58 называет также протоколы осмотра, очевидно, смешивая средство закрепления доказательства с самим доказательством: протокол осмотра есть лишь средство, при помощи которого суд знакомится с вещественным доказательством (следы преступления на человеческом теле составляют также вещественное доказательство).

двумя заседателями и подсудность народному судье с шестью заседателями, Положение и в этом случае общим правилом считало подсудность уголовных дел народному судье с двумя заседателями, т. е. тому составу судей, за которым до настоящего времени сохранилось значение народного суда наряду с образованными в последствии губернскими судами. Когда были созданы эти последние, их подсудность в Уголовно-Процессуальном Кодексе так же, как подсудность единоличного народного судьи, была определена перечнем отнесенных к их ведению преступлений, а «все остальные дела» были отнесены к ведомству народного суда с двумя заседателями. С течением времени перечень дел, подсудных губернским судам, несколько раз изменялся и при этом всякий раз сокращался. Даже со времени согласования этого перечня с новой редакцией Уголовного Кодекса (декрет 22 ноября 1926 г.) последовало новое сокращение его по декрету от 7 марта 1927 года. Этого мало: декрет 6 июня 1927 г. ввел своеобразную «коррекционализацию» подсудности—все в тех же целях расширения сферы деятельности народного суда — а именно, по примечанию 2-му к ст. 26 дела о некоторых преступлениях, отнесенных текстом этой статьи к ведению губернских судов, могут быть по особым определениям губернского суда передаваемы в народный суд, если губернский суд признает что они не представляют особой сложности или особого государственного или общественного значения.

Предварительное следствие. Та или другая организация предварительного следствия зависит от взгляда на взаимоотношения двух стадий предварительного производства по уголовному делу: дознания и предварительного следствия.

На V Всероссийском С'езде деятелей советской юстиции докладчик по «вопросам уголовного судебного процесса» А. Я. Вышинский различал «советскую» точку зрения на дознание, согласно которой дознание никакой органической особенностью от предварительного следствия не отличается, и «старую», противопологавшую дознание, как область не судебной деятельности, предварительному следствию, как судебной области [1]). В зависимости от взгляда на природу предварительного следствия должно, конечно, находиться и определение роли следователя в стадии предварительного по делу производства: смотря по тому, к чему приближается предварительное следствие по приписываемой ему природе—к судебному следствию и к дознанию,—следователь или ставится в положение независимое от органа обвинения или, напротив, подчиняется ему и, где возможно, заменяет его, как служащий своей деятельностью, вместе с органами дознания, задаче подготовке обвинения.

Уже во второй редакции УПК от 15 февраля 1923 г. наблюдается определенная тенденция к усилению роли и значения прокуратуры в стадии предварительного следствия и к установлению большей зависимости следователя от прокурора [2]): раньше производство следствия могло быть передано из одиого следственного участка в другой по постановлению Губернского Совета Народных Судей; по ст. 124 новой редакции УПК, для этого достаточно постановления прокурора;—раньше спор о подследственности разрешался судом; теперь он разрешается прокурором (ст. 127).

---

[1]) Подробнее о различении «советской» и «старой» точек зрения на соотношение дознания и предварительного следствия см Н. Н. Полянский. Новая редакция Уголовн. Проц. Кодекса, 1925, стр. 15—20.

[2]) См подробнее Н. Н. Полянский. УПК РСФСР (сравнительный очерк новой и старой редакции кодекса), М. 1923 г.

Та же тенденция еще более ярко проявилась в «дополнениях и изменениях Угол. Проц. Код.», внесенных декретом 16 октября 1924 г. (С. У. 24 г. № 78) В определении роли следователя в предварительном производстве названный декрет последовал за предложениями, сделанными на V с'езде деятелей советской юстиции, на котором докладчик Н. В. Крыленко так формулировал взаимоотношение следователя и прокурора: «Прокурор и следователь есть, в сущности говоря, две ипостаси одного и того же лица, и мы превращаем следователя в помощника прокурора». Это превращение следователя в вспомогательный орган при прокуроре нашло себе наглядное выражение в том, что в целом ряде случаев в тексте закона указание на следователя заменило содержавшееся ранее указание на прокурора или помощника прокурора (ст. ст. 102, 104, 105, 107 221, 222, 223, 224, 234, 249). В этом отношении, как основная и наиболее характерная, должна быть отмечена ст. 107 УПК. По ее прежней редакции, надзор за производством дознания в полном об'еме сосредоточивался у прокуратуры, которой подавались жалобы на действие органов дознания; по новой же редакции 107 ст., за прокуратурой остается только обший надзор за действиями органов дознания, надзор же за производством дознания по каждому отдельному делу возлагается на следователя.

От того или другого взгляда на природу предварительного следствия зависит и решение вопроса об участии в предварительном следствии защиты: если предварительное следствие есть предварительное с у д е б н о е исследование дела, то защита в нем так же уместна, как и в стадии судебного следствия; если. напротив, предварительное следствие приравнивается по своей природе к дознанию, если проводится принцип «единства работы следственно-розыскных органов», и если самые эти органы являются вспомогательными по отношению к прокуратуре, что участие защиты в стадии предварительного следствия, конечно, было бы внутренним противоречием; оно было бы равнозначуще участию з а щ и т ы в подготовке о б в и н е н и я. Отсюда становится понятным то изменение, которое претерпело отношение советского законодательства к вопросу о защите в стадий предварительного следствия.

Первоначально советскому законодательству вовсе не чужд был взгляд на предварительное следствие, как на судебную работу. Конечно, только при таком взгляде мыслима была та коллегиальная организация следственных органов, которая была принята и в декрете о суде № 2 (ст. 21) и в Положении о народном суде редакции 30 ноября 1918 г. (ст. 28), и которая уступила место единоличному следователю только с изданием Положения о народном суде 21 октября 1920 г. Представлению о предварительном следствии, как о стадии, по своей природе сходной с судебным следствием, соответствовало построение предварительного следствия на состязательном начале с допущением особого представительства обвинения и защиты. По ст. 3-й декрета о суде № 1, в роли обвинителей и защитников допускались все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. И так же, как коллегиальная организация предварительного следствия, защита, допускавшаяся в предварительном следствии по Положению о нар. суде 30 ноября 1918 г. (ст. 34), уже не упоминается в постановлениях о следствии Положения 21 октября 1920 года.

Судебное следствие и приговор. Для стадии судебного заседания характерным представляется н е к о т о р о е сокращение процессуальных гарантий, наблюдаемое как во второй редакции УПК, так

и в «дополнениях и изменениях» 1924 г. по сравнению с первоначальной редакцией. Так, ст. 427 УПК первоначальной редакции гласила: «Революционный трибунал вправе при рассмотрении дел прекратить допрос свидетеля или свидетелей в любой момент допроса таковых, если признает, что показаниями допрошенных свидетелей вполне установлены те обстоятельства, для установления которых свидетель вызывался; трибунал обязан мотивировать указанное определение». Этим требованием мотивировки определения о прекращении допроса свидетеля или свидетелей постановление ст. 427 УПК первоначальной редакции отличалось от соответствующей (19-й) статьи «Основного закона о революционных трибуналах» 18 марта 1920 года. Напротив, от этого требования отказалась вторая редакция УПК, освободившая, по примеру «Основного закона о революционных трибуналах» губернские суды, пришедшие на смену революционным трибуналам, от обязанности мотивировать отказ от допроса вызванных свидетелей. Далее (не в порядке статей, а в хронологическом порядке изменений) аналогичное (по тенденции) изменение внесено в определение процессуальных последствий признания подсудимого. По старой редакции 1 ч. 282 ст., не смотря на признание обвиняемого, стороны могли потребовать от суда производства судебного следствия, и это требование для суда было обязательным; теперь, согласно закону 16 октября 1924 г., при наличии признания подсудимого, всецело от суда зависит произвести или не произвести судебное следствие. Та же тенденция к расширению полномочий суда и, следовательно, к сокращению процессуальных гарантий наблюдается и в определении содержания приговора: по ст. 338 УПК ред. 1922 г., в описательной части приговора должны были быть изложены «добытые судебным следствием данные, положенные в основу выносимого приговора», теперь (уже после издания УПК в ред. 1923 г.) суд свободен от обязанности мотивировать приговор (ст. 334).

Пересмотр судебных приговоров.—В вопросе об обжаловании приговоров и решений советское судебное законодательство усвоило то отрицательное отношение к аппеляции, которое с давних пор имеет сторонников среди цивилистов, и в котором сходятся многие из современных криминалистов. Уже декрет о суде № 1 постановил: «приговоры и решения местных судов окончательны и обжалованию в аппеляционном порядке не подлежат» (ст. 2). То же начало воспроизводят декрет о суде № 2 применительно к решениям и приговорам окружных судов, а позднее «Положение о народном суде», «Основы уголовного судопроизводства СССР» и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Ст. 25 «Основ» говорит: «Аппеляция не допускается. Приговоры проверяются высшими судебными инстанциями по жалобам и протестам лишь в кассационно-ревизионном порядке или в порядке высшего судебного надзора».

В развитии института кассации историк советского процесса отметит—скоро, впрочем, завершившую свой цикл—эволюцию понятия кассации, получившего своеобразное содержание. В декрете о суде № 1 совсем не было определено условий отмены приговора в кассационном порядке и, следовательно, были сохранены те самые условия, которые указывались в еще не вполне отмененных Судебных Уставах (поскольку они не противоречили «революционной совести и революционному правосознанию»), т. е. нарушения норм формального или материального права. Но уже декрет о суде № 2 значительно расширил основания кассации: по ст. 5 декрета, «при обжаловании в кассационном порядке суд имеет право отменять решение

не только по формальным нарушениям (декрет под формальными нарушениями разумеет, надо полагать, вообще нарушения правового характера), но и в том случае, если признает, что обжалованное решение явно несправедливо» [1]). Этим определением кассация в известной мере была сближена с аппеляцией, так как нельзя, понятно, судить о справедливости или несправедливости решения, не войдя в оценку обстоятельств дела по существу. В дальнейшем условия кассации, а вместе с ними и самое понятие кассации, были еще более расширены, а именно: Положение о народном суде, помимо существенного нарушения или неправильного применения декретов и признания решения или приговора явно несправедливыми, включило в число кассационных поводов также неполноту следствия. Те же основания (в иной формулировке) к отмене приговора в кассационном порядке сохранились и по действующему праву.

По сравнению с дореволюционным правом институт кассации получил расширение и в другом направлении: уже декрет о суде № 2 и Положение о народном суде не связывали кассационную инстанцию поводами к отмене приговора, указанными в кассационной жалобе, а уголовно-процессуальный кодекс уже в первой редакции (ст. 350) обязал суд, независимо от рассмотрения поводов к обжалованию приговоров, в указанных кассационных жалобах и протестах, «всякий раз осмотреть все производство по делу в ревизионном порядке» и отменить приговор в случае обнаружения нарушений закона, влекущих за собою отмену приговора.

Так кассационный порядок пересмотра приговоров превратился в «кассационно-ревизионный», о котором говорит ст. 25 «Основ».

Н. Полянский.

---

[1]) Эта [illegible] была общей для гражданских и уголовных дел; слово „решение“, следовательно, употребленное в широком смысле, обнимало и приговор.

N0054600
ЮФ СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. **Э. Э. Понтович.** Союз ССР, как союзное государство 5

II. **С. А. Котляревский.** Финансовое законодательство за 1917—27 гг. . 11

III. **В. И. Серебровский.** Развитие Гражданского Законодательства в РСФСР 21

IV. **П. И. Люблинский.** Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет 27

V. **А. Н. Трайнин.** Десять лет советского уголовного законодательства (итоги и перспективы) 36

VI. **М. М. Гроздинский.** Общее и суммарное производство в уголовном процессе УССР (к истории Советского уголовного процесса на Украине) 46

VII. **А. С. Тагер.** О прокуратуре и адвокатуре, обвинении и защите . . . 55

VIII. **Н. Н. Полянский.** Революционные трибуналы 68

IX. **Н. Н. Полянский.** Советское законодательство о судоустройстве в его основных моментах (общие судебные учреждения) 79

X. **Н. Н. Полянский.** Уголовно-процессуальное законодательство (1917—1927 г. г.). 95

Цена 2 р.

Кооперативное Издательское Т-во „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

Москва—34, ул. Кропоткина (б. Пречистенка) 17. Тел. 1-63-64.

Вышли из печати: **УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР.**

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СОСТАВИЛИ ПРОФЕССОРА

М. Н. ГЕРНЕТ, М. М. ГРОДЗИНСКИЙ, А. А. ЖИЖИЛЕНКО, Б. Н. ЗМИЕВ, М. М. ИСАЕВ, П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ, С. П. ОРДЫНСКИЙ, Н. В. РАБИНОВИЧ и проф. А. Н. ТРАЙНИН.

Под редакцией М. Н. ГЕРНЕТА и А. Н. ТРАЙНИНА.

Цена 4 руб. 50 коп., в переплете 5 руб.

Проф. А. А. ЖИЖИЛЕНКО.

ДОЛЖНОСТНЫЕ (СЛУЖЕБНЫЕ) ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Текст закона и научно-популярный практический комментарий. С подробным алфавитно-предметным указателем. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1927 г. Цена 1 р. 40 к.

Проф. Н. Н. ПОЛЯНСКИЙ.

ОЧЕРКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.

Цена 1 руб. 75 коп.

Проф. А. Н. ТРАЙНИН.

АМНИСТИЯ К ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ.

Комментированное издание. Цена 75 коп.

Проф. Н. Г. ВАВИН,

КОДЕКС ЗАКОНОВ О БРАКЕ, СЕМЬЕ и ОПЕКЕ.

Популярно-практический комментарий. С образцами и формами заявлений, свидетельств (о браке, о рождении, о смерти, об усыновлении и др.). Текст закона, действующие постановления, инструкции, циркуляры и судебная практика. С подробным алфавитно-предметным указателем. Москва, 1927 г. Ц. 1 р. 60 к.

В. КАРАВАЕВ и В. ГУТЕРМАН.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ТРУДА и СЕМЕЙ УМЕРШИХ РАБОЧИХ и СЛУЖАЩИХ.

Законы, правила и раз'яснения о порядке получения пенсии, льгот, лечения и пр. инвалидам труда, рабочими, служащими, инвалидами гражданской войны, кадровым начальствующим составом Раб.-Крест. Красн. армии, учителями, научными работниками и др. и их семьями. Москва, 1927 г. Цена 50 коп.

Н. С. ДАДЬЯНЦ.

ИСКИ ОБ АЛИМЕНТАХ.

Взыскание в судебном порядке на содержание детей, родственников и супругов. Цена 50 коп.

Проф. Н. Г. ВАВИН.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЕКСЕЛЯХ.

Научно-практический комментарий с предисловием проф. А. Э. Вормса. Издание 2-ое, переработанное и дополненное. Текст законов РСФСР, УССР, БССР и др. республик с позднейшими законодательными изменениями и дополнениями. Циркуляры, раз'яснения и инструкции НКЮ, НКФ, Верхсуда, Госналога, Госбанка и др. Судебная и администр. практика. С подробным предметным указателем. Цена 2 руб. 50 коп., в переплете 2 руб. 80 коп.

Л. П. БОБЫЛЕВ и А. К. ПЕТРУЧУК.

Консультанты налог. секции Совета с'ездов госпром. и торговли СССР.

ИЗ'ЯТИЯ и ЛЬГОТЫ ПО ПОДОХОДНОМУ НАЛОГУ.

Для государственных, коммунальных, кооперативных (потребительских, промысловых, сельскохозяйственных) и др. видов предприятий, инвалидных об'единений и других организаций. С приложением Положения о подоходном налоге и подробным алфавитно-предметным указателем. Цена 1 р. 80 коп.

П. И. БЕЛЕЦКИЙ.

УСТАВ О ГЕРБОВОМ СБОРЕ и ПОЛОЖЕНИЕ О НАЛОГЕ С ОБРАЩЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ.

В общедоступном изложении. Цена 75 коп.

9еп